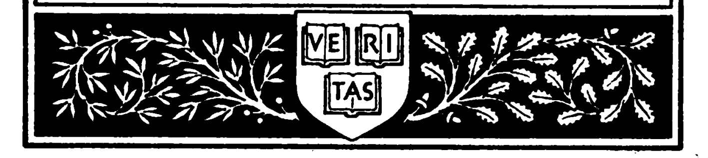

Widener Library
3 2044 044 498 020

VE
RI
TAS

Часть 2

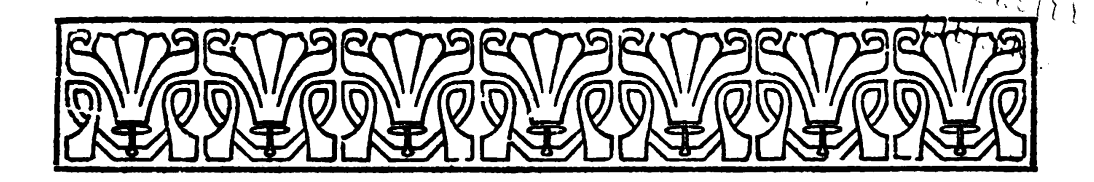
ЦАРСКІЙ КАПРИЗЪ.

Историческій романъ А. И. Соколовой.

Изданіе А. А. КАСПАРИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство „РОДИНА“, Лиговская ул., собствен. домъ, № 114

Типографія А. А. Каспари.
Лиговская улица, собственный домъ, № 114.

ЦАРСКІЙ КАПРИЗЪ.

Историч. романъ А. И. Соколовой.

I.

Въ царскихъ покояхъ.

Раннія весеннія сумерки спускались надъ туманнымъ Петербургомъ. Лучи заходящаго солнца скользили по крышамъ высокихъ домовъ и яркими бликами отражались на куполѣ мрачной Петропавловской крѣпости и на весело уходившемъ въ высь золотомъ шпилѣ Адмиралтейства.

Эти лучи играя пробирались сквозь зеленѣющую листву Лѣтняго сада, миллъонами золотыхъ брызгъ дробились и скользили по гладкой поверхности уснувшей Невы и, сплошь заливая огромную Дворцовую площадь, живымъ снопомъ врѣзывались въ зеркальныя окна роскошнаго Зимняго дворца.

Тамъ, предъ широкимъ итальянскимъ окномъ царскаго кабинета, выходившаго на Неву, прислонившись спиной къ мраморному косяку и весь уйдя въ глубокую думу, стоялъ мощный красавецъ, императоръ Николай I Павловичъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вступившій на русскій престолъ.

Тревожной страницей врѣзалось это воцареніе въ исторію русскаго государства. Далекимъ отзвукомъ откликнулось оно въ мрачныхъ рудникахъ холодной Сибири и въ видѣ тяжелаго эпилога завершилось среди дрогнувшей столицы казнью декабристовъ.

Окончился драматическій эпизодъ великодушной борьбы между царственными братьями, среди ореола великодушія состоялось отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича, и сѣверный гигантъ Николай Павловичъ смѣлой, мощной стопою взошелъ на ступени могучаго трона.

Онъ рѣшительной, твердой рукою крѣпко сжалъ бразды сложнаго правленія, зоркимъ взглядомъ окинулъ свое широко раскинувшееся царство, и его громкій голосъ вѣщимъ кликомъ пронесся изъ конца въ конецъ необъятной Россіи.

Достигнувъ своей цѣли—безпрекословнаго повиновенія своей державной волѣ, онъ спокойно вздохнулъ своей мощной грудью гиганта и улыбнулся холодной улыбкой удовлетворенія.

Но былъ ли онъ счастливъ въ тайникѣ своей глубокой, какъ море, души? не тревожило ли его недавнее прошлое, не вставала ли грознымъ призракомъ тревога за грядущее?.. увы! сказать это не могъ никто! Сѣверный колоссъ, какъ гранитная скала, глубоко хранилъ и свое мощное горе, и свою холодную, спокойную радость. Во всемъ мірѣ онъ любилъ только свою семью. Онъ нѣжно заботился о подроставшихъ дѣтяхъ и съ благоговѣйнымъ обожаніемъ относился къ своей царственной супругѣ, въ то же время тревожно сторонясь отъ нея, оберегая ее отъ жгучихъ порывовъ своей властной любви. Онъ берегъ Александру Феодоровну, какъ экзотическій цвѣтокъ, глубоко сознавая, что ей, при ея хрупкой натурѣ, трудно было подняться отъ тѣхъ тревогъ и волненій, которыя ей пришлось пережить въ роковой день 14-го декабря 1825 г.

Въ тотъ историческій моментъ, когда Николай Павловичъ, почти вырвавъ маленькаго наслѣдника изъ рукъ обезумѣвшей отъ страха матери, вынесъ его на волновавшуюся площадь и передалъ на руки вѣрнаго ему полка, у императрицы Александры Феодоровны впервые задрожала голова, и затѣмъ этотъ недугъ уже не оставлялъ ея до конца ея жизни.

Но миновалъ короткій періодъ времени, и, вполнѣ успокоенная, счастливая, оберегаемая горячимъ, безпредѣльнымъ обожаніемъ супруга, окруженная цвѣтникомъ красавцевъ-дѣтей, нѣжная и хрупкая, царица вся отдавалась счастью, вся наслаждалась жизнью и между тѣмъ оставалась какъ бы внѣ этой жизни, будучи оберегаема благоговѣйнымъ культомъ всего окружавшаго ее.

Рожденіе послѣднихъ крѣпкихъ и здоровыхъ дѣтей отняло у императрицы ея послѣднія силы; и заботливо наблюдавшія за нею медицинскія свѣтила рѣшительнымъ словомъ науки положили извѣстную грань между державными супругами. Кроткая и всему покорная императрица съ женственной улыбкой встрѣтила это рѣшеніе представителей науки, а государь съ молчаливымъ уваженіемъ преклонился предъ нимъ.

И теперь, только что окончивъ обычный ранній обѣдъ (въ Зимнемъ дворцѣ въ царствованіе императора Николая Павловича обѣдали обыкновенно въ три часа дня), государь проводилъ императрицу до ея будуара и прошелъ въ свой рабочій кабинетъ, смежный съ небольшой, по-спартански обставленной спальней, гдѣ стояла его узкая желѣзная кровать, покрытая военной шинелью.

Онъ остановился предъ окномъ, выходившимъ на Неву, и весь отдался глубокимъ думамъ.

Въ послѣднее время императоръ Николай Павловичъ заду-

мывался все чаще и чаще, и наряду съ горькими страницами прошлаго въ его умѣ вставали тревожныя заботы о грядущемъ. Какое-то смутное предчувствіе тяготило его душу, какъ будто въ этомъ совершенно покорномъ ему могучемъ царствѣ гдѣ-то тайно и скрытно гнѣздилась какая-то никому невѣдомая, загадочная скорбь, вставала и смутно надвигалась какая-то тревожная, невѣдомая опасность.

Государь пристальнымъ взглядомъ своихъ строгихъ глазъ скользнулъ по заснувшей поверхности широкой Невы, на минуту остановился на шпилѣ Петропавловской крѣпости и, слегка вздрогнувъ, отошелъ отъ окна и опустился въ кресло, стоявшее предъ большимъ письменнымъ столомъ.

Посреди этого стола въ дорогой рѣзной рамѣ стоялъ портретъ императрицы съ маленькимъ наслѣдникомъ на рукахъ, сбоку отъ нея граціозной группой весело выглядывали изъ золоченой рамки плѣнительныя личики маленькихъ великихъ княженъ; въ глубь кабинета уходило, сливаясь съ темной дубовой рамкой, строгое лицо Петра Великаго съ острымъ профилемъ и сдвинутыми густыми бровями, изъ-подъ которыхъ зорко смотрѣли умные и проницательные глаза, а въ темномъ углу, за тяжелыми складками бархатной портьеры, какъ будто прятался написанный масляными красками портретъ императора Павла I съ его некрасивымъ профилемъ и загадочной тоскою его глубокихъ, словно блуждающихъ глазъ.

Николай Павловичъ хорошо помнилъ отца; въ его памяти глубоко врѣзались подробности послѣдняго вечера, проведеннаго Павломъ Петровичемъ среди родной семьи, и этотъ портретъ, выступавшій изъ своего темнаго угла, какимъ-то зловѣщимъ призракомъ вставалъ предъ нимъ. Онъ какъ будто манилъ его куда-то, какъ будто о чемъ-то предупреждалъ его и чѣмъ-то грозилъ.

Императоръ скользнулъ взоромъ по всей этой исторической галлереѣ фамильныхъ портретовъ, на минуту остановился на кроткомъ, мистическомъ лицѣ императора Александра I-го, съ болью въ сердцѣ отвелъ взоръ отъ изображенія некрасиваго лица своего брата, цесаревича Константина и, опустивъ голову на грудь, глубоко задумался.

Много было тутъ гордыхъ, мощныхъ властителей великаго царства. На всѣхъ этихъ гордыхъ головахъ поочередно покоилась державная корона, во всѣхъ этихъ, теперь уже мертвыхъ, рукахъ властно держался царскій скипетръ. А между тѣмъ кому изъ нихъ и корона, и скипетръ дали безоблачное счастье, въ чью душу влили тихій, безмятежный покой?

Длинной вереницей прошли всѣ эти монархи, другъ другу

завѣщая горькіе уроки, другъ предъ другомъ вставая историческими примѣрами!

Императоръ думалъ, на комъ изъ нихъ въ эту тревожную минуту остановить ему свое вниманіе, кого принять за образецъ?..

И мысль подсказала ему, что этимъ образцомъ нужно избрать не Петра Великаго, во всѣхъ своихъ новаторствахъ слѣпо слѣдовавшаго чужому примѣру, рабски подражавшаго всѣмъ чужимъ ошибкамъ, и не тревожную тѣнь съ дѣтства обреченнаго на гибель отца; что не за таинственнымъ мечтателемъ, мистикомъ и полуотшельникомъ императоромъ Александромъ I нужно было послѣдовать въ ту таинственную даль историческаго тумана, изъ которой его не освободило даже строго правдивое слово всемірной исторіи.

Кто же изъ нихъ былъ правъ на своемъ отвѣтственномъ, царственномъ пути? Предъ чьей скорбной тѣнью преклониться? по чьимъ слѣдамъ пойти?!.

Между нимъ и всѣми этими скорбными тѣнями была крупная, существенная разница. Всѣ они по неотъемлемому наслѣдственному праву входили на ступени трона, тогда какъ онъ ступилъ на нихъ, благодаря отказу своего царственнаго брата отъ своихъ правъ на престолъ, превышавшихъ тѣ, которыя принадлежали ему.

Императоръ Николай Павловичъ занялъ мѣсто на тронѣ съ палящимъ зноемъ честолюбія въ душѣ, съ природнымъ инстинктомъ власти, съ глубокой вѣрою въ себя, но занялъ его неподготовленный къ великой міровой задачѣ и минутами самъ глубоко чувствовалъ и сознавалъ эту неподготовленность.

Такая именно минута наступила для него теперь, среди полнаго безпросвѣтнаго одиночества, среди царственной роскоши пышнаго и молчаливаго дворца, и онъ былъ радъ, когда въ дверь его кабинета раздался стукъ и на порогѣ показалась некрасивая и приземистая фигура его младшаго брата, великаго князя Михаила Павловича. Императоръ всегда былъ радъ видѣть этого брата; онъ зналъ, какъ горячо и самоотверженно тотъ любитъ его, зналъ, что по первому его слову Михаилъ Павловичъ не задумавшись отдастъ свою жизнь, и самъ горячо и преданно любилъ его.

Государь привѣтливымъ взглядомъ встрѣтилъ вошедшаго и, дружески протягивая ему руку, разомъ замѣтилъ на лицѣ великаго князя какую-то непривычную ему не то грустную, не то досадливую тѣнь.

— Что съ тобой, Миша?—ласково освѣдомился онъ, называя брата тѣмъ дружескимъ именемъ, которое они оба сохра-

нили еще со времени далекаго дѣтства.—Ты какъ будто или сердитъ на кого-то, или кѣмъ-то и чѣмъ-то сильно недоволенъ?

— Все вмѣстѣ! — пожалъ великій князь своими широкими плечами, въ которыя глубоко ушла его некрасивая голова. — Я и сердитъ, и недоволенъ, и прямо таки золъ!

— Что? Или опять твои гвардейцы что нибудь напроказили?—разсмѣялся императоръ. — Никакъ вамъ Богъ лада не даетъ! Ты ихъ всѣхъ безъ души любишь, они тебя всѣ поголовно обожаютъ, а вѣчно у васъ идетъ какая-то глухая борьба, вѣчно ты съ ними воюешь!

— Да какъ же не воевать, когда съ ними никакого слада нѣтъ?—проворчалъ великій князь, опускаясь въ кресло и весь уходя въ его мягкія пружины, въ то время составлявшія еще предметъ далеко не всѣмъ доступной роскоши.

Въ этой позѣ Михаилъ Павловичъ рядомъ со своимъ красавцемъ-братомъ казался почти карликомъ. Сравнительно очень невысокаго роста, тучный и очень некрасиво сложенный, онъ всей своей крупной головой уходилъ въ широкія плечи, что вмѣстѣ съ сильно сутуловатою спиной и густыми прядями непослушныхъ волосъ, какъ-то комично торчавшихъ во всѣ стороны, представляло малопривлекательную, отчасти даже комическую фигуру, надъ которой Михаилъ Павловичъ самъ нерѣдко подшучивалъ.

Но на этотъ разъ ему было не до шутокъ. Онъ былъ серьезно разстроенъ чѣмъ-то и, такъ же быстро вскочивъ съ мѣста, какъ онъ быстро занялъ его, онъ принялся быстрыми и нервными шагами ходилъ изъ угла въ уголъ огромнаго царскаго кабинета.

Государь хорошо зналъ эту манеру, ясно обнаруживавшую въ братѣ серьезное волненіе.

— Да скажи мнѣ, въ чемъ дѣло? — ласково переспросилъ онъ.—Вѣдь не секретъ же это?

— Отъ тебя конечно нѣтъ! Я даже прямо таки пожаловаться тебѣ хотѣлъ... Да тутъ такое обстоятельство...—и Михаилъ Павловичъ развелъ руками.

— Даже мнѣ жаловаться хотѣлъ? Вотъ какъ?.. Значитъ, дѣло не шуточное?.. Жаловаться ты не охотникъ! Тутъ ужъ вѣдь до конфирмаціи тогда дѣло доходитъ?

— Да и дошло бы, если бы не одно щекотливое обстоятельство! Не будь тутъ замѣшано имя женщины, я проучилъ бы этого мальчишку!.. Да, на бѣду, тутъ не только имя, а честь женщины, даже молодой дѣвушки замѣшана!

— Да, если такъ, то дѣло другое!—серьезно проговорилъ государь.

Онъ рыцарски относился къ вопросу женской чести и не сталъ разспрашивать брата о подробностяхъ того дѣла, о которомъ тотъ велъ рѣчь.

Прошла минута упорнаго, тяжелаго молчанія. Великій князь видимо хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшался.

— Я... знаешь ли... къ тебѣ... съ просьбой! — наконецъ произнесъ онъ, не глядя на брата.

Государь улыбнулся. Онъ предвидѣлъ конецъ разговора.

— Тебѣ денегъ нужно?.. Да?—ласково освѣдомился онъ.

Онъ зналъ, что у великаго князя никогда не было рубля за душой и что это происходило единственно отъ того, что Михаилъ Павловичъ раздавалъ все, что получалъ и отъ казны, и съ личныхъ своихъ имѣній.

— Да... Я хотѣлъ бы!.. Впередъ бы мнѣ... въ счетъ жалованья... Только съ твоими министрами я разговаривать не люблю. Лучше самъ ты дай мнѣ, а когда придетъ срокъ, я жалованье получу и самъ тебѣ принесу.

— Да хорошо, хорошо!.. Сосчитаемся!—улыбнулся государь.

— Да больше давай!.. Богъ ихъ тамъ знаетъ, сколько у нихъ на свадьбу-то уйдетъ.

— На свадьбу? Ты, стало быть, въ сваты записался?

— Запишешься тутъ, если дѣло такъ исключительно сложилось!—сердито произнесъ Михаилъ Павловичъ.

— Десяти тысячъ съ тебя будетъ?

— Ну, вотъ еще! конечно хватитъ.

Надо замѣтить для вѣрности исторической передачи, что въ то время счетъ велся еще на ассигнаціи, и не крупная въ настоящее время сумма въ три тысячи рублей серебромъ, въ то время представляла собой крупную и солидную сумму въ десять тысячъ пятьсотъ рублей ассигнаціями.

— Бери больше, если надо!—предложилъ императоръ.

— Ну, хорошо, дай двѣнадцать тысячъ, а больше ужъ ни подъ какимъ видомъ!

— Опять твой Булгаковъ что нибудь набѣдокурилъ?—разсмѣялся государь, намекая на слабость Михаила Павловича къ бойкому и остроумному гвардейскому офицеру Булгакову, который былъ неистощимъ на выдумки, всегда тяжело ложившiяся на податливый карманъ великаго князя.

— Ну, вотъ еще... Булгаковъ!.. Сталъ бы я изъ-за него тебя безпокоить? Да и надоѣлъ онъ мнѣ хуже горькой рѣдьки... Я ему наотрѣзъ сказалъ, чтобы онъ унялся, а не то я его въ армію сплавлю.

— Не сплавишь... онъ тебя забавляетъ!—разсмѣялся государь.

— Прежде забавлялъ, а теперь надоѣлъ! Прямо-таки озорничаетъ.

— А назначенiе этихъ денегъ—секретъ?

— Отъ тебя-то? Что ты это! Я только хотѣлъ позднѣе сказать тебѣ... когда я все устрою.

— Ну, и прекрасно!.. Я не настаиваю. Деньги тебѣ сейчасъ велѣть выдать или прислать?

— Нѣтъ, лучше пришли! Терпѣть не могу за чужими деньгами руку протягивать!..

— Это мои-то деньги тебѣ „чужiя"?—укоризненно покачалъ головой государь и, чтобы сгладить нѣсколько непрiятное впечатлѣнiе этого разговора, спросилъ:—ты къ дѣтямъ не заходилъ?

— Я-то? Да развѣ я могу къ нимъ не зайти? Мы съ Мишей даже галопомъ вокругъ всей комнаты объѣхали... Что за прелесть мальчикъ! — съ восторгомъ произнесъ великiй князь, безъ ума любившiй дѣтей вообще, а своего крестника, маленькаго въ то время великаго князя Михаила Николаевича, прямо-таки обожавшiй. — И счастливецъ же ты!.. Четыре мальчугана у тебя! Вотъ у меня все только дѣвочки!—съ комической грустью пожалъ онъ плечами.

— Да, да!.. стонешь, а самъ въ своихъ дѣвочкахъ души не чаешь!—разсмѣялся императоръ.

— Ну, еще бы! Мои барышни—прелесть!—весь просiялъ великiй князь, обожавшiй своихъ дочерей и тѣмъ не менѣе жаждавшiй имѣть сына.—Чѣмъ онѣ, красавицы ненаглядныя, виноваты, что не кавалерами родились? На свою супругу я точно подчасъ серьезно негодую, а онѣ-то, бѣдняжки, тутъ при чемъ? Да, братъ,—въ видѣ разсужденiя прибавилъ великiй князь. — Вотъ всѣми единодушно признано, что великая княгиня Елена Павловна—рѣдкаго ума женщина, а у нея все дочери да дочери!.. Въ этомъ отношенiи она сильно отстала отъ многихъ вовсе не умныхъ женщинъ! Посмотри ты на Трубецкую! Ужъ ей ли умомъ хвастать!.. только что сѣна не ѣстъ, а шестого сына родила!.. Прямо какъ по заказу... словно подрядъ какой сняла!.. А у меня барышня къ барышнѣ, какъ на подборъ... словно игрушечный магазинъ какой-то!..

При воспоминанiи о дочеряхъ некрасивое лицо великаго князя озарилось свѣтлой улыбкой.

Улыбнулся и государь.

— Ну, прощай пока!—сказалъ Михаилъ Павловичъ, протягивая руку брату.—Спасибо, что не отказалъ исполнить мою

докучную просьбу. Надоѣлъ я тебѣ съ деньгами, да что мнѣ дѣлать, если онѣ у меня въ карманѣ никакъ удержаться не могутъ?—И, пожавъ еще разъ руку брата, Михаилъ Павловичъ направился къ двери, но на порогѣ остановился.—Да, говорилъ я съ тобой о крестникѣ моемъ, красавчикѣ, да и забылъ сказать!.. Онъ давеча не удовольствовался тѣмъ, что я его на плечо къ себѣ посадилъ, а прямо-таки норовилъ на шею ко мнѣ забраться. Ты на это обрати вниманіе!.. Малъ-то онъ малъ, но все-таки нехорошо, когда и клейнъ Михель на шею сядетъ!

Бросивъ этотъ шутливый, но ѣдкій каламбуръ, великій князь исчезъ за тяжелой бархатной портьерой.

Государь добродушно улыбнулся ему вслѣдъ. Онъ хорошо зналъ глубокую и нескрываемую антипатію брата къ его любимцу Клейнмихелю, котораго впрочемъ не любили всѣ, близко видѣвшіе и знавшіе его.

II.

Семья героя.

Въ тотъ же день, довольно поздно вечеромъ, предъ скромнымъ домомъ, неподалеку отъ Пѣвческаго моста, остановились дрожки, съ которыхъ бойко спрыгнулъ красивый гвардейскій офицеръ въ формѣ преображенскаго полка.

Въ то время пролетки на площадяхъ еще не стояли, и извозчичьи экипажи почти всецѣло ограничивались старомоднымъ сооруженіемъ, носившимъ оригинальное названіе „гитары“. Оно состояло изъ длиннаго сидѣнья съ низенькою круглою спинкой, къ которой и прислонялся сѣдокъ, закидывавшій затѣмъ обѣ ноги по сторонамъ длиннаго сидѣнья, оставаясь такимъ образомъ въ позѣ человѣка, сидящаго верхомъ на лошади. Дамы садились на эти „гитары“ бокомъ и ихъ слегка придерживали кавалеры, когда же ѣхали двѣ дамы вмѣстѣ, то обѣ садились бокомъ въ разныя стороны, что было настолько же неудобно, насколько и некрасиво. Но въ то далекое время обывательскій глазъ привыкъ къ этому, и всѣ поголовно ѣздили на „гитарахъ“, не жалуясь ни на тѣсноту, ни на неудобство такого выѣзда.

Одною изъ хорошихъ сторонъ такого способа передвиженія была его дешевизна, хотя въ то далекое время и все оплачивалось сравнительно дешевою цѣной.

Въ ту минуту, когда „гитара“ остановилась предъ домомъ, изъ отвореннаго окна второго этажа поспѣшно и тревожно выглянула на улицу красивая головка молодой дѣвушки съ блѣднымъ, взволнованнымъ личикомъ и тревожнымъ взглядомъ

глубокихъ черныхъ глазъ. Она вся высунулась изъ амбразуры окна, вызвавъ этимъ строгій окликъ пожилой, но еще очень красивой дамы, сидѣвшей на диванѣ и державшей въ рукахъ книгу, въ которую она однако не заглядывала. Видно было, что эта книга служила ей только средствомъ отвлечь отъ себя тревожное вниманіе молодой дѣвушки и въ то же время самой зорко прослѣдить за ней.

— Софи!.. Это неприлично! — тихо, но внушительно произнесла дама, увидавъ порывистый жестъ дочери. — Кто пріѣхалъ, тотъ войдетъ! Что за нетерпѣніе!..

Молодая дѣвушка ничего не отвѣтила, но сдаться на окрикъ матери очевидно не хотѣла и, услыхавъ въ передней стукъ порывисто отворившейся двери, смѣло и рѣшительно двинулась навстрѣчу новоприбывшему.

— Вы? Наконецъ-то! — громко произнесла она, крѣпко пожимая руку вошедшаго въ комнату офицера и на минуту удерживая ее въ своихъ рукахъ.—Сколько дней васъ не было!.. Я вся измучалась отъ тревоги!..

— Софи!—еще громче и настоятельнѣе повторился окрикъ строгой матери.

Офицеръ, нетерпѣливо высвободивъ свою руку изъ рукъ молодой дѣвушки, направился въ сторону ея матери.

— Здравствуйте, князь!—сказала та спокойнымъ и ровнымъ голоскомъ, въ то время какъ ея взглядъ все глубже и пристальнѣе впивался въ красивое лицо молодого гвардейца.

А онъ въ этотъ моментъ заговорилъ, обращаясь къ матери молодой дѣвушки:

— Простите, Елена Августовна, за долгое отсутствіе!.. Я былъ не такъ здоровъ... Притомъ же занятія по службѣ... приготовленія къ выступленію въ лагери...

— Да, но все-таки мнѣ казалось, что вы могли и должны были пріѣхать!—спокойно, но твердо произнесла та, которую офицеръ назвалъ Еленой Августовной и которая была не кто иная, какъ вдова извѣстнаго въ свое время генерала Лешерна.

Этотъ генералъ покрылъ свое имя вѣчной боевой славой, взорвавшись въ осажденной крѣпости вмѣстѣ съ находившимся съ нимъ гарнизономъ, и въ воздаяніе за этотъ подвигъ оставшіяся послѣ него вдова и дочь получали солидную пенсію. Кромѣ этого дочь получила воспитаніе въ одномъ изъ первыхъ институтовъ столицы, изъ котораго была выпущена съ первой золотой медалью за три года до начала нашего разсказа.

Молодая дѣвушка еще въ институтѣ обращала на себя всеобщее вниманіе своей исключительной красотой и послѣ выпуска была окружена толпой ухаживателей и поклонниковъ;

однако ко всѣмъ имъ она долгое время была совершенно равнодушна, такъ что даже заставила всѣхъ представителей „большого свѣта“ увѣровать въ то, что для оживленія этого роскошнаго мрамора еще не находился Пигмаліонъ. А между тѣмъ этотъ Пигмаліонъ нашелся въ лицѣ исключительно красиваго молодого офицера преображенскаго полка, князя Несвицкаго *), который и самъ съ перваго же взгляда безъ ума влюбился въ прелестную Галатею.

Князь Несвицкій въ свою очередь былъ хорошъ собой, и, находясь рядомъ, онъ и дочь генерала Лешерна составляли такую идеальную, такую плѣнительную пару, что, когда они танцовали вмѣстѣ на балахъ или появлялись рядомъ на гуляньяхъ или въ кавалькадахъ, то имъ только что не аплодировали.

Въ самомъ дѣлѣ трудно было представить себѣ что нибудь очаровательнѣе этой юной парочки съ оживленными, правильными, какъ на древнихъ камеяхъ, лицами, съ полными граціи движеніями и съ тѣмъ задоромъ свѣтлаго, молодого веселья, которое можетъ дать только полное сознаніе возможнаго и легко достижимаго счастья.

Съ перваго момента появленія князя въ домѣ генеральши Лешернъ стоустая молва уже произвела его въ почетное званіе жениха молодой красавицы Софьи Карловны, и эта свадьба признавалась безповоротно рѣшеннымъ вопросомъ.

Въ осуществленіе своей заповѣдной мечты вѣрила и молодая красавица-невѣста; въ эту свадьбу свято вѣрила и мать невѣсты, и только самъ женихъ, хотя и страстно влюбленный, какъ-то сдержанно молчалъ, откладывая рѣшеніе этого вопроса до времени своего отпуска въ Москву, къ отцу и матери, безъ согласія которыхъ онъ, по его словамъ, не могъ ни на что рѣшиться.

Такъ прошелъ весь зимній сезонъ и наступилъ Великій постъ. Вдругъ въ одинъ фатальный для молодой Софи Лешернъ день изъ Царской Славянки, гдѣ тогда былъ расквартированъ преображенскій полкъ, было получено извѣстіе о томъ, что князь Несвицкій, любившій самъ выѣзжать верховыхъ лошадей, былъ выброшенъ изъ сѣдла и серьезно разбился.

Весь Петербургъ всполошился при этомъ извѣстіи. Князь Несвицкій и по красотѣ, и по своему безукоризненному аристократизму справедливо считался однимъ изъ самыхъ блести-

*) См. «Историч. Вѣстникъ» 1910 г., книга 1-я.

щихъ кавалеровъ и по немъ втайнѣ вздыхало не одно великосвѣтское женское сердечко.

Въ Царскую Славянку ежедневно посылали узнавать о здоровьѣ интереснаго больного; всѣ товарищи одинъ предъ другимъ наперерывъ навѣщали его; кромѣ того князю, какъ хорошенькой женщинѣ, посылали цѣлые транспорты конфетъ, цвѣтовъ и всевозможныхъ прихотливыхъ приношеній.

Легко можно представить себѣ, какъ среди всего этого мучительно горевала и волновалась молодая Лешернъ.

Самостоятельно посылать къ Несвицкому она не могла и не смѣла, что же касается до Елены Августовны, то та въ своей нѣмецкой методической неподвижности находила всякое волненіе и всякую тревогу отступленіемъ отъ приличій и не позволяла своей дочери открыто волноваться, какъ она не позволила бы ей открыто броситься на шею даже оффиціально объявленному жениху.

Все, чего молодые люди могли достигнуть, была аккуратная, но тщательно скрываемая переписка; однако и при всей горячности выражаемыхъ чувствъ она не могла удовлетворить влюбленныхъ.

Несвицкій мечталъ о возможности хоть мелькомъ взглянуть на свою обожаемую невѣсту, писалъ, что готовъ рискнуть и здоровьемъ, и самой жизнью для того, чтобы расцѣловать ея ручки. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ съ тайной завистью сообщилъ Софьѣ Карловнѣ, что къ его товарищу недавно тайкомъ пріѣзжала изъ Петербурга дорогая ему особа.

Однако вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ разомъ прекратились всякія сношенія князя съ домомъ Лешерновъ. Онъ не писалъ къ Софьѣ Карловнѣ, не присылалъ узнать о здоровьѣ дорогихъ и близкихъ ему лицъ, а внезапно явившійся къ нимъ его товарищъ сообщилъ, что больной сдѣлалъ безумную попытку выдти изъ дома и такъ сильно простудился, что доктора стали опасаться, какъ бы ему не пришлось поплатиться жизнью за свою неосторожность.

Все это было передано тревожнымъ, взволнованнымъ голосомъ; минутами даже слезы дрожали на глазахъ сердобольнаго товарища, такъ что молодой невѣстѣ хотѣлось тотчасъ броситься на шею повѣствователю, чтобы поблагодарить его за горячее участіе. Весь день послѣ его визита она ходила встревоженная и какъ смерть блѣдная, ничего не ѣла за столомъ, всю ночь не могла сомкнуть глаза и, вставъ наутро, прямо объявила матери, что поѣдетъ сама лично провѣдать жениха.

Генеральша пришла въ ужасъ отъ такого сообщенія и не

только наотрѣзъ запретила дочери даже думать о подобномъ безразсудномъ поступкѣ, но даже пригрозила ей чуть не своимъ проклятіемъ, если она осмѣлится такъ рѣзко пойти противъ основныхъ приличій и условій свѣта.

Молодая дѣвушка терпѣливо выслушала всѣ наставленія и угрозы матери, но, несмотря ни на что, на слѣдующій же день утромъ была уже въ Царской Славянкѣ, а тамъ, на колѣнахъ предъ ней, ее горячо благодарилъ за смѣлый и преданный поступокъ обезумѣвшій отъ счастья женихъ.

Все, разсказанное его товарищемъ, оказалось не только преувеличеннымъ сообщеніемъ, но прямо-таки выдумкой, спеціально пущенной въ ходъ съ цѣлью навести молодую дѣвушку на мысль провѣдать больного.

— Пріѣдетъ сестрой милосердія, а уѣдетъ... женой!—цинично смѣялся услужливый разсказчикъ-товарищъ, съ мнимо-умирающимъ Несвицкимъ придумывая всю эту гибельную ложь.

Нравы высшаго круга въ то время не отличались особой строгостью, и въ лагеряхъ и на зимнихъ стоянкахъ гвардейскихъ полковъ не рѣдкостью были посѣщенія великосвѣтскихъ красавицъ.

Вѣсть о прибытіи въ Царскую Славянку легендарной петербургской красавицы Лешернъ съ легкомысленной быстротой разнеслась по всему полку. Несвицкому завидовали, и только одинъ изъ его товарищей, безконечно толстый и безконечно добродушный капитанъ Борегаръ укоризненно покачалъ своей крупной, слегка полысѣвшей головой и медленно произнесъ въ видѣ нотаціи:

— Ну, барышня-то зачѣмъ? Мало ли соломенныхъ и иныхъ вдовъ на нашу долю судьба посылаетъ?

— Господа, Борегаръ-то зафилософствовался! — весело разсмѣялся за сосѣднимъ столикомъ офицерскаго собранія, въ помѣщеніи котораго происходила эта бесѣда, одинъ изъ друзей добродушнаго толстяка.

— Вздоръ онъ говоритъ, а не философствуетъ!—съ презрительной гримасой откликнулся смуглый красавецъ, князь Ч., впослѣдствіи составившій себѣ громкую извѣстность въ административномъ мірѣ. — Какая разница, дѣвушка ли навѣститъ нашего брата скучающаго холостяка, или шалая бабенка? Лишь бы молода да красива была, а больше ничего не спрашивается.

— Нѣтъ, не вздоръ я говорю!—горячо запротестовалъ Борегаръ. — И глупъ ты, если не понимаешь разницы между этими посѣщеніями. И для гостьи, и для самого хозяина тутъ цѣлый міръ разстоянія!

— Ну, какой? Скажи, какой?

— А такой, что, проводивъ вдовушку, я только лишній веселый часокъ въ свой дневникъ запишу, если я имѣю несчастіе вести дневникъ, и не стану отъ этого ни лучше, ни хуже, ни глупѣе, ни умнѣе!..

— А коли барышню встрѣтишь и проводишь?—разсмѣялся князь Ч.

— А барышню проводивши, я либо подлецомъ, либо дуракомъ останусь! Если не женюсь—подлецъ буду, а если окрутятъ меня—въ дуракахъ останусь! Такъ-то, други мои милые!—закончилъ свою короткую, но содержательную рѣчь толстякъ и громко крикнулъ: — а теперь у кого есть дукаты, тотъ закладывай банкъ, и „любишь—не любишь"!..

— И опять ты до тла проиграешься, Борегаръ?

— Что-жъ, коли мнѣ такъ на роду написано!—махнулъ тотъ рукой и потянулся за появившимися на столѣ запечатанными картами.

А въ это же время въ прихотливо-убранной крестьянской избѣ, въ которой помѣщался Несвицкій и которую онъ называлъ своей штабъ-квартирой, шла горячая, полная молодыхъ восторговъ бесѣда между влюбленнымъ хозяиномъ и его красавицей-гостьей. Долгій промежутокъ времени, протекшій между настоящимъ днемъ и послѣднимъ ихъ свиданіемъ, придалъ ихъ встрѣчѣ особо горячій, восторженный характеръ.

Софья Карловна съ нѣжной, покровительственной любовью относилась къ исхудавшему и въ сущности еще больному жениху, и Несвицкому безъ труда удалось выпросить у нея прощеніе за тотъ невинный обманъ, которому онъ былъ обязанъ ея дорогимъ присутствіемъ. Князь Алексѣй не помнилъ себя отъ восторга и былъ въ эту минуту не на шутку влюбленъ въ свою плѣнительную гостью.

Время пролетѣло быстро. Сначала было рѣшено, что Софья Карловна выпьетъ только чашку чая и тотчасъ же вернется въ городъ, но затѣмъ, убаюканная софизмами жениха, увѣрявшаго ее, что она въ качествѣ его невѣсты имѣетъ полное и всѣми признанное право навѣстить его, больного, и провести съ нимъ нѣсколько часовъ, молодая дѣвушка просидѣла въ уютномъ гнѣздышкѣ до поздняго вечера, и, прощаясь съ женихомъ, съ горькимъ рыданіемъ бросилась къ нему на шею.

Сбылось пророчество молодого повѣсы: пріѣхавъ навѣстить больного и войдя къ нему „сестрой милосердія", Лешернъ выходила отъ него „женой"!

На князя Алексѣя непріятно подѣйствовали ея горькія слезы.

— О чемъ?... И что такое случилось?—какъ-то нехотя повелъ онъ плечами.—Мы повѣнчаны предъ своею совѣстью, а церковный обрядъ... ну, на это каждый смотритъ по-своему.

— Да... Но свою свадьбу мы теперь откладывать не будемъ?—робко, почти умоляющимъ голосомъ проговорила Софья Карловна.

— Разумѣется, нѣтъ! Что за идея! Зачѣмъ откладывать?—отвѣтилъ Несвицкій тѣмъ спокойнымъ, „деревяннымъ" голосомъ, которымъ онъ такъ часто говорилъ и въ которомъ только горячо привязавшаяся къ нему невѣста не могла разобрать и подслушать холодное равнодушіе и глубокій эгоизмъ.

— Когда ты думаешь выѣхать?—заботливо спросила она.

— Не знаю, право... какъ докторъ позволитъ!.. Думаю, что скоро...

— И тогда ты тотчасъ же будешь говорить съ мамой?

— Ну, разумѣется!.. Да вѣдь она вѣроятно сегодня же все отъ тебя узнаетъ?

— Да, я переговорю съ ней, но мой разговоръ сильно взволнуетъ и огорчитъ ее!... Ты знаешь, какъ она строго смотритъ на жизнь.

— Ну, я, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, называю это не строгостью, а прямо глупостью!..

— Алексѣй!... какъ тебѣ не стыдно?

— Ну, извини, извини, не буду! Вообще съ тобой мы навѣрное весь долгій вѣкъ проживемъ мирно, а съ твоей матушкой я на такой миръ и согласіе не расчитываю!.. Очень ужъ мы съ ней разные люди.

— Мама—святая!—кротко замѣтила Софья Карловна, поднимая къ небу взоръ своихъ красивыхъ, глубокихъ глазъ.

— Ну, ей и книги въ руки!—холодно улыбнулся Несвицкій.—Ты ради Бога о всѣхъ ея іереміадахъ не тревожься, ни о чемъ не грусти и жди меня терпѣливо. Я вырвусь при первой возможности и явлюсь навѣстить уже не невѣсту, а „женку" свою дорогую!—сказалъ онъ, покрывая горячими и нѣсколько безцеремонными поцѣлуями и руки, и лицо, и шею невѣсты.

Она, слегка краснѣя, вырвалась изъ его горячихъ объятій, но ей, неопытной и легковѣрной, не удалось подслушать и разобрать въ нихъ тотъ оттѣнокъ смѣлаго цинизма, который никогда не могъ бы уложиться въ чистомъ и преданномъ сердцѣ рядомъ съ культомъ истинной и святой любви.

Вернувшись домой, Софья Карловна выдержала бурную сцену съ матерью и, не отвѣчая на ея упреки и укоры, передала ей, что дала слово Несвицкому и что первый его выѣздъ послѣ

болѣзни будетъ къ нимъ, чтобы лично испросить ея согласіе на бракъ.

Елену Августовну это отчасти успокоило, но не утѣшило. Въ короткихъ и сдержанныхъ словахъ дочери она подслушала и поняла многое, и на ея чистую и гордую душу тяжелымъ гнетомъ легли тѣ условія, при которыхъ складывалась свадьба ея дочери. Она не упрекала дочери, не вызывала ея на обидную откровенность, но какъ будто отошла отъ нея и, отпуская ее вечеромъ спать, холоднѣе обыкновеннаго простилась съ нею. Зато молилась она въ этотъ вечеръ горячѣе обыкновеннаго, призывая благословеніе Божіе на дорогую, сиротливую головку и на тревожно разбитую молодую жизнь.

Несвицкій пріѣхалъ спустя недѣлю, и Елена Августовна, спокойно выслушавъ его предложеніе, холодно выразила свое согласіе, сказавъ, что это дѣло, очевидно рѣшенное безъ нея, ея санкціи и не подлежитъ.

— Если этотъ бракъ составитъ счастье моей дочери, я всю свою жизнь буду благословлять его!—сказала она.—Если же она будетъ несчастлива и ей суждены семейное горе и несчастье, то ничье предварительное благословеніе не спасетъ ея отъ этого.

Съ тѣхъ поръ Несвицкій сталъ ѣздить уже женихомъ, но оффиціальной помолвки еще не было, и никого изъ близкихъ не оповѣщали о предстоящемъ бракѣ.

Князь Алексѣй мотивировалъ это тѣмъ, что, еще не получивъ согласія своихъ родителей, онъ не считаетъ себя въ правѣ оффиціально выступить въ роли жениха. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ явно охладѣлъ къ той, которою еще такъ недавно страстно увлекался.

Старая генеральша ничего не возражала противъ объясненія князя и повидимому удовольствовалась имъ; что касается самой невѣсты, то она, всегда сдержанная и молчаливая, даже самому своему жениху не давала почувствовать, что замѣчаетъ происшедшую въ немъ перемѣну. А эта перемѣна была непріятная, замѣтная, ощутительная, и Софья Карловна начинала быстро разочаровываться и въ любимомъ человѣкѣ, и въ возможности долгаго и прочнаго счастья съ нимъ.

Ее все глубже и глубже охватывало позднее раскаяніе; она горько проклинала и свою довѣрчивость, и безумный пылъ охватившей ее страсти. Но возврата уже не было!.. Жизнь едва начиналась, а приходилось уже съ пытливымъ горемъ заглядывать въ ея продолженіе.

И вотъ теперь, когда князь своей нѣсколько лѣнивой по-

ходкой входилъ въ домъ Лешернъ послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія, невѣста встрѣтила его съ чувствомъ невольнаго недоумѣнія. Не быть у нихъ нѣсколько дней сряду, ничѣмъ не объяснивъ своего отсутствія, она считала почти оскорбительнымъ и не только ничего не возразила на довольно рѣзкое замѣчаніе матери, но поддержала ее своимъ восклицаніемъ:

— Вы? Наконецъ-то!

Несвицкій отвѣтилъ ей холоднымъ взглядомъ и замѣтилъ чуть не враждебнымъ тономъ:

— Ко мнѣ нельзя относиться такъ взыскательно и такъ строго! Я отъ себя не завишу. У меня и служебныя обязанности, и семейныя отношенія...

— Семейныя отношенія?—медленно протянула старая генеральша, отрывая взоръ отъ своей книги и почти съ любопытствомъ останавливая свой взглядъ на лицѣ будущаго зятя.— Мнѣ казалось бы, что всѣ ваши „семейныя отношенія" сосредоточены здѣсь?

— Подлѣ васъ?—насмѣшливо переспросилъ князь Алексѣй.

— Нѣтъ, не подлѣ меня, а подлѣ вашей невѣсты!

— Невѣста—будущее родство, и оно не исключаетъ обязанностей, налагаемыхъ родствомъ настоящимъ, скрѣпленнымъ цѣлой жизнью!

— То есть?—прищурила глаза генеральша.

— Вы понимаете, что я говорю о своихъ старикахъ, объ отцѣ и въ особенности о матери, которая всю свою жизнь положила въ заботу обо мнѣ.

— Объ этомъ надо было думать раньше! — съ убійственно холоднымъ спокойствіемъ замѣтила генеральша. — Теперь уже поздно! Теперь двѣ матери станутъ на сторожѣ интересовъ и будущности горячо любимыхъ дѣтей, и я не знаю, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ!.. Что вы на меня съ такимъ удивленіемъ смотрите? Вамъ непонятны мои слова? А между тѣмъ чего бы, казалось, проще!.. Вамъ нужно рѣшающее слово вашей матери на то, чтобы губить или не губить мою дочь? О моемъ рѣшающемъ словѣ вы не подумали... а между тѣмъ оно произнесено, произнесено твердо, непоколебимо!.. Если бы можно было вернуть прошлое и исправить непоправимую ошибку моей несчастной дочери, то мой личный выборъ никогда не остановился бы на васъ, и вы, князь, никогда не были бы мужемъ моей дочери!.. Но еще разъ: объ этомъ поздно говорить, и такъ же твердо и безповоротно, какъ я тогда отказала бы вамъ въ рукѣ моей дочери, я говорю вамъ теперь, въ настоящую минуту, что этотъ бракъ совершится, совершится во имя совѣсти и чести, во имя лучезарной славы, окружающей имя

моего незабвеннаго мужа, во имя Божьей милости и царской правды!.. Медлить свадьбой нечего. У насъ все готово, а о вашихъ приготовленіяхъ мы васъ не спрашиваемъ!.. Скромное приданое моей дочери все налицо, ея крошечный капиталъ лежитъ въ банкѣ; ту скромную обстановку, среди которой мы съ ней жили, я всю могу уступить и передать вамъ. Я уйду отсюда, не взявъ съ собой ничего. Даже ризы съ тѣхъ иконъ, которыми меня и мужа благословляли къ вѣнцу, я сниму и здѣсь оставлю!.. Онѣ имѣютъ свою матеріальную цѣнность, а вы, князь, по-моему, никакой другой цѣнности не понимаете и не сознаете! Я кончила! — сказала она, вставая и гордымъ властнымъ шагомъ направляясь къ двери. — Переговорите со своей невѣстой относительно срока, назначаемаго вами для вашей свадьбы... О посаженномъ отцѣ и шаферахъ для моей дочери не заботьтесь... Я ихъ сама изберу...

Послѣднія слова генеральша произнесла уже на порогѣ комнаты, вышла не обернувшись и властно пошла впередъ, какъ бы разсѣкая сгустившіяся въ окружавшемъ ее воздухѣ грозовыя тучи.

Звукъ ея шаговъ давно затихнулъ въ смежномъ залѣ, а князь Несвицкій и его невѣста все еще стояли другъ противъ друга, какъ бы загипнотизированные силой только что произнесенныхъ предъ ними властныхъ словъ.

Несвицкій заговорилъ первый.

— Что же это такое? — произнесъ онъ медленно и осторожно, какъ бы боясь разбудить или потревожить кого-то среди наступившаго молчанія.—Что это?.. Скажите мнѣ! Провокація? шантажъ?!...

— Ни на то, ни на другое мы съ матерью не способны!— гордо поднявъ свою красивую, характерную головку, отвѣтила Софья Карловна.

— Ахъ, Боже мой! Я о васъ и не говорю... я знаю, что вы ни на что подобное не способны!

— А моя мать еще безупречнѣе меня! — гордо отвѣтила она.—Вы—первый и единственный въ мірѣ человѣкъ, способный усомниться въ этомъ!..

— Я, какъ вамъ извѣстно, тоже никогда не высказывалъ по ея адресу ни малѣйшаго сомнѣнія, но все, что сейчасъ здѣсь произошло... Согласитесь, что въ этомъ трудно разобраться.

— А что именно „произошло", князь? Оскорбленная и убитая горемъ мать вступилась за поруганную честь своей дочери? Неужели у васъ тамъ, въ вашей хваленой Москвѣ и въ ва-

шемъ московскомъ „большомъ свѣтѣ“, это считается такимъ необычайнымъ явленіемъ?

— Гм... Но я въ такомъ случаѣ тоже имѣлъ бы право сказать, что „объ этомъ надо было раньше думать“.

— О чемъ именно? — дрогнувшимъ голосомъ переспросила Софья Карловна.—О томъ, что у меня нѣтъ стыда, а у васъ нѣтъ чести? Моя мать виновата тѣмъ, что вѣрила въ насъ обоихъ, и за такую вѣру намъ съ вами меньше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ претендовать на нее!

— Вы тоже ударяетесь въ фразы и въ трагедію, а между тѣмъ намъ съ вами не до спектаклей! — сердито произнесъ Несвицкій.—Мнѣ лично необходимо строго и здраво обсудить сложившееся положеніе. Жениться теперь, сейчасъ, не повидавшись съ отцомъ и въ особенности съ матерью и не заручившись ихъ согласіемъ и благословеніемъ, мнѣ положительно невозможно! Это значило бы и себя, и васъ обречь чуть не на голодную смерть! У меня своего лично нѣтъ положительно ничего. Ни на какое постороннее наслѣдство я расчитывать не могу. У меня есть меньшіе братья и сестры, которыхъ впереди ждетъ большое состояніе, но мы, старшіе, въ этомъ грядущемъ благосостояніи не участники!

— Да... Я объ этомъ слышала стороной, — съ холодной улыбкой замѣтила Софья Карловна.—Меньшія дѣти вашей строгой и безукоризненной матери являются прямыми наслѣдниками ея богатаго родственника, всю жизнь прожившаго въ вашемъ домѣ и всего себя отдавшаго на служеніе интересамъ ея и ея стараго мужа... Вѣдь вашъ отецъ что-то лѣтъ на двадцать или на тридцать старше вашей матери?

— Да... Но я не знаю, что вы хотите сказать этимъ?..

— Зато я сама хорошо знаю это! — спокойнымъ голосомъ произнесла Лешернъ.

— Но я въ правѣ требовать, чтобы вы объяснились.

— Нѣтъ, князь! Послѣ сегодняшняго „объясненія“ вы не въ правѣ ничего требовать!—покачала она своей характерной головкой.—И знаете, что я скажу вамъ? — продолжала она, пристально взглядывая въ его растерянное лицо. — Если бы подлѣ меня не было святой, безупречной матери и я не носила славнаго имени моего отца, я наотрѣзъ отказалась бы выдти за васъ замужъ!

— Вы? Вы отказали бы мнѣ?—переспросилъ Несвицкій, видимо не вѣря своимъ ушамъ.

— Да, наотрѣзъ отказала бы!.. Уважать васъ я давно перестала; это чувство мало-по-малу отходило отъ моего сердца, какъ бы гасло во мнѣ!.. Но за нимъ оставалась любовь, та

святая, безпредѣльная любовь, которая заставила меня довѣрчиво придти къ вамъ въ минуту вашей невзгоды и которая... подвигла меня... простить вамъ мое поруганное довѣріе, мою разбитую и въ грязь втоптанную вѣру. Теперь и эта любовь угасла, и я уже не счастливой невѣстой, навѣки связанной съ любимымъ человѣкомъ, пойду съ вами къ святому алтарю, а къ одной цѣпи прикованнымъ каторжникомъ выступлю рядомъ съ вами въ долгій, безрадостный жизненный путь!.. Вы слушаете меня съ выраженіемъ глубокаго удивленія на своемъ картинно-красивомъ лицѣ?.. Вамъ врядъ ли понятны вся безотрадная горечь моихъ словъ. весь ужасъ моего поздняго сознанія!.. Но еще разъ: теперь разсуждать ужъ поздно!.. Готовьтесь къ свадьбѣ, князь!.. Я, какъ и моя мать, ни ждать, ни откладывать не стану!..

Софья Карловна въ свою очередь вышла изъ комнаты, не подавъ руки жениху, не обернувшись въ ту сторону, гдѣ онъ остался, весь погруженный въ состояніе глубокаго, безповоротнаго удивленія, весь охваченный тревожнымъ, безотчетнымъ страхомъ.

III.

Братъ казненнаго декабриста.

Вернувшись домой отъ Лешерновъ, князь Несвицкій весь отдался тревожной и, надо сознаться, нѣсколько трусливой думѣ. Самъ робкій и нерѣшительный, онъ съ благоговѣйнымъ страхомъ сторонился отъ всего, что носило характеръ непреклонной воли, а именно съ такой волей столкнула его судьба въ лицѣ будущей жены и будущей тещи.

Безразсудно увлекшись въ своихъ отношеніяхъ къ красавицѣ Софьѣ Карловнѣ Лешернъ, Несвицкій на первыхъ порахъ почти съ преступнымъ легкомысліемъ отнесся къ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ такъ опрометчиво принялъ на себя, воспользовавшись неопытностью и страстной любовью молодой красавицы. Ему казалось, что все это само собой „обойдется“ и что ему, какъ и многимъ изъ его друзей и товарищей, не придется цѣной цѣлой жизни расплачиваться за одну минуту горячаго увлеченія.

— Если бы на всѣхъ непремѣнно жениться, такъ тутъ и всего состоянія турецкаго султана не хватитъ! — смѣялся и подшучивалъ онъ наединѣ самъ съ собою, обманутый тѣмъ упорнымъ и успокоительнымъ молчаніемъ, которое водарилось въ первые дни, послѣдовавшие за объясненіемъ съ будущей близкой родней.

Три дня подрядъ Несвицкій не заглядывалъ въ домъ Ле-

шерновъ, не посылалъ даже освѣдомиться объ ихъ здоровьѣ; то же самое проявляли и Лешернъ по отношенію къ нему; съ ихъ стороны тоже хранилось мертвое и, какъ ему казалось, робкое молчаніе.

Это значительно успокоило князя.

„Погорячилась старуха, да и на попятный!—весело разсуждалъ онъ, тщательно расчесывая свои выхоленные густые усы, которыми онъ особенно гордился и щеголялъ.—Поразмыслила хорошенько, горячка спала, и образумилась!.. Ну, что за радость дочь родную подводить подъ такое существованіе, какое поневолѣ создалось бы при томъ насильственномъ бракѣ, которымъ она угрожала мнѣ?.. Вѣдь не младенецъ же я въ самомъ дѣлѣ, котораго можно подъ вѣнецъ поставить, какъ ставятъ въ уголъ за то, что нашалилъ и съ огнемъ поигралъ! Кабы всякое лыко ставить въ строку, такъ на одинъ нашъ полкъ ни церквей, ни священниковъ бы въ Петербургѣ не хватило!“.

Подъ наитіемъ всѣхъ этихъ веселыхъ мыслей князь, по прошествіи еще недѣли полнаго молчанія, отправился въ офицерское собраніе своего полка и нашелъ тамъ уже многочисленное общество. Всѣ о чемъ-то оживленно разсуждали, но при его появленіи всѣ какъ будто осторожно затихли.

Несвицкій замѣтилъ это, но серьезнаго впечатлѣнія это не произвело на него. Онъ привыкъ къ тому, что его товарищи по службѣ подчасъ, какъ старыя бабы, были готовы перемывать косточки отсутствующихъ.

— „О чемъ шумите вы, народные витіи?“—съ широкимъ жестомъ продекламировалъ онъ, бросая на столъ фуражку.—Давайте прежде всего завтракать, а тамъ повѣдайте мнѣ все, что сами успѣли узнать и провѣдать!..

— Да что тутъ провѣдывать?—озабоченнымъ тономъ проговорилъ толстый Ворегаръ. — Изъ Зимняго дворца идутъ невеселыя вѣсти!.. Маленькій наслѣдникъ занемогъ, и довольно опасно!..

— Наслѣдникъ? Да?—повторилъ Несвицкій, видимо не особенно удрученный сообщеннымъ ему извѣстіемъ. — Что же съ нимъ случилось? Онъ, кажется, вообще—здоровый мальчикъ?

— Во-первыхъ онъ тебѣ, дураку, не „мальчикъ“,—сердито оборвалъ его Ворегаръ, подслушавшій въ словахъ князя то выраженіе глубокаго равнодушія, какимъ они были продиктованы.—А случилось съ нимъ то, что можетъ случиться только въ одной нашей несуразной Россіи!.. Простудили наслѣдника престола! Понимаешь ли ты, про-сту-ди-ли!.. Присмотрѣть некому было!.. Мало ихъ тамъ, сердечныхъ, во дворцѣ-то пона

тыкано! То есть взялъ бы толстѣйшую палку да всѣхъ ихъ тамъ подрядъ—и дядекъ, и нянекъ, и мамокъ —какъ сидоровыхъ козъ вздулъ бы!

— Тебѣ, Борегаръ все бы лишь бить да лупить!—разсмѣялся Несвицкій.

— А тебѣ, конфетка чертова, все реверансы дѣлать бы!— огрызнулся толстякъ и вслѣдъ затѣмъ уже замѣтно смягченнымъ тономъ прибавилъ: — а впрочемъ у тебя теперь сердце жениховское, расплывчатое.

При этихъ словахъ взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на Несвицкаго. Видно было, что затрагивался всѣхъ равно интересовавшій вопросъ.

Озадаченный Несвицкій молчалъ съ минуту. Молчали и всѣ присутствующіе.

— Что такое? — растерянно спросилъ князь, первый прерывая молчаніе.—О какомъ женихѣ идетъ рѣчь?

— О какомъ же, какъ не о тебѣ? Вѣдь ты жениться - то собрался?

— Откуда эта новость? — закуривая сигару, спросилъ Несвицкій недовольнымъ тономъ.

— Всѣ говорятъ!—спокойно и не смущаясь его неудовольствіемъ, отвѣтилъ Борегаръ.

— Это—не отвѣтъ! Кто именно „всѣ"? Отъ кого ты слышалъ? Кто тебѣ лично сказалъ?

— Мнѣ никто не говорилъ, а говорили при мнѣ!

— Кто именно?

— Да что ты присталъ, какъ смола? Такой человѣкъ говорилъ, которому я не могу не повѣрить!

— А именно?

— Полковой командиръ, вотъ кто!.. Что, доволенъ теперь?.. Скажешь, и онъ совралъ. И что за скрытность такая, не понимаю!.. По секрету вѣдь все равно не женишься!

Но Несвицкій уже не слушалъ Борегара. Извѣстіе, что о его свадьбѣ говорилъ полковой командиръ, произвело на него ошеломляющее дѣйствіе.

— Скажи пожалуйста толкомъ, что такое? Я ровно ничего не понимаю!—обратился онъ къ Борегару.

— Да вѣдь онъ тебѣ и такъ толкомъ говоритъ! Что ты въ самомъ дѣлѣ присталъ къ нему?—вмѣшался въ разговоръ капитанъ Мурашовъ, за особое отличіе по службѣ незадолго предъ тѣмъ переведенный изъ арміи и лично протежируемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—И я тоже слышалъ о твоей женитьбѣ отъ барона Остенъ-Сакена!

— Отъ какого Остенъ-Сакена?—все болѣе и болѣе растеряннымъ голосомъ спросилъ Несвицкій.

— Отъ адъютанта великаго князя! Ужъ этотъ тоже напрасно говорить не станетъ; не такой онъ человѣкъ!

— И невѣсту мою называли?—освѣдомился Несвицкій, поднимаясь съ мѣста и растерянно, машинально переходя на противоположную сторону комнаты.

— Ну, еще бы! Да ее и называть-то нечего было!.. Кто не знаетъ твоего романа съ красавицей Лешернъ?

— И романа никакого нѣтъ, и путаться въ мои дѣла никто не имѣетъ права!

— Никто въ нихъ и не путается! — сердито откликнулся Мурашовъ.—Говорятъ то, что есть. И эти разговоры ты самъ вызвалъ!.. А впрочемъ, и то сказать: давайте говорить о чемъ нибудь другомъ, господа!—обратился къ товарищамъ Мурашовъ съ той прямотой и искренностью, отъ которыхъ онъ еще не успѣлъ отвыкнуть въ своемъ новомъ гвардейскомъ мундирѣ.

Всѣ откликнулись на это приглашеніе, и бесѣда полилась веселая, оживленная и слегка гривуазная, какъ это обыкновенно бываетъ, когда соберется холостая молодежь. Только Несвицкій сидѣлъ растерянный, сконфуженный и почти не вмѣшивался въ разговоръ.

Было неосторожно произнесено одно общеизвѣстное женское имя, и раздавшіяся вслѣдъ за этимъ смѣлыя шутки покоробили даже самыхъ безцеремонныхъ.

Что касается Мурашова, то онъ положительно сидѣлъ какъ на иголкахъ. Онъ къ такому обращенію съ женскими именами не привыкъ, въ особенности съ такими, какъ то, которое произносилось.

Несвицкій тоже молчалъ, хотя его молчаніе имѣло совершенно иной источникъ.

Молоденькій поручикъ, графъ Тандренъ, понялъ молчаніе Несвицкаго по-своему.

— Вотъ и видно кандидата въ мужья!—разсмѣялся онъ. — Мы всѣ мелемъ, что на умъ взбредетъ, а князь какъ будущій супругъ и осуждаетъ насъ, и къ нашей бесѣдѣ пристать не хочетъ, понимая напередъ, каково будетъ современемъ подобные разговоры слушать!

— Меня такая забота коснутся не можетъ!—гордо и заносчиво откликнулся Несвицкій.—Про мою жену никто никогда такъ говорить не посмѣетъ!

— Жена Цезаря! — сквозь зубы произнесъ до тѣхъ поръ молчавшій капитанъ Ржевскій, смуглый, какъ цыганъ, и, какъ сынъ степей, порывистый и заносчивый.

Несвицкій взглянулъ въ его сторону.

Миролюбивый Борегаръ уже испугался, какъ бы между товарищами не завязался споръ.

— Наконецъ-то,—весело подмигнулъ онъ, — сознался нашъ князь въ своихъ матримоніальныхъ вожделѣніяхъ! Наконецъ-то въ немъ будущій мужъ заговорилъ! Да ты успокойся! — обратился онъ къ Несвицкому,—твою будущую жену мы всѣ хорошо знаемъ и всѣ глубоко уважаемъ. Ея имени никто никогда не произнесетъ иначе, какъ съ бережнымъ уваженіемъ.

Несвицкій неловко улыбнулся и, взявшись за фуражку, сталъ разсѣянно натягивать перчатки.

— Куда же это ты?—окликнулъ его Борегаръ.—Пришелъ завтракать, а самъ удираешь, и рюмки водки не пропустивъ!.. Это, братъ, не порядки!

— Я еще, можетъ быть, вернусь! — откликнулся Несвицкій.—Я вспомнилъ, что не отправилъ нужнаго письма въ Москву, а послѣ обѣда будетъ уже поздно. Я не прощаюсь съ вами, господа!—сказалъ онъ, направляясь къ двери и осторожнымъ жестомъ вызывая за собой Борегара.

Тотъ не безъ удивленія кивнулъ ему головой въ знакъ согласія.

— Что съ нимъ, господа? — раздался вопросъ одного изъ офицеровъ.—Тутъ что-то неладно!

— Да, его собственная свадьба какъ будто для него самого сюрпризомъ явилась!—заговорило разомъ нѣсколько голосовъ, причемъ молоденькій и хорошенькій Тандренъ фальцетомъ запѣлъ только что вывезенные изъ Парижа куплеты:

«Cette affaire-e-e
N'est pas claire-e-e» *).

— Пѣвунья-пташка!—весело разсмѣялся вернувшійся Борегаръ, подмигивая на молоденькаго поручика.—Я тоже въ твои годы и въ твоемъ чинѣ все распѣвалъ!..

— И навѣрное фальшиво?—смѣясь освѣдомился Тандренъ.

— А ты потише, фендрикъ!—погрозилъ ему пальцемъ Борегаръ и, махнувъ рукой, добродушно произнесъ:—а, доподлинно, господа, какое намъ дѣло до женитьбы Несвицкаго, и, разъ онъ не хочетъ говорить намъ о ней, какое мы имѣемъ право разспрашивать объ этомъ?.. Для меня, ей Богу, этотъ вопросъ является болѣе нежели второстепеннымъ. Вотъ болѣзнь маленькаго наслѣдника—другое дѣло!.. Ужъ натерпѣлась Россія благодаря неточно выясненному вопросу о престолонаслѣдіи.

— Да какое же теперь-то можетъ быть осложненіе? — по-

*) Тутъ дѣло нечисто.

жалъ плечами одинъ изъ офицеровъ. — И самъ государь, еще Богъ дастъ, два вѣка проживетъ, и сыновей у него нѣсколько.

— Ну, я не могу такъ спокойно говорить о возможности смерти маленькаго наслѣдника!—съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Борегаръ.—Это—такой чудный ребенокъ!

— А въ сущности вѣдь его личное право на престолъ можетъ встрѣтить серьезное препятствіе, — заботливо заговорилъ до тѣхъ поръ упорно молчавшій статскій, необычайнаго роста, съ лицомъ блѣднымъ, какъ у мертвеца.

— Ба, ба, ба! Пестель! Ты откуда взялся?—живо спросилъ Четвертинскій.—Какъ только заводится рѣчь относительно какого нибудь политическаго обстоятельства, ты непремѣнно тутъ какъ тутъ!..

— Это у него наслѣдственное!—опрометчиво замѣтилъ Тандренъ, но тотчасъ же спохватился, внутренне пожалѣвъ о своемъ неумѣстномъ намекѣ.

Блѣдный господинъ, по адресу котораго сдѣлано было только что высказанное замѣчаніе, былъ родной братъ казненнаго декабриста Пестеля, и среди людей, близко знавшихъ его, упорно держался слухъ, что его поразительная, мертвенная блѣдность имѣетъ свое историческое значеніе. Утверждали, будто въ роковой день казни декабристовъ онъ былъ вдали въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ на площади, что онъ видѣлъ, какъ его братъ взошелъ на эшафотъ и какъ дрогнулъ и моментально вытянулся его трупъ подъ двойнымъ капюшономъ рокового савана. Говорили, что въ эту страшную минуту онъ смертельно поблѣднѣлъ и что затѣмъ эта мертвая блѣдность уже никогда не покидала его.

— Въ чемъ же вы видите возможность спора при воцареніи настоящаго наслѣдника престола?—съ любопытствомъ спросилъ Мурашовъ, видимо не посвященный въ вопросъ о томъ, съ кѣмъ именно онъ имѣетъ дѣло.

Пестель холодно и пристально взглянулъ на него.

— Въ томъ, что наслѣдникъ родился въ то время, когда его отецъ былъ великимъ княземъ и когда о его правахъ на русскій престолъ даже не было и рѣчи, тогда какъ его братъ Константинъ Николаевичъ родился уже сыномъ коронованнаго императора.

— Ну, это—натяжка! — махнулъ рукой Мурашовъ,—и натяжка неблагонамѣренная...

— Я не исповѣдываю этой особенной благонамѣренности!—задорно возразилъ Пестель.—Я не имѣю на это ни причинъ, ни поводовъ!

— А я не имѣю не только причинъ и поводовъ, но и права

слушать ваши рѣчи!—громко произнесъ Мурашовъ и сталъ торопливо пристегивать оружіе, очевидно собираясь уйти.

Пестель смѣрилъ его холоднымъ взглядомъ.

— Куда ты, Мурашовъ? — засуетился добрякъ Борегаръ. — Какіе вы право странные, господа!.. Никакъ не можете выдержать никакой бесѣды, чтобы вконецъ не перессориться!

— Если господинъ офицеръ считаетъ меня не правымъ, я къ его услугамъ!—задорно сказалъ Пестель, доставая изъ кармана свою визитную карточку.

Борегаръ на-лету схватилъ его за руку и воскликнулъ:

— Этого еще недоставало! Что за день такой выдался, что безъ спора слово никто сказать не можетъ?

Мурашовъ, не слушая его, вышелъ порывистымъ и нервнымъ шагомъ, крѣпко захлопнувъ за собою дверь.

— Ну, люди!.. Ну, чадушки!—покачалъ ему вслѣдъ своей крупной головой Борегаръ.—И какая муха ихъ всѣхъ сегодня укусила?

— Кто этотъ армейскій офицеръ?—своимъ спокойнымъ и невозмутимымъ голосомъ спросилъ Пестель.

— Почему ты такъ опредѣленно говоришь „армейскій"? — спросилъ Тандренъ.—Вѣдь на немъ мундиръ нашего полка!

— Потому что настоящій гвардеецъ никогда въ такой задоръ не полѣзетъ и не станетъ самъ себя оскорблять, исповѣдуя синтаксисъ третьяго отдѣленія!

— Но онъ, быть можетъ, и дѣйствительно такъ любитъ царскую фамилію, что оскорбляется всѣмъ, что носитъ характеръ осужденія по ея адресу. Ой, Пестель... Пожалѣй ты себя!—тономъ дружескаго совѣта предупредилъ его Борегаръ.

— Во-первыхъ, здѣсь, среди васъ всѣхъ, я въ полной безопасности, а во-вторыхъ, что я сказалъ сейчасъ при этомъ рыцарѣ печальнаго образа, то повторю всегда и предъ всѣми!..

— Да что такое съ маленькимъ наслѣдникомъ?—спросилъ Тандренъ, скорѣе чувствуя, нежели умомъ сознавая, что завязавшемуся разговору необходимо дать другой оборотъ.

— Говорятъ тебѣ, что простудили! Повели гулять по набережной, когда ледъ только что прошелъ!.. А кто не знаетъ, что такое нашъ петербургскій ледоходъ?

— Да, вотъ тѣ, кто повелъ гулять ребенка, вѣроятно не знаютъ!—серьезно замѣтилъ изъ-за угла чей-то голосъ.—Государь, говорятъ, въ положительномъ отчаяніи, а нашъ добрякъ великій князь Михаилъ Павловичъ всѣ ночи не спитъ и изъ дворца не выходитъ. Вѣдь онъ обожаетъ дѣтей государя.

— Въ особенности мальчиковъ!.. Дѣвочекъ у него своихъ много...

— А императрица что?.. Вѣрно тоже очень огорчена болѣзнью сына?

— Ну, еще бы! Она же къ горю не привыкла, ее очень балуетъ судьба! Она сама это не разъ замѣчала. Мнѣ Чернышевъ разсказывалъ очень интересный и забавный случай, который на суевѣрнаго человѣка не можетъ не произвести впечатлѣнія.

„Было это прошлымъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ. Чернышевъ въ этотъ день былъ дежурнымъ и тотчасъ послѣ обѣда послѣдовалъ за государемъ въ паркъ, куда еще раньше въ тюльбири уѣхала императрица. Вѣдь она пѣшкомъ никогда не ходитъ. Въ паркѣ она вышла и присоединилась ко всей остальной компаніи, которая ожидала ее. Государь, видя ее веселой, довольнымъ тономъ замѣтилъ, что ему пріятно видѣть, какъ хорошо дѣйствуетъ на нее воздухъ, и предложилъ по возвращеніи во дворецъ пить чай подъ открытымъ небомъ въ большомъ цвѣтникѣ, предъ окнами кабинета императрицы. Государыня смѣясь замѣтила ему, что на этотъ разъ онъ не совсѣмъ угадалъ ея желаніе и что ей напротивъ очень хочется играть въ карты, но она не хочетъ никого неволить и ей для полноты ея удовольствія несравненно пріятнѣе было бы, если бы внезапно пошелъ сильный дождь и разразилась гроза.

„— Я только боюсь высказать свое желаніе! — съ улыбкой прибавила она,—потому что я такъ счастлива, что мнѣ стоитъ только серьезно пожелать чего нибудь, какъ это моментально исполнится!

„Государь, бросивъ взглядъ на ярко-синее небо, на которомъ не было ни одного облачка, съ улыбкой предложилъ императрицѣ испытать свое счастье и среди этого яснаго, залитаго солнцемъ вечера пожелать бури и грозы.

„— А никто не негодуетъ на меня за такую фантазію?— шутя освѣдомилась императрица.

„Государь поручился ей за всѣхъ, и тогда она громко высказала желаніе, чтобы гроза загнала всѣхъ по домамъ, и такимъ образомъ ей нашлись бы добровольные и усердные партнеры. И что же вы думаете? Не успѣла государыня договорить свое оригинальное желаніе, какъ откуда ни возьмись громадная туча, которая заволокла все небо. Поднялся порывистый вѣтеръ, зашумѣла буря и хлынулъ такой дождь, что всѣ едва успѣли кто доѣхать, а кто просто добѣжать до дворца. Не прошло и десяти минутъ, какъ императрица, отъ души смѣясь, уже усаживалась за ломберный столъ и подъ шумъ падавшаго проливного дождя принялась за свой любимый преферансъ“.

— Да, это — настоящее счастье! — повелъ плечами Черневинскій.—И я, откровенно сказать, за такое полное счастье будущей супруги нашего Несвицкаго не поручусь!

— Ты опять за него принялся?—укоризненно замѣтилъ Борегаръ.—И дался же онъ вамъ всѣмъ сегодня!

— То есть кому это намъ всѣмъ?—откликнулся Ржевскій.—Я первый ни одного слова не произнесъ ни за него, ни противъ него!.. Но если меня по совѣсти спросятъ, то большой симпатіи я къ нему не чувствую.

— Да и никто, я думаю, не чувствуетъ! Это Борегаръ такъ только, для оригинальности!—замѣтилъ Тандренъ.

— Фендрикъ, тебѣ сказано: берегись!—погрозилъ ему толстякъ.

— Скажите мнѣ пожалуйста, кто этотъ защитникъ царскаго могущества?—съ холодной улыбкой произнесъ блѣдный Пестель, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь.

— Армейскій офицеръ, какъ ты давеча очень удачно догадался, недавно переведенный къ намъ въ полкъ за какое-то боевое отличіе.

— Боевое, а не иное?—презрительно откликнулся Пестель.—У насъ вѣдь нынче отличія разныя пошли! И доносъ тоже отличіемъ считается!

— Нѣтъ, Мурашовъ на доносъ не способенъ,—горячо вступился за того Борегаръ. — Это — удивительно честный человѣкъ!..

— И честь тоже своя пошла, особливая,—не унимался Пестель.—Вонъ вѣдь и въ третьемъ отдѣленіи люди себя пожалуй честными считаютъ, а я подъ страхомъ строгаго возмездія никому изъ нихъ руки не подамъ!

— Ну, это — другое дѣло!.. На то это и третье отдѣленіе!—тономъ искренняго убѣжденія произнесъ молоденькій Тандренъ.

Пестель молча крѣпко пожалъ ему руку.

— Ты что это?.. За мое пренебреженіе къ синему мундиру меня благодаришь? — спросилъ тотъ. — Это, братъ, у насъ фамильное. Тетушка у меня есть старушка, бѣдная какъ Іовъ многострадальный; она съ голода умерла бы, если бы не отецъ, но знамя свое дворянское держитъ такъ высоко, что поневолѣ спасуешь и низко-низко наклонишь голову, когда она мимо пройдетъ!.. Съ ней такой случай недавно случился. Отецъ съ матерью вдумчиво промолчали на него, а мы, молодежь, прямо-таки зааплодировали ей, когда она послѣ этого къ намъ пріѣхала. Нѣтъ, вы представьте только себѣ! Есть тутъ у насъ, въ Петербургѣ, нѣкто С., жандармскій офицеръ... Что

онъ за человѣкъ—я не знаю, но изъ-за его мундира не особенно глубоко уважаю его. Встрѣтилась тетушка съ этимъ офицеромъ въ домѣ одной своей хорошей знакомой, Анны Романовны Эбергардтъ, и поневолѣ, скрѣпя сердце, провела нѣсколько часовъ въ его обществѣ. Присутствіе „небеснаго“ мундира въ домѣ такой уважаемой особы, какъ мадамъ Эбергардтъ, настолько удивило нашу старушку, что она собралась не на шутку выразить ей свое удивленіе по этому поводу. Вдругъ на слѣдующій день утромъ, въ пріемные часы тетушки—у нея есть свои строго опредѣленные „пріемные часы“, несмотря на то, что нѣтъ ни одного піастра за душою—ей подаютъ визитную карточку, и на ней она съ ужасомъ читаетъ подъ сѣнью широкой дворянской короны: имя, отчество и фамилію офицера, встрѣченнаго ею у Эбергардтъ, а затѣмъ слѣдующее: „Штабъ-офицеръ с.-петербургской жандармской полиціи“. Мало ему, сердечному, было свое имя выставить, онъ еще мундирчикомъ прихвастнулъ!.. Ну, тутъ ужъ тетушкина терпѣнія не хватило! Она приказала просить посѣтителя въ залъ и, выйдя къ нему навстрѣчу и не допуская его дальше порога зала, не подавая ему руки, спросила:

„— Позвольте узнать, что вамъ угодно?..

„Тотъ такъ и опѣшилъ.

„— Я,—говоритъ,—имѣлъ честь быть представленнымъ вамъ вчера и счелъ своей обязанностью лично засвидѣтельствовать вамъ свое глубокое уваженіе.

„Тетушка смѣрила его взоромъ такъ, какъ—дай ей Богъ здоровья!—одна только она умѣетъ людей мѣрить, и изрекла ему въ отвѣтъ, да такъ явственно, отчетливо, что „любо два“, какъ говоритъ мой денщикъ Власовъ:

„— Что вы мнѣ были представлены, государь мой, это я почитаю за несчастную случайность, отъ которой никто изъ насъ не гарантированъ по нынѣшнему времени!.. Что вы къ уважаемой мною Аннѣ Романовнѣ Эбергардтъ въ домъ попали, въ этомъ я вижу ея великую оплошность; что же касается до визита, нанесеннаго вами мнѣ, то его не понимаю, никакими проступками противъ правительства его не заслужила и никакихъ провинностей за собою не сознаю“.

„Штабъ-офицеръ, какъ ни былъ озадаченъ такимъ „дискуромъ“, все-таки попробовалъ возразить, напомнивъ тетушкѣ, что онъ—русскій потомственный дворянинъ. Тетушка слегка наклонила голову въ отвѣтъ не то съ привѣтомъ, не то съ сожалѣніемъ и изрекла такого рода сентенцію:

„— Принять потомственнаго дворянина даже въ рубищѣ я за честь себѣ поставлю, въ жандармской же формѣ никому

слышите, государь мой, никому поклона не отдамъ и почтенія не окажу!..

„Отрѣзала она такъ и поплыла отъ гостя какъ пава, отдавъ съ порога приказъ лакею „проводить господина жандармскаго штабъ-офицера“.

Всѣ внимательно слушали разсказъ молодого графа, и, когда онъ кончилъ, раздался взрывъ восторженныхъ аплодисментовъ.

Оживленно апплодировалъ даже Пестель со своимъ холоднымъ, мертвенно-блѣднымъ лицомъ.

— Ой, батюшки, умру! — застоналъ Борегаръ, въ порывѣ восторга тиская молоденькаго графа въ своихъ могучихъ объятіяхъ.—Что-жъ эта твоя тетушка замужняя или вдова?

— Старая дѣва!— смѣясь отвѣтилъ Тандренъ, съ трудомъ освобождаясь изъ его могучихъ объятій.

— А она за меня замужъ не пойдетъ?—продолжалъ Борегаръ среди громкаго и веселаго смѣха товарищей.—Я въ нее влюбленъ послѣ твоего разсказа. Понимаешь ли ты, безъ ума влюбленъ!.. Никогда еще ни одна женщина такъ не увлекала меня даже лично, а ужъ о заочномъ увлеченіи и говорить нечего!.. а вѣдь этой твоей дивной тетушки я никогда не видалъ!

— Да, рѣдкій экземпляръ настоящаго стараго барства! — тихонько, какъ бы про себя проговорилъ Пестель.

Какъ разъ въ моментъ произнесенія этихъ словъ вошелъ красивый гвардеецъ въ адъютантской формѣ.

Всѣ привѣтливо протянули ему руки.

— Откуда и съ какими новостями?—своимъ голосомъ стентора грянулъ Борегаръ.

— Отъ великаго князя конечно, а вѣстей особенно радостныхъ нѣтъ никакихъ. Наслѣднику хуже, и „нашъ“ ходитъ, какъ въ воду опущенный. Ей Богу, я не на шутку думаю, что, случись что нибудь съ маленькимъ наслѣдникомъ, нашъ великій князь Михаилъ Павловичъ не переживетъ!..

— Да развѣ такъ плохо?—раздалось нѣсколько тревожныхъ голосовъ.

— Да, не утѣшительно!.. Жаръ страшный и безпамятство полное... Не везетъ бѣдному государю!—вздохнулъ пришедшій, который былъ не кто иной, какъ личный адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, баронъ Остенъ-Сакенъ.

Пестель осторожно всталъ съ мѣста и вышелъ. Сочувствовать Пестель не могъ, а въ то же время онъ былъ слишкомъ добръ и справедливъ для того, чтобы открыто радоваться

смертельной болѣзни царственнаго ребенка, еще никогда никому не сдѣлавшаго ни малѣйшаго зла.

— Скажи пожалуйста, ты ничего не знаешь относительно нашего Несвицкаго?—слегка прищуривая свои красивые глаза, спросилъ Черневинскій.

Баронъ слегка замялся и затѣмъ уклончиво отвѣтилъ:

— Я сейчасъ видѣлъ его!

— Гдѣ это?

— Я былъ у него.

— Ты? У Несвицкаго? Что это тебѣ вздумалось? Вы, кажется, вовсе не такъ хорошо знакомы!

— Даже вовсе не знакомы! Я былъ у него по дѣламъ службы.

— Какой службы? — удивился Борегаръ.—Съ которыхъ это поръ Несвицкій къ штату великаго князя причисленъ?..

— Онъ вовсе не причисленъ и навѣрное никогда причисленъ не будетъ, а его высочество приказалъ мнѣ передать Несвицкому приказъ явиться къ нему завтра къ одиннадцати часамъ утра.

— Что такое? Какое нибудь почетное порученіе, что ли?

— И везетъ же этому Несвицкому, право! Вѣдь ничего въ немъ особеннаго нѣтъ, а всюду онъ пролѣзть сумѣетъ и всюду его отличать!—замѣтилъ Ржевскій.

— Экъ тебя разбираетъ-то! — разсмѣялся Борегаръ. — Ты прежде толкомъ разспроси барона; можетъ быть, ужъ вовсе не такъ почетно и радостно то дѣло, ради котораго вызываютъ князя Алексѣя?

— Я ровно ничего не знаю, — уклонился отъ разспросовъ Остенъ-Сакенъ. — Что мнѣ велѣно было передать, то я передалъ, а остальное до меня не касается!..

— Дипломатъ придворный... іезуитская косточка! — добродушно разсмѣялся Борегаръ, подмигивая адъютанту.—Такъ мы тебѣ и повѣрили, что ты ничего не знаешь!..

— Не вѣрьте пожалуй!—согласился баронъ.—Вашей вѣры я и не требую, а вотъ завтракъ такъ потребую, ежели у васъ тутъ сносно кормятъ.

— Для вашего баронскаго сіятельства особливо постараемся,—сошкольничалъ общій любимецъ Тандренъ, который чуть ли не одинъ изъ всѣхъ поручиковъ гвардіи пользовался правомъ быть на „ты“ почти со всѣми штабъ-офицерами.

Былъ затребованъ самый полный прейсъ-курантъ всего. что имѣлось въ буфетахъ офицерскаго собранія, сдѣланъ строгій выборъ, и менѣе часа спустя шла уже въ полномъ разгарѣ оживленная бесѣда за роскошно сервированнымъ завтракомъ.

IV.

Аудіенція.

На другой день, ровно въ одиннадцать часовъ утра, въ пріемную великаго князя Михаила Павловича не совсѣмъ твердымъ шагомъ входилъ князь Несвицкій, по всей строгости установленной формы затянутый въ парадный мундиръ съ коротенькими фалдочками и ярко-красными отворотами на груди.

Великій князь еще не выходилъ, но въ пріемной уже начиналъ понемногу набираться народъ.

На пріемѣ у Михаила Павловича всегда бывало много посѣтителей. Онъ любилъ вызывать къ себѣ для личной отдачи особыхъ приказаній и еще болѣе для личнаго распеканія за замѣченныя упущенія по службѣ.

Тутъ были и старые заслуженные генералы, и молоденькіе проштрафившіеся офицерики, и два какихъ-то статскихъ, особенно трусливо озиравшихся по сторонамъ, и два или три армейскихъ офицера, ожидавшихъ выхода великаго князя съ тѣмъ же убѣжденнымъ трепетомъ, съ какимъ проникнутые ученіемъ талмуда евреи ожидаютъ пришествія своего Мессіи. Тутъ же, то появляясь, то опять исчезая во внутреннихъ покояхъ, мелькали щегольскіе мундиры адъютантовъ великаго князя, державшихся съ тѣмъ увѣреннымъ, слегка заносчивымъ равнодушіемъ, которому завидовали всѣ остальные.

Но вотъ изъ кабинета великаго князя раздался громкій и пронзительный звонокъ. Въ отвѣтъ на него черезъ пріемный залъ торопливо пробѣжалъ одинъ изъ адъютантовъ, въ то время какъ другой приготовился отбирать прошенія.

— Ротмистръ, вы видѣли сегодня великаго князя? — спросилъ старый, увѣшанный орденами генералъ, обращаясь къ адъютанту.

— Видѣлъ, ваше превосходительство! — почтительно отвѣтилъ послѣдній.

— Ну, что онъ? какъ?

Адъютантъ махнулъ рукой и произнесъ:

— Туча тучей! То есть въ такомъ расположеніи духа я его еще никогда не видалъ, а я при немъ ужъ пятый годъ состою.

— Ну, пронеси, Господи! — улыбнулся генералъ, которому очевидно нечего было бояться.

Зато Несвицкій, стоявшій въ сторонѣ, замѣтно вздрогнулъ и навѣрное перекрестился бы, если бы это можно было сдѣлать незамѣтно.

— Онъ скоро выйдетъ?—продолжалъ генералъ.

— Вѣроятно сейчасъ, если не будетъ дано особыхъ, экстренныхъ аудіенцій!—отвѣтилъ адъютантъ.

Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ дверь пріемной торопливо отворилась и на порогѣ показался другой адъютантъ.

— Штабсъ-капитанъ преображенскаго полка, князь Несвицкій, пожалуйте къ великому князю! — громко, какъ герольдъ, прокричалъ онъ.

Несвицкій, замѣтно поблѣднѣвшій, двинулся по направленію къ кабинету великаго князя, сопровождаемый любопытными взглядами присутствующихъ.

Непосвященные въ порядки великокняжескихъ пріемовъ позавидовали молодому, красивому офицеру, тѣ же, кто былъ хорошо знакомъ съ придворнымъ обиходомъ вообще и съ привычками великаго князя Михаила Павловича въ особенности, многозначительно покачали головами. Они хорошо знали, что молодой офицеръ могъ пройти по особому вызову впереди старыхъ ветерановъ только въ такомъ исключительномъ случаѣ, когда на его долю выпадали особенно строгій и неумолимый выговоръ или образцовое взысканіе.

Несвицкій зналъ это не хуже другихъ и, весь блѣдный, положительно замеръ на порогѣ великокняжескаго кабинета, будучи встрѣченъ строгимъ и серьезнымъ взглядомъ Михаила Павловича.

Въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ великій князь едва кивнулъ ему головой и, не поднимая на него взора, спросилъ, сдвигая свои густыя, во всѣ стороны торчавшія, брови:

— Нужно ли мнѣ вамъ объяснять причину моего вызова, князь Несвицкій, или вы сами понимаете ее?...

Густой голосъ великаго князя прозвучалъ строго и повелительно.

Несвицкій молчалъ.

— Потрудитесь отвѣтить мнѣ!.. Чѣмъ короче будетъ наша бесѣда, тѣмъ лучше это будетъ для насъ обоихъ!—произнесъ Михаилъ Павловичъ.

— Я не знаю, ваше императорское высочество.

Некрасивое лицо Михаила Павловича покрылось багровыми пятнами; въ его глазахъ блеснулъ плохо сдерживаемый гнѣвъ.

— Вы не знаете? — почти крикнулъ онъ. — Да-съ? Вы не знаете? Такъ потрудитесь подумать... припомнить потрудитесь!.. Не встанетъ ли въ вашей очевидно не особенно острой памяти какой нибудь поступокъ, который вызвалъ бы чувство стыда и раскаянія въ вашей душѣ? Вы продолжаете упорно молчать?..

Что же мнѣ васъ, какъ на исповѣди, по требнику, что ли, спрашивать прикажете, слово за словомъ, имя за именемъ прикажете мнѣ вамъ все напоминать?—и, говоря все это, великій князь продолжалъ сурово смотрѣть на Несвицкаго.

Тотъ не произносилъ ни слова.

Тогда великій князь продолжалъ:

— Вы съ семьей славной памяти генерала Лешерна знакомы?.. Да?.. Вы имѣли честь быть приняты въ домѣ вдовы и дочери человѣка, обезсмертившаго свое имя и покрывшаго славой русское оружіе?.. Да отвѣчайте же, васъ вѣдь я спрашиваю!.. Отвѣчайте! Или предо мной отвѣтъ держать не то, что съ женщинами разговаривать, и чувство страха вамъ болѣе знакомо и понятно, нежели чувство чести?

Несвицкій вздрогнулъ подъ этимъ упрекомъ и тотчасъ отвѣтилъ:

— Да, я знакомъ съ семьей генерала Лешерна, ваше императорское высочество, и бывалъ въ ихъ домѣ!

— Въ качествѣ кого?.. Простого знакомаго, честнаго, любящаго человѣка, счастливаго жениха или соблазнителя?

Несвицкій блѣднѣлъ все сильнѣе и сильнѣе... Въ его лицѣ уже не было ни кровинки.

— Я... имѣлъ намѣреніе жениться на дочери генерала Лешерна!—тихо, чуть слышно проговорилъ онъ.

Великій князь вскочилъ съ мѣста.

— И для этого...—началъ онъ громовымъ голосомъ, но затѣмъ, разомъ сдержавшись, хрипло и медленно произнесъ:—впрочемъ гнѣвомъ горю не поможешь и сдѣланной ошибки не исправишь!.. Вы, князь, объяснились съ генеральшей Лешернъ?

— Такъ точно, ваше императорское высочество?

— И просили у нея руки ея дочери?

— Такъ точно!

— Такъ почему же вы до сихъ поръ не подали прошенія о разрѣшеніи вамъ вступить въ бракъ? Почему вы не объявлены женихомъ молодой Лешернъ и, главное, почему вы перестали въ послѣднее время даже бывать у нихъ въ домѣ?.. Отвѣчайте мнѣ, какъ все это случилось? Какъ могло все это случиться? И какъ вы могли, какъ вы осмѣлились подумать, что все это возможно здѣсь, на глазахъ у меня, на глазахъ у государя?.. Неужели вы не поняли, что на нашей совѣсти, на нашей личной чести лежитъ обязанность защитить дочь того доблестнаго и славнаго слуги отечества, который умеръ геройской смертью, завѣщавъ благодарной родинѣ свою беззащитную семью?

— Я не отказывался отъ брака съ дѣвицей Лешернъ,

ваше императорское высочество! — тверже отвѣтилъ Несвицкій, въ свою очередь глубоко оскорбленный тѣмъ тономъ, какимъ говорилъ съ нимъ Михаилъ Павловичъ.—Я только хотѣлъ обождать согласія моихъ родителей, которыхъ я ослушаться не могу и не смѣю!

— А ваши родители живы?

— Такъ точно, ваше императорское высочество! Они живутъ въ Москвѣ.

— Вы—богатый человѣкъ?

— Лично у меня нѣтъ ровно ничего, ваше императорское высочество! Я всецѣло завишу отъ отца и матери...

— Такъ откройте имъ настоящее положеніе дѣла, скажите имъ откровенно все, прибавьте къ этому, что бракъ съ дочерью генерала Лешерна для каждаго изъ русскихъ офицеровъ явился бы большой честью, и я увѣренъ, что представители стариннаго княжескаго рода поймутъ и благословятъ своего сына на исполненіе святого долга, который въ то же время для него лично явится ниспосланнымъ судьбою большимъ и несомнѣннымъ счастьемъ! Посаженнымъ отцомъ невѣсты буду я самъ. Я сочту за честь для себя замѣнить безвременно погибшаго славнаго героя! Шаферовъ невѣсты я съ собой привезу... Вамъ останется только забота о своей личной особѣ... А для облегченія и этой стороны дѣла вамъ на первый разъ будутъ выданы двѣнадцать тысячъ рублей заимообразно на ваши свадебные расходы. Эти деньги вы должны будете возвратить своей тещѣ, онѣ ей принадлежатъ!... Ступайте, князь!.. Сегодня же вамъ будетъ выдано разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, а приготовленія къ свадьбѣ особенно много времени у васъ врядъ ли возьмутъ. Дня черезъ два или черезъ три я увѣдомлю васъ о днѣ, который будетъ назначенъ для вашей свадьбы! Ваша будущая теща предоставила мнѣ право этого назначенія, ваша невѣста вѣроятно согласится съ матерью, а вашего согласія я не потребую и не спрошу. Увѣренъ, что вы, хорошо зная меня, поймете конечно, какъ далеко можетъ завести васъ всякій протестъ противъ моего справедливаго рѣшенія!

Великій князь легкимъ наклоненіемъ головы далъ знать вконецъ растерявшемуся жениху, что аудіенція окончена, и отпустилъ его.

Дальнѣйшіе пріемы въ это утро прошли особенно быстро. Михаилъ Павловичъ торопился во дворецъ, откуда уже рано утромъ получилъ радостную вѣсть о томъ, что августѣйшій маленькій больной провелъ ночь почти спокойно и, проснувшись на зарѣ, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ горячаго чая и занялся новой, предъ вечеромъ доставленной ему игрушкой.

По прибытіи великаго князя во дворецъ все это вполнѣ подтвердилось.

Доктора, окружавшіе кроватку маленькаго наслѣдника, были въ восторгѣ отъ происшедшей въ его здоровьѣ перемѣны и вполнѣ ручались за полное и быстрое выздоровленіе державнаго малютки.

Все кругомъ ликовало, и государь при входѣ брата поспѣшно двинулся къ нему навстрѣчу и крѣпко обнялъ его.

— Я могу тебя тоже поздравить съ нашимъ большимъ счастіемъ!—съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ онъ.—Я знаю, какъ ты измучился тревогой о нашемъ ненаглядномъ больномъ!

Затѣмъ императоръ, осторожно ступая, подвелъ брата къ кроваткѣ, въ которой маленькій наслѣдникъ полусидѣлъ, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ подушками и держа въ рукахъ прелестное маленькое знамя, вышитое разноцвѣтными шелками и прикрѣпленное къ золоченому древку.

— Какая роскошная игрушка! — замѣтилъ великій князь, нагибаясь надъ кроваткой и нѣжно цѣлуя крошечную ручку маленькаго больного.—Кто это тебѣ подарилъ, Саша?

— Авторъ знамени смѣло можетъ назваться нашимъ коллегой! — смѣясь замѣтилъ лейбъ-медикъ Рюль. — Эта прелестная игрушка оказала нашему августѣйшему больному почти столько же пользы, сколько наши микстуры. Дѣти вообще очень нервны, а больныя дѣти въ особенности, и во-время занявшая ихъ игрушка для нихъ—то же, что лекарство!

— И знаешь, Миша, кому мы обязаны этимъ своеобразнымъ леченіемъ и кто вышивалъ это прелестное маленькое цѣлебное знамя? — разсмѣялся императоръ, съ улыбкой взглядывая на брата.

— Нѣтъ, не знаю! — отвѣтилъ тотъ, — но тѣмъ не менѣе чрезвычайно благодаренъ этой доброй феѣ, потому что знамя навѣрное является произведеніемъ женскихъ рукъ.

— Ну, конечно, и даже вовсе не красивыхъ и не привлекательныхъ рукъ,—разсмѣялся императоръ.

— Неблагодарность — большой порокъ! — нѣжно погрозила ему императрица.

— Ты непремѣнно хочешь натолкнуть меня на невѣрность?—разсмѣялся государь, — только на этотъ разъ тебѣ это не удастся: автору этого знамени я своей любовью не заплачу за него! Знамя вышивала графиня Лаваль,—смѣясь обратился онъ къ великому князю, вызывая этимъ именемъ на лицѣ брата сочувственную веселую улыбку.

Графиня Лаваль была пожилая и некрасивая женщина, всю жизнь проведшая за границей и не задолго до кончины импе-

ратора Александра Павловича вернувшаяся въ Россію, гдѣ она безъ ума влюбилась въ молодого красавца-императора. Не по годамъ кокетливая и полная ничѣмъ неоправдываемыхъ претензій, графиня Лаваль, отнюдь не скрывавшая своей безумной любви къ молодому императору, вскорѣ сдѣлась предметомъ шутокъ и забавы для всего двора и частой и нескрываемой досады для самого государя.

Императрица Александра Феодоровна наряду со всѣми была посвящена въ тайну этой пылкой любви и со свойственной ей ангельской добротой всегда заступалась за старую графиню. Теперь, когда вышитое ею и такъ своевременно присланное красивое дѣтское знамя доставило большое удовольствіе больному наслѣднику, императрица больше нежели когда нибудь вся стояла на стражѣ интересовъ графини и готова была поссориться за нее со всѣми.

— Ты долженъ самъ поблагодарить графиню! — горячо настаивала она, обращаясь къ супругу.—Этого требуютъ справедливость и самая простая, элементарная вѣжливость! Графиня сама трудилась надъ этимъ маленькимъ, дивнымъ произведеніемъ и оно такъ утѣшило нашего дорогого Сашу, что не сказать ей сердечнаго спасибо положительно нельзя!..

— Вотъ она, женская логика!—разсмѣялся Михаилъ Павловичъ, слегка подмигивая брату. — И, главное, то интересно, что первымъ адвокатомъ графини является наша „волшебница“!

Великій князь любилъ такъ называть императрицу, которую обожалъ и на которую всегда любовался.

— Ну, теперь отслужимъ благодарственный молебенъ, да и за дѣло!—рѣшилъ императоръ, уходя въ кабинетъ вмѣстѣ съ братомъ.—Что у тебя новенькаго, Миша?

— Да хорошаго мало!—отвѣтилъ Михаилъ Павловичъ.

— Но дурного тоже, надѣюсь, нѣтъ? — освѣдомился государь.

— Какъ сказать?—пожалъ плечами Михаилъ Павловичъ и передалъ императору исторію Несвицкаго и Лешернъ.

Государь слегка поморщился, а затѣмъ задумчиво произнесъ:

— Да, отъ рыцарскихъ временъ это далеко! А она хороша, эта Лешернъ?..

— Какъ свѣтлый день! — съ восторгомъ отвѣтилъ великій князь.

— Какъ ты говоришь это, Миша!.. Смотри, какъ бы намъ съ тобой предъ великой княгиней Еленой не провиниться!.. Не влюбись грѣхомъ!..

— Это я-то?—разсмѣялся великій князь.—Пристала ко мнѣ влюбленность!.. А развѣ ты молодой Лешернъ никогда не видалъ?

— Не знаю, право! можетъ быть, и видѣлъ, да не замѣтилъ!..

— Ну, нѣтъ, это ты извини! Ужъ если бы видѣлъ, такъ непремѣнно замѣтилъ бы. Ея не замѣтить нельзя!

— Такъ чего-жъ это преображенецъ-то твой ломается, если она такъ хороша?..

Великій князь махнулъ рукой.

— Да развѣ наша молодежь способна на истинную, настоящую любовь? Имъ только бы денегъ за невѣстой взять да себѣ женитьбой карьеру выгодную сдѣлать, а до остального имъ заботы мало!.. Погубить женщину имъ ничего не значитъ, а загладить свою вину—на это ихъ нѣтъ!..

Государь слушалъ это въ глубокой задумчивости. Онъ тоже былъ не чуждъ, если не горячей любви, которую всю безъ остатка отдалъ женѣ, то пылкаго увлеченія; но въ этой сферѣ ему, во всемъ удачливому, какъ говорится, не везло.

Въ его умѣ при разговорѣ съ братомъ вставали воспоминанія, и подъ гнетомъ ихъ онъ прервалъ брата, чтобы спросить:

— А что этотъ кадетъ... Кокошкинъ? Какъ идетъ въ корпусѣ?..

— Да никакъ не идетъ!—слегка покачавъ головой, отвѣтилъ Михаилъ Павловичъ.—Мальчикъ и неспособный, и лѣнивый... А ты опять о маленькой Марусѣ вспомнилъ?—сочувственно проговорилъ онъ.—Да, да, славненькая была она! Жаль ея, но упрекать тебѣ себя не въ чемъ. Ты предъ ней ни въ чемъ не виноватъ, и сама она умирая съ любовью вспоминала о тебѣ.

Императоръ провелъ рукой по влажному лбу.

— Да, я знаю это!.. А она любила своего брата?—спросилъ онъ, поднимая голову и въ упоръ взглядывая на Михаила Павловича.

— О, да... очень любила!.. Она въ послѣднее время часто просила меня о немъ. Тебя она безпокоить не хотѣла; она и берегла, и боялась тебя... А меня она звала „дядя Миша“ и относилась ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ. Ну, да Богъ съ ней!.. И при ея жизни, и послѣ ея смерти для нея сдѣлано было все, что можно, и теперь я, въ память ея, съ ея дуракомъ-братомъ вожусь и какъ никакъ, а ужъ до офицера его дотяну! Не знаю только, какой именно полкъ предо мной настолько проштрафится, чтобы его туда опредѣлить! — разсмѣялся Михаилъ Павловичъ, видя, что лицо императора омрачилось.

Но разсѣять грусть, охватившую государя, было не легко. Воспоминаніе о Кокошкиной, бывшей предметомъ его краткаго увлеченія, вставало въ его душѣ, и были минуты, когда онъ многое готовъ былъ-бы отдать за то, чтобы поднять ее изъ ранней могилы, вновь услыхать ея веселый голосокъ, вновь заглянуть въ ея веселенькіе глазки.

Романъ Кокошкиной былъ коротокъ и не сложенъ.

Государь, чтобы сдѣлать удовольствіе императрицѣ, всегда нѣжно вознвшейся со всѣми находившимися подъ ея покровительствомъ институтами, время отъ времени самъ посѣщалъ эти институты, и понятно, что среди всѣхъ предметовъ институтскаго „обожанія" такой мощный, державный красавецъ, какъ императоръ Николай Павловичъ, имѣлъ право на первенствующую роль. Разъ онъ, пріѣхавъ нечаянно въ одинъ изъ институтовъ и заставъ воспитанницъ совсѣмъ врасплохъ, готовившихся къ уроку танцевъ, дождался ихъ сравнительно параднаго туалета и прошелъ въ большой актовый залъ, въ которомъ уже ожидали и учитель танцевъ, артистъ Огюстъ, и полный оркестръ музыки, принадлежавшій институту и превращавшій чуть не каждый танцклассъ въ импровизированный балъ.

Въ числѣ танцовавшихъ дѣвочекъ государь остановилъ свое исключительное вниманіе на миніатюрной воспитанницѣ старшаго класса, съ граціей и легкостью маленькой сильфиды продѣлывавшей всѣ трудности хореографіи и улыбавшейся державному зрителю плѣнительной улыбкой задорной фарфоровой куколки.

Государь пожелалъ узнать фамилію маленькой феи, и ему сказали, что это—дочь умершаго полковника Кокошкина, служившаго въ кіевскомъ интендантствѣ и, вопреки обычаямъ этой службы, жившаго и умершаго бѣднякомъ. Въ институтъ маленькая фея попала по баллотировкѣ и въ данную минуту готовилась покинуть гостепріимныя стѣны воспитавшаго ее закрытаго заведенія, чтобы вернуться къ матери.

То же невеселое хожденіе по урокамъ ожидало и молодую красавицу, и трудно было представить себѣ, какъ эта граціозная дѣвушка приметъ на себя отвѣтственныя педагогическія занятія и всѣ сопряженныя съ необезпеченнымъ положеніемъ тяготы жизни.

Государь подошелъ къ Кокошкиной и милостиво заговорилъ съ ней.

Она вся встрепенулась, вся раскраснѣлась и окончательно очаровала императора скромностью и веселымъ остроуміемъ своихъ отвѣтовъ.

На вопросъ государя, кого граціозная красавица „обожа-

етъ", она смѣясь отвѣтила, что „до этого дня" она обожала одну изъ своихъ старшихъ подругъ, и на этомъ остановилась.

— А съ сегодняшняго дня кого? — милостиво пошутилъ императоръ.

Красавица робко и кокетливо улыбнулась.

— Если вы не хотите сказать мнѣ это, такъ я самъ догадаюсь!—сказалъ государь, любуясь смущеніемъ своей миленькой собесѣдницы, и уѣзжая сказалъ ей:—съ вами я не прощаюсь. Мы еще увидимся!

Эти слова глубоко запали въ умъ и сердце молодой дѣвушки, образъ которой тоже запалъ если не въ сердце, то въ воображеніе государя, и, вернувшись изъ института, онъ передалъ о произведенномъ на него впечатлѣніи своему неизмѣнному товарищу дѣтства, носившему въ это время флигель-адъютантскіе аксельбанты и пользовавшемуся исключительнымъ вниманіемъ своего державнаго покровителя, выросшаго вмѣстѣ съ нимъ. Безъ содѣйствія и вмѣшательства этого совѣтника никогда не разыгрывалась ни одна юношеская шалость Николая Павловича въ бытность его великимъ княземъ, и онъ остался столь же близкимъ и довѣреннымъ лицомъ и послѣ того, какъ Николай Павловичъ сталъ государемъ.

Выслушавъ оживленное и нѣсколько восторженное повѣствованіе государя о плѣнившей его красавицѣ Кокошкиной, фаворитъ отправился на розыски, познакомился и подробно переговорилъ съ ея матерью, забросалъ подарками и окончательно вскружилъ голову молодой дѣвушкѣ и завершилъ дѣло тѣмъ, что Маруся Кокошкина, выйдя изъ института, вскорѣ уже занимала убранную съ царской роскошью квартиру, въ которую ее перевезъ услужливый любимецъ государя и гдѣ ее посѣщалъ заинтересовавшійся ею Николай Павловичъ.

Маруся Кокошкина, потерявшая голову и отъ окружавшей ее роскоши, и отъ баловства императора, исполнявшаго и предупреждавшаго всѣ ея желанія, сама до безумія „обожала" своего державнаго покровителя и считала себя счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ вплоть до того дня, когда, испугавшись совершенно новаго, незнакомаго ей ощущенія, узнала отъ вызваннаго къ ней доктора, что готовится быть матерью. Она перепугалась, расплакалась; ея страху и горю не было конца.

Оставалось только по возможности успокаивать и утѣшать Марусю и ее окружили новыми щедрыми подарками и новымъ, почти баснословнымъ баловствомъ, тѣмъ болѣе, что доктора высказали предположеніе, что она врядъ ли вынесетъ постигшее ее положеніе.

Вся эта исторія стала извѣстна и императрицѣ, которая

была предупреждена обо всемъ своей неизмѣнной подругой и дальней родственницей, графиней Г. Это была неуклонно честная и строгая женщина, и государыня вѣрила ей, какъ самой себѣ.

Графиня Г. вмѣстѣ съ самой императрицей пріѣхала изъ Пруссіи, гдѣ выросла при королевскомъ дворѣ вмѣстѣ съ своей дальней кузиной, принцессой Шарлоттой, призванной впослѣдствіи занять россійскій престолъ. Ихъ связывала самая тѣсная дружба, и графиня была всегда неразлучна съ государыней Александрой Феодоровной, причемъ ее если не всѣ горячо любили, то всѣ безусловно глубоко уважали. Когда ей стало извѣстно объ исторіи съ Кокошкиной, она сочла необходимымъ довести это до свѣдѣнія государыни.

Императрицу глубоко огорчило это сообщеніе, и когда, по ея настоятельной просьбѣ, графиня въ театрѣ издали показала ей Кокошкину, наивно выглядывавшую изъ-за портьеръ литерной ложи своимъ слегка поблѣднѣвшимъ, но обаятельно красивымъ личикомъ, она перевела взоръ на присутствовавшаго въ ложѣ государя и не могла воздержаться отъ укоризненнаго замѣчанія.

Императоръ промолчалъ, нѣсколько дней сряду дулся на графиню и тотчасъ далъ себѣ слово разстаться со своей хорошенькой пассіей. Онъ сначала хотѣлъ отправить ее для поправленія силъ за границу, а затѣмъ помочь ей сдѣлать хорошую и надежную партію, щедро наградивъ ее при замужествѣ.

Но всѣмъ этимъ благимъ намѣреніямъ не суждено было сбыться. Хрупкій организмъ Маруси Кокошкиной не выдержалъ серьезнѣйшаго для каждой женщины періода, и маленькая фарфоровая куколка умерла.

Государь былъ чрезвычайно взволнованъ этимъ тяжелымъ эпилогомъ своего увлеченія и у него едва хватило силы взглянуть на скончавшуюся Марусю. Онъ поручилъ великому князю Михаилу Павловичу принять на себя заботы о должномъ погребеніи ея, а также о судьбѣ остававшихся послѣ нея брата и совершенно растерявшейся, полупомѣшанной отъ горя матери.

Послѣдняя сознавала ту роль попустительницы, которую она согласилась принять на себя въ судьбѣ дочери; она понимала, что отъ нея зависѣло сохранить Марусю, и стояла у ея гроба безъ словъ, почти безъ слезъ, полубезумнымъ, пристальнымъ взглядомъ всматриваясь въ страдальческое личико почившей.

По приказанію императрицы Александры Феодоровны были опустошены всѣ ея личные цвѣтники, и гробъ Маруси Кокошкиной весь утопалъ въ цвѣтахъ; ими же было засыпано все дно отверзтой глубокой могилы.

Великій князь Михаилъ Павловичъ съ истинно отческой заботливостью устроилъ дальнѣйшую судьбу брата Маруси, а ея мать, вся ушедшая въ свое глубокое, безпросвѣтное горе, уже ни въ чемъ не нуждалась, кромѣ тщательнаго и умѣлаго медицинскаго ухода. Въ ту минуту, когда стали опускать въ могилу ея столь рано угасшую дочь, она порывисто двинулась къ могилѣ и непремѣнно бросилась бы на ея глубокое, усыпанное цвѣтами дно, если бы не была ловко схвачена сильной рукою адъютанта великаго князя Михаила Павловича, барона Остенъ-Сакена, сопровождавшаго своего августѣйшаго начальника, который пожелалъ лично проводить прахъ усопшей до ея мрачнаго новоселья. Отведенная заботливой рукой отъ могилы дочери, Кокошкина рѣшительно не согласилась оставить кладбище до той минуты, когда могила была совершенно засыпана землей, и тутъ только, словно понявъ свою потерю, растерянно оглянулась кругомъ и робкимъ, заискивающимъ голосомъ проговорила:

— Я завтра опять сюда приду!

Но это посѣщеніе не могло состояться, такъ какъ несчастная мать, заболѣвшая острымъ психическимъ разстройствомъ, на другой день уже была въ лечебницѣ знаменитаго психіатра, куда была помѣщена за плату, внесенную лично великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Директоръ лечебницы подалъ легкую надежду на выздоровленіе больной, но это не исполнилось, и больная стала доживать свой вѣкъ среди умѣлаго и усерднаго ухода лечебницы.

Что касается ея сына, молодого кадета, то онъ приводилъ въ отчаяніе начальство того корпуса, котораго великій князь наградилъ такимъ ни на что не способнымъ юношей.

Весь этотъ эпизодъ воскресъ въ памяти императора Николая Павловича, когда его братъ разсказалъ объ исторіи Несвицкаго и Лешернъ. По его лицу во время молчанія пробѣгали тѣни, и наконецъ онъ произнесъ:

— Ты правъ былъ, Миша, придавъ такое серьезное значеніе всей этой исторіи съ дочерью славнаго героя, генерала Лешерна. Велика отвѣтственность, какую принимаютъ на себя всѣ, такъ или иначе вліяющіе на чужую жизнь!.. Но послѣ всего тобою сказаннаго тревожно встаетъ въ умѣ вопросъ: найдетъ ли эта молодая дѣвушка счастье въ своемъ бракѣ съ этимъ княземъ Несвицкимъ?..

— Это—ужъ ихъ дѣло!—повелъ плечами великій князь.—Я пошелъ навстрѣчу рѣшенію, принятому самой матерью и сообщенному мнѣ ею же лично... Не думаю, чтобы она сама глубоко вѣрила въ счастье дочери, но разъ иного выхода нѣтъ...

— Что вы отъ насъ ушли какъ заговорщики?—раздался мягкій голосъ императрицы, и ея обаятельная фигура выдѣлилась на темномъ фонѣ полуоткинутой портьеры.—Что съ тобой? Ты какъ будто грустенъ или недоволенъ чѣмъ-то?—обратилась она къ своему царственному супругу.—Сегодня, когда нашему Сашѣ стало значительно лучше, я ни одного грустнаго лица не потерплю. Я слишкомъ счастлива сама и хочу, чтобы всѣ были счастливы со мною вмѣстѣ! И для начала вотъ что мы придумали... Да, войдите же! — повернулась она въ сторону двери.—Ты позволяешь?—спросила она государя.—Я знаю, что въ твой державный кабинетъ никому нѣтъ входа, но сегодняшній день, день выздоровленія нашего дорогого Саши, долженъ быть исключеніемъ для всѣхъ и для всего!.. Вѣдь я права?.. Да?...—и, не дожидаясь отвѣта, императрица вновь обернулась къ двери и повторила свое приглашеніе.

Кабинетъ государя мгновенно наполнился веселой и блестящей толпою.

Государыня не терпѣла одиночества. Ее всегда сопровождали и дежурная фрейлина, и неотлучно находившаяся при ней графиня Г., и цѣлый штатъ обожавшей ее придворной молодежи.

— Вотъ что мы рѣшили на общемъ совѣтѣ!—оживленно заговорила она.

— Послушаемъ и обсудимъ! — разсмѣялся государь, поочередно цѣлуя миніатюрныя ручки императрицы.

— Нѣтъ, нѣтъ, только слушать можно, но обсуждать нельзя!.. Все рѣшено окончательно и безповоротно!.. Начинается съ того, что графиня Лаваль должна быть приглашена къ намъ на интимный завтракъ, и ты долженъ лично поблагодарить ее за ея милое вниманіе... Затѣмъ, по выздоровленіи Саши, графиня вторично будетъ завтракать у насъ, и Саша самъ поблагодаритъ ее!.. Затѣмъ...

— Нѣтъ ужъ, „затѣмъ“ ровно ничего не будетъ, иначе я положительно взбунтуюсь!—возразилъ императоръ.—Графиня Лаваль за однимъ завтракомъ... графиня Лаваль за другимъ завтракомъ... расшаркиваюсь предъ графиней я, расшаркивается предъ нею мой сынъ... Положительно въ моемъ дворцѣ слишкомъ много Лаваль... Все хорошо въ мѣру!

— А развѣ ты можешь меня не послушаться?—подчеркнула императрица слово „меня“.

— Могу... въ этомъ случаѣ положительно могу.

— А если я хорошенько попрошу тебя... какъ слѣдственно попрошу?..—спросила государыня, до конца своей жизни никакъ не могшая поладить съ русскимъ языкомъ и особенно дурно

говорившая по-русски именно тогда, когда она старалась говорить получше.

— И если „какъ слѣдственно“ попросишь, все-таки откажу!—разсмѣялся государь.—А если настаивать станешь, разведусь съ тобой! Все я вынесу безропотно, предъ всѣмъ преклонюсь, все стерплю, но предъ присутствіемъ графини Лаваль возмущусь!

— Но почему же такъ?—серьезно спросила императрица.

— Да потому, что на всякое терпѣніе есть границы, на всякое правило есть свое исключеніе, а графиня Лаваль—именно и „граница“, и „исключеніе“.

Всѣ разсмѣялись въ отвѣтъ на эту оригинальную бутаду, и въ огромный роскошный кабинетъ императора вмѣстѣ съ золотымъ лучемъ заходящаго солнца отзвукомъ живого веселья ворвался аккордъ свѣтлой, беззаботной радости.

V.

Оригинальная поклонница императора.

Выздоровленіе маленькаго наслѣдника шло быстро, и къ концу слѣдующей недѣли уже былъ назначенъ переѣздъ царской семьи въ дачное помѣщеніе.

На этотъ разъ было избрано Царское Село, въ которомъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ царская фамилія жила не каждый годъ и которое особенно любила императрица. Именно ея желанію дѣлалась на этотъ разъ уступка, и крошечныя царскія дѣти, любившія и помнившія лебедей, которыхъ они сами кормили на царскосельскихъ прудахъ, торопливо и весело укладывали въ „далекій вояжъ“ свои нарядныя и безчисленныя куклы.

Великій князь Михаилъ Павловичъ уже переѣхалъ въ свой личный дворецъ на Елагиномъ островѣ, гдѣ вокругъ великой княгини Елены Павловны часто и очень охотно собиралось все, чѣмъ гордилась тогда мыслящая и художественная Россія.

Самъ великій князь держался нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ собраній, которыя онъ шутливо называлъ „засѣданіями“, но въ глубинѣ души ему было пріятно видѣть и сознавать то умственное превосходство, съ какимъ его супруга возвышалась надъ всѣмъ ее окружавшимъ.

На этотъ разъ отсутствіе великаго князя на „засѣданіяхъ“ въ значительной степени мотивировалось тѣмъ, что изъ оренбургскихъ степей шли далеко не отрадныя вѣсти и приходилось втайнѣ призадумываться надъ возможностью въ скоромъ времени начать стягивать войска къ предѣламъ этого отдаленнаго степного края.

Но эти серьезныя и тревожныя занятія не мѣшали великому князю съ истинно-отеческой заботой слѣдить за приготовленіями къ свадьбѣ князя Несвицкаго, надъ которымъ онъ учредилъ тайный надзоръ и который далеко не радовалъ его своимъ отношеніемъ къ своей будущей роднѣ. Несвицкій, по доходившимъ до Михаила Павловича слухамъ, не только своей будущей тещѣ не могъ простить тѣ смѣлые шаги, которые были сдѣланы ею и послѣдствіемъ которыхъ явилось вмѣшательство великаго князя въ дѣло его сватовства, но и къ своей невѣстѣ относился почти враждебно, срывая на ней и холодность къ нему великаго князя, и замѣтное отчужденіе отъ него товарищей.

Къ своей матери князь писать не рѣшался, каждый день откладывая ту необходимую исповѣдь, съ которой ему приходилось обратиться къ ней, и съ равнымъ ужасомъ помышляя и о ея гнѣвѣ при извѣстіи о готовящемся его неизбѣжномъ бракѣ съ дѣвицею Лешернъ, и о еще сильнѣйшемъ ея гнѣвѣ, если ее придется оповѣстить о бракѣ уже совершившемся.

Наконецъ Несвицкій рѣшился на послѣднее, въ надеждѣ на то, что отецъ, какъ ни всецѣло онъ былъ порабощенъ женою, все-таки сумѣетъ объяснить ей, какой полной невозможностью явилось бы сопротивленіе рѣзко и безповоротно состоявшемуся рѣшенію великаго князя.

Несвицкій ходилъ пасмурный и надутый, не принимая участія ни въ товарищескихъ кутежахъ, ни въ товарищескихъ проказахъ, и добродушный Борегаръ, приглашенный княземъ въ шаферa, объяснялъ это его близкимъ вступленіемъ въ разрядъ женатыхъ людей.

— Привели въ христіанскую вѣру, братецъ; искусъ уже до половины пройденъ, а скоро и само посвященіе состоится!— весело шутилъ онъ.—Теперь ужъ тебѣ съ нашимъ братомъ, заядлымъ холостякомъ, и водиться не приходится. Чему ты отъ насъ научиться можешь?.. Мы, такъ сказать,—мірское благо; мы принадлежимъ всѣмъ и никому, и никакое лыко намъ въ строку не ставится!.. Ужъ за мой счетъ пророку Исаіи ликовать навѣрное не придется! Пусть себѣ ликуетъ и радуется чему хочетъ, я тутъ неповиненъ!... Да и какая была бы радость, если бы мнѣ пришла въ голову шалая мысль осупружиться? Ну, какой я мужъ?.. И кому, собственно говоря, нуженъ такой мужъ, какъ я?

Но всѣ эти веселыя шутки проходили среди общаго молчанія и никто на нихъ не откликался. Въ товарищескомъ офицерскомъ кругу была замѣтна какая- то натянутость. Всѣми смутно чувствовалось, что совершилось какое-то нехорошее

дѣло, которое приходится общими силами исправлять, и вмѣстѣ съ горячими симпатіями по адресу новой ожидаемой „полковой дамы“, красавицы Софьи Карловны Лешернъ, будущей княгини Несвицкой, глухо росла антипатія къ ея будущему мужу.

То же глухое, почти безсознательное недоброжелательство чувствовалось и въ личныхъ отношеніяхъ къ Несвицкому со стороны полкового командира, хотя онъ относился обыкновенно къ офицерамъ какъ къ меньшимъ и дорогимъ товарищамъ, а къ Несвицкому когда-то даже исключительно благоволилъ.

Положимъ, и теперь полковой командиръ, выдавая князю разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, самъ вызвался быть у него посаженнымъ отцомъ, но въ этомъ предложеніи чувствовалось желаніе угодить великому князю и косвенно заслужить благоволеніе самого государя, участіе котораго во всемъ этомъ таинственномъ дѣлѣ чувствовалось помимо его воли.

Свою невѣсту Несвицкій посѣщалъ почти ежедневно, но подолгу у нея не засиживался и еще ни раза откровенно и прямо не объяснился со своей будущей тещей, хотя и безповоротно сознавалъ, что ея личному вліянію онъ былъ обязанъ вмѣшательствомъ великаго князя Михаила Павловича въ дѣло его женитьбы.

Это напряженное состояніе создавало почти невозможное положеніе для обѣихъ сторонъ, и красавица-невѣста все ниже и ниже опускала свою мечтательную головку и все меньше и меньше ждала счастья отъ предстоявшаго брака.

А время между тѣмъ шло и людская молва далеко разносила новости изъ всѣхъ сферъ столичной жизни.

Нашлись заѣхавшіе случайно въ Петербургъ москвичи, до слуха которыхъ дошла вѣсть о близкой свадьбѣ молодого князя Несвицкаго и которые отписали объ этомъ въ свою очередь къ своимъ роднымъ и знакомымъ въ Бѣлокаменную.

Тамъ вѣсть разошлась съ той быстротой, которая присуща въ мірѣ только московскимъ вѣстовщикамъ и вѣстовщицамъ,— и въ одинъ прекрасный день князь Несвицкій получилъ тревожное письмо отъ матери съ настоятельнымъ вопросомъ относительно циркулировавшихъ слуховъ.

„Все можетъ статься, — писала старая княгиня,—ко всему должны быть готовы родители въ настоящій тревожный и своевольный вѣкъ... Быть можетъ, и ты, забывъ все, чѣмъ ты обязанъ мнѣ и отцу, задумаешь подарить насъ живымъ сюрпризомъ въ видѣ невѣстки, которой мы не знаемъ и которую не сами мы тебѣ выбрали. Но знай, что не только своего согласія ни я, ни твой отецъ на подобный бракъ никогда не дадимъ, но даже и на порогъ къ себѣ не пустимъ ни тебя, ни

самозванной княгини, у которой я сумѣю отнять самовластно узурпированный княжескій титулъ!“.

Далѣе слѣдовали вперемежку совѣты и угрозы княгини; письмо завершалось строгимъ приказаніемъ „немедленно“ и „досконально“ отвѣтить на все, отнюдь „не осмѣливаясь“ ничего скрывать и утаивать.

Несвицкаго письмо матери застало совершенно врасплохъ. Онъ не ожидалъ ничего подобнаго и какъ-то трусливо расчитывалъ на время, этотъ лучшій изъ всѣхъ въ мірѣ помощниковъ. Ему казалось, что старая княгиня, узнавъ о женитьбѣ сына только по совершеніи брачнаго обряда, поневолѣ примирится съ совершившимся фактомъ и мало-по-малу дѣло обойдется.

Не мало расчитывалъ Несвицкій въ этомъ случаѣ и на поддержку и защиту великаго князя, расчитывалъ на умъ и находчивость будущей молодой княгини. Какъ страусъ, считающій себя въ полной безопасности, когда у него голова спрятана подъ крыло и онъ самъ никого не видитъ, князь предоставлялъ все законному теченію, когда внезапно строгое письмо матери пробудило его и заставило прямо въ глаза взглянуть грядущей опасности.

Растерянный, онъ порѣшилъ показать письмо княгини своей невѣстѣ, не останавливаясь предъ тѣмъ тономъ глубокаго пренебреженія, который звучалъ въ немъ по ея адресу, и, долго не задумываясь, отправился къ Лешернамъ.

Онъ засталъ свою невѣсту сильно смущенною. За часъ до его пріѣзда старая генеральша наотрѣзъ объявила дочери, что ни одного дня не проведетъ въ одномъ домѣ съ ней и ея мужемъ и что никогда даже не переночуетъ въ ея домѣ послѣ ея замужества.

— Самое лучшее, что ты можешь сдѣлать,—это прямо переѣхать на теперешнюю холостую квартиру твоего мужа, на его зимней стоянкѣ,—сказала она.—У него тамъ хорошо, какъ сама говоришь, и если и тѣсно покажется на первое время, такъ и въ тѣснотѣ люди живутъ!—съ грустной улыбкой прибавила она.—Можно будетъ принанять еще рядомъ помѣщеніе; я слышала, что вся Царская Славянка приспособлена для офицерскихъ квартиръ и многія изъ женъ преображенскихъ офицеровъ на лѣто переѣзжаютъ туда. Это и къ лагерямъ близко, и какъ дачная мѣстность хорошо и удобно, да и не дорого, что для тебя, на первое время твоего замужества, тоже является не послѣднимъ условіемъ. Отсюда ты возьмешь все, что получше. Мнѣ немного надо; я доживу до срока контракта, который кончается въ августѣ, и къ тому времени, если Богъ

продлитъ мнѣ вѣка, переберусь въ болѣе скромное и тѣсное помѣщеніе. Я и сейчасъ сдѣлала бы это, да все равно придется платить до полнаго срока... лѣтнихъ мѣсяцевъ хозяинъ за себя не возьметъ.

— Но, мама, дорогая, какъ же мы съ тобой разстанемся?.. Вѣдь мы же всю жизнь прожили вмѣстѣ?..

— Что дѣлать!..—отвѣтила генеральша, прижимая къ груди голову дочери и тотчасъ же почти отстраняясь отъ нея.—Не мы съ тобой первыя, не мы и послѣднія!.. Судьба молодыхъ дѣвушекъ такова, чтобы уходить изъ родительскаго дома... Я буду часто видаться съ тобой и издали буду много и горячо молиться за тебя... Не плачь!—прибавила она, быстро овладѣвая собой.—Ты знаешь, что я слезъ не люблю и сама плакать не умѣю.

Она лгала, эта преданная мать, великодушно лгала!.. Не плакать она не умѣла, а показывать свое горе людямъ было не въ ея обычаѣ. Она, какъ древняя спартанка, все переносила на себѣ и шла по тернистому жизненному пути съ высоко поднятою головой, какъ достойная жена того легендарнаго героя, имя котораго она носила.

Пріѣздъ жениха явился на этотъ разъ желанной диверсіей и сама генеральша почти обрадовалась ему. Она не была охотница до сантиментальныхъ сценъ, считая ихъ непростительной слабостью и чѣмъ-то близкимъ къ сценѣ и трагедіи. Она была вся правда, вся истина и свѣтъ!..

Поздоровавшись съ княземъ, она ушла къ себѣ въ комнату, а Несвицкій тотчасъ же передалъ невѣстѣ только что полученное отъ матери письмо.

Та внимательно пробѣжала его и, возвращая его жениху, спокойнымъ голосомъ спросила:

— Скажите: вы зачѣмъ познакомили меня съ содержаніемъ этого нелестнаго для меня посланія?..

Князь опѣшилъ. Онъ ждалъ вовсе не того.

— Я хотѣлъ познакомить васъ...

— Съ чѣмъ?.. Съ дерзкой заносчивостью вашей матери?.. Я съ ней достаточно хорошо знакома заочно, и ничто съ ея стороны не огорчитъ и не удивитъ меня!..

— Но я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами.

— Какой же я могу дать вамъ совѣтъ? — повела своими роскошными плечами Софья Карловна.—Вы и старше, и опытнѣе меня... Не вамъ у меня учиться... Если бы не мама и не ея настоятельное желаніе видѣть меня вашей женой, то я конечно давно отказала бы вамъ и возвратила бы вамъ ваше

слово, а себѣ—свою свободу!.. Но у мамы свои взгляды на жизнь; для нея иныя ошибки непремѣнно влекутъ за собой извѣстное возмездіе.

— Такъ что бракъ со мной является для васъ „возмездіемъ“ за сдѣланную горькую ошибку?..

— А для васъ это — новость, князь? — прямо взглянула князю въ глаза Софья Карловна. — Удивляюсь такому отсутствію проницательности въ такомъ искушенномъ жизнью человѣкѣ!..

— Но... что же мнѣ отвѣтить матушкѣ?—спросилъ князь.

— Это—дѣло ваше... По-моему, чѣмъ больше будетъ правды въ вашемъ отвѣтѣ, тѣмъ легче будетъ для всѣхъ!..

— То есть какой же именно „правды“?—тономъ недоумѣнія переспросилъ Несвицкій.

— Напишите ей, что ваша будущая жена вполнѣ раздѣляетъ ея нежеланіе родственнаго сближенія и будетъ очень рада никогда въ жизни не встрѣчаться съ ней.

— Вы шутите? Какъ же я смѣю такъ отвѣтить матери?

— Въ такомъ случаѣ вовсе не отвѣчайте!.. Вѣдь не только отказаться отъ брака со мной, но даже отложить его не въ вашей силѣ и власти?.. Въ этомъ дѣлѣ замѣшана воля людей, противъ которыхъ никто пойти не посмѣетъ!..

— Да!.. И вмѣшательствомъ этой воли въ мои личныя дѣла я всецѣло обязанъ вашей матушкѣ!—тономъ горькой укоризны произнесъ Несвицкій. — Теперь уже скрывать нечего. Я доподлинно знаю, что она обращалась къ великому князю, прося его защиты противъ меня.

Софья Карловна вздрогнула, и по ея красивому лицу скользнуло выраженіе презрительной ненависти. Затѣмъ она произнесла:

— Мнѣ это извѣстно! Но, даже допуская обращеніе моей матери къ защитѣ великаго князя Михаила Павловича, я принуждена сказать вамъ, что, поступая такъ, она не въ „ваши дѣла вмѣшивалась“, а поруганныя права своей сироты-дочери защищала и возстановляла честь того доблестнаго имени, которое завѣщалъ ей мой отецъ!

— Но что намъ съ вами толковать о томъ, чего ни исправить, ни измѣнить мы оба не въ силахъ?

— Если вы такъ боитесь гнѣва своей матери, обратитесь къ великому князю... его рѣшенію я безпрекословно подчинюсь. Полагаю, что ему подчинится и матушка.

— Что-жъ, вы прикажете великому князю разбивать устроенную имъ самимъ свадьбу?—произнесъ молодой гвардеецъ.

— Я никому ничего приказать не могу и даже просить

никого ни о чемъ не стану! — твердо сказала Софья Карловна.—Я отвѣчаю на вашъ вопросъ и еще разъ повторяю вамъ, что обсуждать его намъ съ вами поздно: до свадьбы остается всего недѣля да мнѣ сегодня и вѣнчальное платье прислано изъ дворца.

— Какъ тамъ заботятся о вашей свадьбѣ!

— Да! Царская фамилія очень милостива ко мнѣ! — спокойно отвѣтила Лешернъ и, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшимъ пререканіямъ, сообщила жениху о только что объявленномъ ей рѣшеніи матери.

— Прямо проѣхать жить въ Царскую Славянку?—удивился князь. — Да, это пожалуй будетъ и оригинально, и довольно удобно, а главное очень дешево!.. Мы съ вами не крезами въ новую жизнь вступаемъ!..

Софья Карловна подняла на него удивленный взглядъ.

— Но вѣдь вамъ выдана довольно крупная сумма денегъ, какъ мнѣ передавала мама?

— А ваша матушка и это провѣдала?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Ей не нужно было ничего „провѣдывать": эти деньги выданы личной ей и только отъ ея имени могли быть переданы вамъ! Вы обязаны современемъ возвратить ихъ ей.

— А жить на что же мнѣ прикажете?—грубо спросилъ Несвицкій.

— На то, что у меня осталось отъ отца, и на ваши личныя средства!

— Отъ вашего батюшки, сколько мнѣ извѣстно, вамъ осталось гораздо больше славы, нежели денегъ, что же касается меня, то я еще разъ повторяю вамъ, что лично у меня нѣтъ ровно ничего и благодаря моему браку съ вами вѣроятно и никогда ничего не будетъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ посланнаго отъ государыни императрицы, привезшаго невѣстѣ дорогой жемчужный приборъ.

Софья Карловна и генеральша выразили свою почтительную признательность, и когда посланный удалился и генеральша ушла къ себѣ, бросивъ разсѣянный взглядъ на дорогой и щедрый подарокъ, Софья Карловна, взявъ въ руки дорогой сафьяновый футляръ, протянула его жениху со словами:

— Вотъ вамъ и утѣшеніе судьба послала! Это—вещь дорогая... ее продать можно... Вы — человѣкъ практичный и, женившись на мнѣ, вѣроятно смѣло пустите въ ходъ свои коммерческія способности?

Въ тонѣ, которымъ были произнесены эти слова, было такъ

много глубокаго презрѣнія, они такъ вызывающе были орошены въ лицо блестящему гвардейцу, что человѣку, болѣе чуткому и сознательному, они прозвучали бы кровавой обидой.

Но сынъ старой княгини Несвицкой былъ закаленъ въ бою и входилъ въ жизнь обстрѣленнымъ, опытнымъ человѣкомъ.

Онъ почти не слыхалъ послѣднихъ словъ невѣсты. Въ его практическомъ умѣ дѣйствительно вставала приблизительная оцѣнка только что присланнаго императрицей подарка.

VI.

Встрѣча.

Съ переѣздомъ императорскаго семейства въ Царское Село, замѣтно оживилось и на улицахъ, по которымъ ежедневно катались августѣйшія дѣти, толпами ждалъ и привѣтствовалъ ихъ народъ, въ то далекое время беспрепятственно допускаемый всюду, гдѣ была возможность встрѣтиться съ царской семьей.

Въ Павловскѣ, гдѣ въ то время еще не было роскошнаго вокзала и куда только еще проектировалась желѣзная дорога,—два раза въ недѣлю по вечерамъ игралъ военный оркестръ, собирая въ эти дни многочисленную публику и массу дорогихъ и прихотливыхъ экипажей.

Съ переѣздомъ государя и его семьи въ Царское Село и Павловскій паркъ значительно оживился благодаря тому, что почти на каждомъ гуляньѣ присутствовалъ кто нибудь изъ царской фамиліи.

Чаще другихъ пріѣзжалъ на музыку самъ государь, котораго неизмѣнно сопровождалъ его любимецъ-адъютантъ, фамильярно врѣзавшійся въ толпу, здороваясь направо и налѣво со всѣми и усердно слѣдя за тѣмъ, на кого обращено исключительное вниманіе государя. Великій князь Михаилъ Павловичъ, не любившій общества этого фаворита, уклонялся отъ сопровожденія государя на музыку въ Павловскъ и дѣлалъ это такъ демонстративно, что въ тѣ дни, когда заранѣе было извѣстно что великій князь поѣдетъ вмѣстѣ со своимъ державнымъ братомъ въ Павловскій паркъ, любимый адъютантъ государя самъ заранѣе подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отклонялъ отъ себя эту поѣздку.

Однажды, когда Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Павловскъ позже обыкновеннаго и совершенно неожиданно, государь, сидѣвшій въ концѣ парка, неподалеку отъ тогдашней Китайской бесѣдки, впослѣдствіи снесенной по его приказанію, завидѣвъ брата, поспѣшно всталъ и пошелъ къ нему навстрѣчу.

Фаворита императора въ этотъ вечеръ не было, и его сопровождалъ только дежурный флигель-адъютантъ.

— Ты одинъ? — спросилъ великій князь, крѣпко пожимая руку брата.

— Къ сожалѣнію одинъ!—развелъ руками императоръ.

— Почему „къ сожалѣнію"? Неужели тебѣ такъ скучно безъ твоего полунѣмца?..

Великій князь всегда называлъ любимца государя „полунѣмцемъ".

— Да, скучно, потому что онъ всегда всѣхъ знаетъ и можетъ не только по имени всѣхъ называть, но и приблизительную біографію каждаго сообщить.

— А тебя заинтересовала чья нибудь біографія?—разсмѣялся великій князь.

— Еще какъ заинтересовала-то!—смѣясь покачалъ головой государь.—Прямо скажу тебѣ, я очарованъ! Такую красавицу увидалъ, что, какъ говоритъ старый сашинъ „дядька", ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не написать!..

— Гдѣ-жъ ты увидалъ такую сказочную красавицу? Здѣсь, на музыкѣ?

— Здѣсь, здѣсь!.. Она все время тутъ въ паркѣ прохаживалась со старой очень красивой дамой. Съ ними какой-то офицеръ гвардейскій былъ сначала, а потомъ онъ ушелъ и онѣ остались однѣ. Ну, ужъ и красавица, я тебѣ скажу!.. Не помню, чтобы мнѣ когда нибудь приходилось видѣть что либо подобное!

— Браво! Да ты прямо въ восторгъ приходишь?

— Именно въ восторгъ, братъ, положительно въ восторгъ!

— И куда же дѣвалась твоя небывалая красавица?

— Не знаю!.. Исчезла... въ воздухѣ расплылась, какъ сильфида... на дно рѣчное опустилась, какъ русалка!..

— Жаль!.. Взглянулъ бы и я на такую сказочную принцессу!—разсмѣялся великій князь.

— И навѣрное очаровался бы такъ же, какъ и я!..

— Легко быть можетъ! А пока позволь мнѣ пойти раскланяться съ прелестной молодой дѣвушкой, которая хотя и не принадлежитъ къ сказочнымъ видѣніямъ, но тоже въ смыслѣ красоты постоитъ за себя!—и, не дожидаясь отвѣта государя, Михаилъ Павловичъ поспѣшилъ навстрѣчу выходившимъ изъ боковой аллеи Лешернамъ, матери и дочери.

Онъ любезно сказалъ нѣсколько словъ старой генеральшѣ, улыбнулся красавицѣ-невѣстѣ и, доведя ихъ до платныхъ мѣстъ предъ музыкальною эстрадой, раскланялся съ ними и вернулся къ государю.

Тотъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и взволнованнымъ голосомъ освѣдомился:

— Съ кѣмъ это ты сейчасъ разговаривалъ? Вѣдь я о нихъ тебѣ и говорилъ, про нихъ тебѣ и разсказывалъ.

— Такъ это—твоя легендарная красавица?—весело разсмѣялся великій князь. — Очень радъ, что она такъ понравилась тебѣ.

— Да кто она? кто?

— А та самая молодая дѣвушка, о которой мы съ тобой недавно говорили и судьбой которой мы такъ заботливо занялись!.. Это—дочь покойнаго генерала Лешернъ, невѣста князя Несвицкаго.

— Какъ?.. Эта красавица—молодая Лешернъ?.. И отъ брака съ этой красавицей такъ упорно открещивался твой офицеръ?

— Какъ видишь!—пожалъ плечами великій князь.

— Ахъ, онъ дуралей!—безцеремонно воскликнулъ государь.— И родятся же на свѣтъ такіе! А она, что же, влюблена въ него?—продолжалъ онъ, видимо заинтересованный разговоромъ.

— Очевидно да, если такъ беззавѣтно отдалась ему!

— Да, вотъ какъ? Ну, теперь по крайней мѣрѣ хотя ты устроилъ ея матеріальное благосостояніе, потому что въ ея счастье съ этимъ субъектомъ я отказываюсь вѣрить!—произнесъ государь послѣ минутнаго молчанія.

— Да, я передалъ ей данныя мнѣ тобою деньги, да кромѣ того наша „волшебница“ прислала ей роскошное подвѣнечное платье и прибавила къ этому дорогой жемчужный приборъ...

— Императрица? да?—обрадовался государь.—Что за ангелъ женщина и какъ ей доступны и понятны всякое горе, всякая невзгода житейская!.. А свадьба скоро назначена? — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, на будущей недѣлѣ.

— А гдѣ будутъ жить молодые послѣ свадьбы?

— Они устроятся на первыхъ порахъ очень мило и оригинально. Молодая княгиня переѣдетъ въ Царскую Славянку, гдѣ расквартированъ на зиму преображенскій полкъ, и тамъ проведетъ все лѣто среди того комфорта, котораго возможно будетъ достигнуть въ декоративной обстановкѣ простой, по возможности роскошно убранной крестьянской избы... Идея этой метаморфозы принадлежитъ самой будущей княгинѣ и продиктована ей настоятельнымъ отказомъ старой генеральши Лешернъ хотя бы одинъ день пробыть подъ одной кровлей съ будущимъ зятемъ.

— Молодецъ ея превосходительство! — разсмѣялся государь.—Я понимаю ее!..

Онъ всталъ съ мѣста и прошелъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ на главную аллею.

На поворотѣ имъ опять попались навстрѣчу генеральша Лешернъ съ дочерью.

На этотъ разъ ихъ сопровождалъ Несвицкій. Онъ моментально вытянулся во фронтъ предъ государемъ. Тотъ небрежно отвѣтилъ ему военнымъ поклономъ.

Великій князь въ свою очередь обмѣнялся поклономъ съ дамами, а государь при этомъ почтительно приложилъ руку къ фуражкѣ, послѣ чего, обернувшись къ слѣдовавшему за нимъ дежурному флигель-адъютанту, приказалъ по возвращеніи во дворецъ тотчасъ же позвать къ нему сверстника-фаворита.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, услышавъ это приказаніе, пристально взглянулъ на государя. Ему было хорошо извѣстно то участіе, которое принималъ этотъ фаворитъ въ интимной жизни его державнаго брата, и къ нему невольно закралось какое-то безпокойство относительно дальнѣйшей судьбы будущей княгини.

На слѣдующій же вечеръ фаворитъ подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ уже звонилъ въ квартиру генеральши Лешернъ.

Какого рода переговоры повелъ онъ съ ней и что сказалъ онъ молодой красавицѣ-невѣстѣ,—неизвѣстно, но послѣ аудіенціи, данной ему государемъ по возвращеніи его изъ Петербурга, государь вышелъ къ вечернему чаю мрачнѣе тучи и до самаго дня свадьбы Софіи Лешернъ уже болѣе не произнесъ имени князя Несвицкаго и его красавицы-невѣсты.

Только старая генеральша послѣ отъѣзда нежданнаго посѣтителя долго пробесѣдовала съ дочерью, причемъ онѣ не разъ, заливаясь слезами, старались успокоить другъ друга, да Софья Карловна отправила съ нарочнымъ записку къ своему жениху съ просьбой немедленно пріѣхать къ ней.

Князя посланный не засталъ дома, и онъ пріѣхалъ только на слѣдующій день, рано утромъ, и входя предупредилъ, что онъ долго оставаться не можетъ и что его дома ожидаетъ важное дѣло.

— Неожиданно пріѣхалъ изъ Москвы мой дядя,—пояснилъ онъ невѣстѣ.—Онъ уже былъ у меня и тоже не засталъ меня дома. Его пріѣздъ имѣетъ важное, рѣшающее значеніе для меня и для васъ. Я имѣю полное основаніе предполагать, что онъ пріѣхалъ по порученію матушки, хотя будетъ увѣрять, что его вызвали въ Петербургъ его личныя дѣла. Мнѣ нужно строго обдумать свой предстоящій разговоръ съ нимъ. Я знаю, какъ

всецѣло матушка довѣряетъ ему и какое вліяніе онъ имѣетъ на нее!

— Ну, еще бы! — съ холодной улыбкой повела плечами Софья Карловна.—Вѣдь это—тотъ „дядя“, послѣ котораго ваши меньшіе сестры и братья являются единственными наслѣдниками?

Несвицкій покраснѣлъ и строго замѣтилъ:

— Я попросилъ бы васъ не позволять себѣ такого тона въ разговорѣ о моей матери!

— Я не произносила имени вашей матушки и не знаю, почему упоминаніе объ этомъ родственномъ правѣ можетъ являться оскорбительнымъ для ея чести! А впрочемъ я вызвала васъ не затѣмъ, чтобы пререкаться съ вами. Мнѣ нужно сдѣлать вамъ довольно оригинальное сообщеніе и предварительно предложить вамъ одинъ, быть можетъ, довольно щекотливый для васъ вопросъ.

— Что такое? — спросилъ Несвицкій недовольнымъ тономъ, опускаясь въ кресло съ видомъ человѣка, добровольно обрекающаго себя на скучную и томительную бесѣду.—Я слушаю васъ,—сказалъ онъ, скрещивая на груди руки.

— Я предупредила васъ, что мой вопросъ можетъ показаться вамъ нѣсколько щекотливымъ.

— Я слушаю васъ!—нетерпѣливо повторилъ князь.

— Скажите мнѣ... васъ очень не уважаютъ и въ томъ обществѣ, въ которомъ вы вращаетесь, и въ томъ полку, въ которомъ вы служите?

Софья Карловна говорила холодно и спокойно, въ упоръ глядя въ лицо своего жениха.

Онъ какъ-то весь съежился подъ этимъ холоднымъ взглядомъ, а затѣмъ произнесъ глухимъ голосомъ:

— Я не понимаю вашего вопроса!

— А между тѣмъ онъ простъ и понятенъ! Каждый человѣкъ самъ прежде и полнѣе всѣхъ долженъ оцѣнивать и понимать отношенія къ нему окружающихъ его лицъ. Вы особенно блестящимъ умомъ не одарены, но все-таки должны же и можете же понять, за что именно относятся къ вамъ съ такимъ глубокимъ пренебреженіемъ, что это чувство переносится на все, вамъ близкое.

— Что вы хотите сказать?.. Я не понимаю васъ! Я считаюсь однимъ изъ самыхъ исправныхъ по службѣ офицеровъ, и мое начальство...

— Не о вашемъ начальствѣ рѣчь и не о вашемъ умѣньѣ вытягивать носокъ и громко кричать на парадахъ. Ваша военная дрессировка меня не касается... Можно не умѣть марши-

ровать на плацпарадѣ, но умѣть твердо держать свое дворянское знамя, уважать свое родовое дворянское имя!..

— Но объяснитесь же наконецъ!.. Что вы хотите сказать?..

— Я хочу повѣдать и разсказать вамъ о томъ, что вчера здѣсь, въ домѣ моей матери, въ домѣ моего всѣми уважаемаго отца, мнѣ было предложено бросить васъ, прогнать васъ изъ дома и довольно невыгодный и вовсе не почетный титулъ вашей супруги промѣнять на... очевидно очень выгодный титулъ фаворитки.

Несвицкій при этихъ словахъ широко открылъ глаза, медленно, какъ во снѣ, поднялся съ мѣста и съ разстановкой переспросилъ:

— Вамъ... вамъ было сказано все это?

— Да, и мнѣ, и моей матери... Здѣсь, въ нашемъ домѣ, предо мной въ яркихъ краскахъ нарисовали ту перспективу роскоши, „величія“ и „почета“, даже „почета“, которые ожидаютъ меня, если я соглашусь на сдѣланное мнѣ предложеніе, и для вящшаго моего вразумленія мнѣ назвали нѣсколько громкихъ именъ, отчасти уже удостоенныхъ подобнаго почетнаго положенія, а отчасти еще добивающихся его! Затѣмъ въ заключеніе меня льстиво и угодливо завѣрили, что то положеніе, которое ожидаетъ лично меня, въ случаѣ моего согласія, значительно превзойдетъ все, чего тѣмъ же путемъ успѣли добиться другія...

Софья Карловна на минуту умолкла.

Молчалъ, сидя предъ нею, и Несвицкій.

— Васъ удивляетъ, что я выслушала все это до конца?— заговорила опять Лешернъ, — что я дала излиться такому странному краснорѣчію?.. Я понимаю ваше удивленіе!.. Но я была слишкомъ ошеломлена, слишкомъ поражена всѣмъ тѣмъ, что я услышала...

— И вы... отказали?—медленно, какъ во снѣ, проговорилъ Несвицкій.

— А вы... хотѣли бы, чтобы я согласилась?—въ лицо ему разсмѣялась Софья Карловна.—Впрочемъ вы правы. По вашему адресу, на случай моего согласія, была также цѣлая серія разныхъ обѣщаній: и денегъ вамъ дали бы, и чинами васъ не обошли бы, и ваша строгая и безупречная матушка вѣроятно лишній разъ командировала бы къ вамъ вашего „дядюшку“, поручивъ ему поздравить васъ съ исключительной милостью! Къ сожалѣнію въ семьѣ Лешернъ честь понимаютъ по-своему, и лицо, говорившее со мною, уѣхало изъ нашего дома, вѣроятно давъ себѣ слово впредь осторожнѣе браться за подобныя миссіи! Но, принимая на себя это, этотъ человѣкъ шелъ къ людямъ со-

вершенно незнакомымъ ему, къ людямъ, которыхъ онъ до вчерашняго дня и въ глаза врядъ ли когда нибудь видалъ... Онъ просто судилъ о насъ по другимъ, близко знакомымъ ему примѣрамъ, тогда какъ васъ, князь, онъ вѣроятно и въ обществѣ не разъ встрѣчалъ, и по службѣ васъ видалъ и знаетъ. Скажите, на чемъ же онъ основывался, когда такъ смѣло и безстрашно явился сюда съ предложеніемъ, которое, будучи обращено ко мнѣ, неминуемо касалось и васъ, какъ моего будущаго мужа? Что сдѣлали вы, князь, что все это по вашему адресу и возможно, и доступно?..

— Что-жъ мнѣ на дуэль, что ли, вызывать этого посланца?—нетерпѣливо оборвалъ ея рѣчь Несвицкій, порывисто вставъ и натягивая на руки форменныя бѣлыя перчатки.—Вѣдь должны же вы понимать, что дуэль тутъ невозможна, какъ недопустима и другая мѣра воздѣйствія. Я кулачныхъ боевъ не признаю и на кулачкахъ никогда ни съ кѣмъ не дрался!.. Въ угоду вамъ я боксу обучаться не стану!..

— И... вы даже хотя бы черезъ безконечно добраго и безконечно корректнаго великаго князя Михаила Павловича не попытаетесь попросить отчета въ томъ, о чемъ я сказала вамъ?

Несвицкій порывистымъ движеніемъ чуть не пополамъ разорвалъ перчатку и не сдерживаясь крикнулъ, какъ еще ни раза не кричалъ въ домѣ Лешерновъ:

— Да вы съума сошли! Вы положительно съума сошли! Да понимаете ли вы, на что вы меня толкаете, о какомъ отчетѣ вы говорите!.. Нѣтъ, у васъ положительно какія-то допотопныя понятія, и я право не знаю, какъ намъ съ вами жить придется при такомъ вашемъ міровоззрѣніи!..

— Да, и я въ раздумьѣ останавливаюсь предъ вопросомъ, „какъ намъ съ вами жить придется“? — вздохнула Софья Карловна.

Князь ничего не отвѣтилъ; онъ молча стоялъ предъ ней, какъ бы что-то соображая и надъ чѣмъ-то крѣпко задумываясь.

— Я надѣюсь, что ни вы, ни ваша матушка не позволите себѣ никакой рѣзкой выходки и обойдете молчаніемъ весь этотъ... нѣсколько неловкій инцидентъ?—произнесъ онъ, первый нарушивъ молчаніе.

— Что сдѣлаетъ матушка, за это я вамъ поручиться не могу... Что же касается меня, то я смѣло могу увѣрить васъ, что я только теперь вполнѣ поняла и васъ, и то, что ожидаетъ меня въ совмѣстной жизни съ вами. И я заявляю вамъ, что, какъ я никогда ни предъ чѣмъ не сробѣю и не отступлю, такъ же точно я не пойду навстрѣчу никакому новому оскорб-

ленію, сознавая, что заступиться за меня некому и ни на чью смѣлую и честную защиту я расчитывать не могу! Это—тяжелое преимущество сиротъ, и не дай вамъ Богъ когда нибудь понять всю безотрадность этого права!..

Со своей матерью Софья Карловна не затрагивала вопроса о сдѣланномъ ей предложеніи. Слишкомъ тяжело легло оно на ихъ чуткія души. Но за нихъ всѣмъ происшедшимъ возмутился великій князь Михаилъ Павловичъ, всегда умѣвшій узнать все то, что ему хотѣлось знать.

Великій князь въ теченіе цѣлаго дня не видался съ государемъ и даже не поѣхалъ къ нему съ обычнымъ рапортомъ, запиской увѣдомивъ его о своемъ внезапномъ нездоровьѣ.

Государь не повѣрилъ болѣзни брата и на слѣдующее утро самъ поѣхалъ къ нему на Елагинъ островъ.

— Ты чего это дуешься? — спросилъ онъ, входя въ кабинетъ брата, который поспѣшилъ встрѣтить его на порогѣ комнаты.—Чѣмъ это ты такъ разобидѣлся, что даже во дворецъ заглянуть не хочешь?

Великій князь съ обычной ему прямотой рѣзко отозвался объ эпизодѣ съ Лешернъ.

— Ну, вотъ еще того не доставало, чтобы мы съ тобой, съ дѣтства никогда не ссорившись, разодрались изъ-за бабьей юбки!—замѣтилъ государь.—Да и было бы изъ-за чего! Подумаешь, какая дѣвственница!.. къ гвардейскимъ офицерамъ по казармамъ ѣздить!—повелъ онъ своими могучими плечами.

— Перестань!—серьезно, почти строго произнесъ Михаилъ Павловичъ.—Довольно того, что разные твои близкіе любимцы могутъ оскорблять всѣхъ, кто имъ не по шерсти придется!.. На одного изъ нихъ мнѣ сегодня жалоба принесена, съ которой я собирался завтра утромъ самъ къ тебѣ ѣхать!..

— Ты, стало быть, такъ и постановилъ ѣздить ко мнѣ только съ жалобами, а гостемъ тебѣ у меня тѣсно кажется?.. Разлюбить меня собрался?

— Нѣтъ, разлюбить тебя я не могу, если бы даже и пожелалъ сдѣлать это... Но, чѣмъ сильнѣе я люблю тебя, тѣмъ больнѣе мнѣ видѣть и слышать все то, что подчасъ вокругъ тебя совершается! Вѣдь ты пойми, что теперь опять сдѣлано!.. Чужая, ни въ чемъ неповинная душа разбита, братъ Николай!—взволнованнымъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Михаилъ Павловичъ, — чужое самолюбіе затронуто... И все это сдѣлано твоимъ именемъ, именемъ моего обожаемаго брата и государя!

Голосъ великаго князя дрогнулъ, и онъ, крѣпко пожавъ руку старшаго брата, нѣжно поднесъ ее къ губамъ.

Николай Павловичъ, глубоко тронутый, поспѣшно отдернулъ руку.

— Что ты?.. Полно!.. Успокойся!.. Стоитъ такъ волноваться изъ-за всего этого!.. Ну, хорошо, согласенъ, я не правъ, да впрочемъ и не столько я, сколько тотъ, кто въ своей угодливости безъ достаточнаго такта перешелъ необходимыя границы.

— И ты такого человѣка выбираешь себѣ въ повѣренные?— укоризненнымъ тономъ произнесъ великій князь.

— Ужъ и въ „повѣренные"!.. Скажешь тоже! Я никогда ровно ничего не довѣрялъ и не довѣрю ему, а женскому капризу я особенной цѣны не придаю и объ этихъ пустякахъ дѣйствительно говорю съ нимъ довольно часто и довольно прямо. Но, какъ бы то ни было, а твое протеже—особа не въ мѣру заносчивая!—недовольнымъ тономъ продолжалъ государь.—Вѣдь что она по моему адресу говорила!.. Какъ неосторожно выражалась...

— Ну, знаешь что? Довольно объ этомъ!.. Вообще оставимъ всю эту прискорбную исторію въ покоѣ!.. Меньше чѣмъ черезъ недѣлю наши молодые обвѣнчаются и заживутъ себѣ той жизнью, какую имъ Богъ на долю пошлетъ! До насъ съ тобой имъ и высоко, и далеко... Пожелаемъ мы имъ счастья издали и перестанемъ о нихъ и говорить, и думать!—примирительно произнесъ великій князь.

— Согласенъ!—нехотя отвѣтилъ государь,—тѣмъ болѣе что у меня въ виду имѣется кое-что другое. Скажи, ты самъ лично будешь посаженнымъ отцомъ на свадьбѣ этой Лешернъ?

— Да! А что?.. Ты меня замѣнить хочешь?

— Ну, вотъ еще вздоръ!.. Стану я по всякимъ тамъ свадьбамъ разъѣзжать!

— Нѣтъ, я думалъ потому, что наша „волшебница" такъ внимательно отнеслась...

— То императрица, а то я! — нервно произнесъ государь, вставая съ мѣста и первый направляясь къ двери.—Я пройду къ великой княгинѣ!—обернулся онъ къ брату и направился въ ту сторону дворца, въ которой помѣщались личные покои супруги Михаила Павловича, великой княгини Елены Павловны.

VII.

Невольный бракъ.

Несвицкій угадалъ вѣрно. Прибывшій изъ Москвы родственникъ былъ дѣйствительно командированъ матерью князя Алексѣя, старой княгиней, въ которой онъ съ самой ранней юно-

сти души не чаялъ и у которой находился въ полномъ и безотчетномъ повиновеніи.

Этотъ двоюродный дядя князя Алексѣя Несвицкаго, степень родства котораго съ княгиней и ея меньшими дѣтьми не была ни для кого тайной въ Москвѣ, былъ человѣкъ очень богатый, очень добрый и покладистый.

Онъ внимательно выслушалъ князя, понялъ его положеніе, взвѣсилъ все, что онъ имѣлъ за и противъ женитьбы на дочери генерала Лешернъ, и взялся устроить это дѣло „тамъ“, „дома“, причемъ, прежде чѣмъ уѣхать, вручилъ князю Алексѣю тысячу рублей на свадьбу, обѣщая скрыть отъ княгини эту довольно щедрую помощь.

— Ну, чего тутъ!—добродушно произнесъ онъ въ отвѣтъ на горячую благодарность князя, необыкновенно довольнаго этой неожиданной поддержкой.—Я и больше далъ бы, да съ собой не захватилъ!.. Правду сказать, княгиня наша въ послѣднее время порядкомъ-таки пообрѣзываетъ меня!.. Славная она у насъ, только строга не въ мѣру!.. Да ты, князекъ, не горюй!—ласково закончилъ онъ, по старой памяти называя Несвицкаго тѣмъ именемъ, какимъ онъ звалъ его, когда тотъ былъ еще ребенкомъ.—Я всѣ мѣры употреблю къ тому, чтобы уговорить ее... А ты говоришь, очень хороша невѣста-то твоя?

— Да, она—положительно красавица!..

— Скажи на милость!.. И самъ государь, ты говоришь, соперникомъ тебѣ заявился?—разсмѣялся онъ.

Несвицкій трусливо оглядѣлся по сторонамъ.

— Не бойся!—остановилъ его дядя.—Я остороженъ!.. Не понимаю нешто? Отъ меня никто не услышитъ... Въ Москвѣ я одной княгинѣ только и разскажу про это... Знаю, что можно говорить, а чего нельзя... не маленькій! Когда свадьба-то, ты говоришь?..

— Въ воскресенье.

— Такъ, такъ!.. А сегодня у насъ вторникъ!.. Всего ничего, значитъ, осталось... Взглянулъ бы я на тебя, князекъ, подъ вѣнцомъ!..

— Что же, оставайтесь!—нерѣшительно произнесъ Несвицкій.

— Ну, вотъ еще!.. Чего тамъ? Я такъ только сказалъ!.. Да и некогда мнѣ, княгиня меня на срокъ отпустила. Она тамъ, гляди, волнуется!.. Эстафету присылать велѣла, коли экстренное что... Да чего тамъ экстреннаго? Окрутятъ тебя, только и всего! А я въ день твоей свадьбы ужъ на полупути отъ Москвы буду!.. Да и не выдержать мнѣ у васъ здѣсь, по обычаямъ вашимъ петербургскимъ... Все на бульонахъ да на разныхъ деликатесахъ; и не выругайся въ сласть, и щей кис-

лыхъ со льдомъ не спрашивай!.. Какъ у васъ поживешь, такъ и въ серьезъ повѣришь, что всѣхъ крѣпостныхъ на волю выпустятъ и рабовъ у помѣщиковъ отберутъ. Нѣтъ, москвичу въ Питерѣ не ужиться. Меня, кажется, озолоти, чтобы я здѣсь на житье остался, такъ я не соглашусь... Погостить погощу, а въ коренные питерцы записаться—слуга покорный!..

Простившись съ Несвицкимъ и давъ ему на прощанье совѣтъ беречь молодую жену, не обижать ея, а жить съ ней въ мирѣ и согласіи, москвичъ выѣхалъ съ первымъ отходившимъ мальпостомъ, составлявшимъ въ то время еще предметъ нововведенія и роскоши, доступной далеко не многимъ.

Посѣщеніе дяди успокоительно подѣйствовало на князя и, оставшись на другой день обѣдать въ домѣ невѣсты, онъ былъ разговорчивѣе обыкновеннаго, а прощаясь даже подошелъ къ рукѣ своей будущей тещи.

Ту удивила такая непривычная любезность, и она, почти брезгливо и холодно отдергивая руку, спросила:

— Что же, вы завтра за мебелью и вещами пріѣдете?

— Да, завтра надо будетъ прислать за всѣмъ этимъ! — произнесъ князь. — Только я, право, не знаю...Быть можетъ, мебель вамъ самимъ нужна?

— Вопросъ о томъ, что мнѣ лично нужно или не нужно, давно рѣшенъ!—холодно отвѣтила генеральша. — Я оставляю себѣ только самое необходимое, потому что и сама не собираюсь долго заживаться здѣсь. Впрочемъ васъ лично этотъ вопросъ не касается; мы съ дочерью между собой все это порѣшили...

— Я и не вмѣшиваюсь въ ваши распоряженія!—обиженнымъ тономъ замѣтилъ князь.—Я хотѣлъ выяснить, что именно нужно будетъ брать отсюда, потому что я завтра занятъ и не знаю, въ которомъ часу и буду ли вообще въ состояніи лично пріѣхать сюда.

— Ваше присутствіе вовсе не нужно! — холодно замѣтила Софья Карловна.

— Даже „не нужно"?—сконфуженно улыбнулся Несвицкій.

— Я хотѣла сказать „не обязательно",—поправилась она.— Совершенно достаточно будетъ, если вы пришлете довѣреннаго человѣка, который сумѣетъ все порядкомъ уложить и въ цѣлости довезти!

— Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно спокойны... Мой денщикъ — человѣкъ и опытный, и расторопный. Онъ уже обо всемъ предупрежденъ, и вы смѣло можете довѣрить ему. Такимъ образомъ самъ я заѣду предъ вечеромъ, по-

тому что къ ночи я долженъ буду попасть домой, въ Царскую Славянку...

— Повторяю вамъ, что ваше присутствіе вовсе не обязательно,—замѣтила Софья Карловна,—и что эти послѣдніе дни вы можете почти вовсе не бывать у насъ!.. У васъ найдется много занятій, а мнѣ здѣсь всякая минута дорога будетъ... Вѣдь это—послѣдніе дни, которые я проведу съ мамой!..

Голосъ молодой невѣсты дрогнулъ.

— Я, право, не знаю... Я предлагалъ вашей матушкѣ...—началъ князь.

— Что? Ко мнѣ переѣхать?.. Вы знаете, что она никогда не согласится на это. Объ этомъ и говорить нечего!.. До свадьбы остается такъ мало, а хлопотъ у васъ такъ много, что, повторяю, вы можете вовсе не бывать здѣсь.

— Какъ? Совсѣмъ не пріѣзжать къ вамъ до свадьбы? Но вѣдь это покажется страннымъ.

— Кому? Мы и вообще-то мало съ кѣмъ видимся, а теперь, въ эти послѣдніе дни, и вовсе никого принимать не будемъ. Вѣдь существуетъ даже какой-то обычай, въ силу котораго въ самый день свадьбы женихъ съ невѣстой вовсе не видятся до того момента, когда встрѣтятся въ церкви.

— Да, но вѣдь то лишь въ самый день свадьбы, чтобы удвоить затѣмъ удовольствіе свиданія!—улыбаясь сказалъ Несвицкій.

— Ну, а мы съ вами удесятеримъ это удовольствіе и въ теченіе четырехъ дней не встрѣтимся!—улыбнулась Софья Карловна такой улыбкой, отъ которой ея жениху холодно стало.

Старая генеральша не присутствовала при этомъ послѣднемъ объясненіи. Она раньше ушла къ себѣ, и когда, проводивъ жениха, Софья Карловна прошла къ ней, она застала ее задумчиво сидящей предъ совершенно догоравшимъ каминомъ. Генеральша такъ глубоко ушла въ свои невеселыя думы, что при входѣ дочери слегка вздрогнула.

— Тебѣ нездоровится, мама?.. Ты каминъ затопить велѣла? Ты озябла? — тревожно освѣдомилась та, опускаясь на скамеечку у ногъ матери и съ любовью заглядывая въ ея глаза.

— Нѣтъ, я здорова, а только видишь, какъ я сильно старѣться начинаю? Среди лѣта каминъ топлю.

Софья Карловна ничего не отвѣтила. Она прижалась щекой къ тонкимъ и холоднымъ рукамъ матери и тихо прошептала:

— Прощай, мама!

Елена Августовна вздрогнула, а потомъ нѣжно сказала. проводя блѣдной рукой по головкѣ дочери:

— Зачѣмъ говорить такое горькое слово, моя дорогая! Съ живыми людьми не прощаются, имъ „до свиданья" говорятъ!

— Я не тебѣ одной „прощай" сказала, мама; я этимъ грустнымъ и короткимъ словомъ со всей своей прошлой жизнью простилась—съ молодостью, со всѣмъ, что красить эту молодость!.. Я не жила. А вѣдь мнѣ тоже жить хотѣлось, тоже счастье грезилось!.. И вотъ я вся тутъ... Я отжила и все для меня навсегда окончено!.. Не перебивай меня, мама, не утѣшай меня!.. Я не стою утѣшенія... Я даже жаловаться не смѣю, потому что сама создала себѣ все то, отъ чего теперь заживо умираю! Никто не тянулъ меня къ той жизни, какую я сама создала себѣ. Я видѣла, кого выбираю, видѣла и понимала, куда и къ кому иду, и все-таки шла! И не мнѣ роптать и жаловаться, достигнувъ той цѣли, какую я сама поставила себѣ... Мнѣ тебя жаль, моя бѣдная дорогая мама! Мнѣ жаль той мирной, спокойной жизни, какою мы жили съ тобой съ минуты моего выпуска изъ института. Я не ушла бы изъ этой жизни, я все перенесла бы, всему покорилась бы, навсегда ушла бы отъ общества, чтобы не видать и не вызывать его справедливаго осужденія!.. Но ты не захотѣла этого, и я покорилась твоему желанію, склонила голову предъ твоимъ рѣшеніемъ!

— Я не могла поступить иначе!—спокойно отвѣтила Елена Августовна.—Я не себя и даже не тебя отстаивала и защищала; я стояла на стражѣ доблестнаго и славнаго имени твоего отца... Я его лучезарную, кровью купленную славу туманить не смѣла и не хотѣла!.. Ты могла увлечься и ошибиться, могла впасть въ заблужденіе и я, но его свѣтлая память должна оставаться чистой и неприкосновенной, и съ его славнаго имени только твой бракъ съ этимъ княземъ Несвицкимъ смоетъ ту несчастную ошибку, которая запятнала его!

Софья Карловна подняла на мать пристальный и умоляющій взоръ и произнесла:

— Мама... дорогая!.. Съ могилой считаться нельзя... Сырая земля не мститъ живымъ людямъ!.. Отецъ самъ простилъ бы меня и не потребовалъ бы моего несчастія во имя спасенія его личнаго самолюбія!.. Еще есть время... Освободи меня отъ даннаго мною слова!.. Позволь мнѣ отказаться отъ этого брака!... Не перспективой свѣтлаго счастья улыбается онъ мнѣ, а грозитъ цѣлой разбитой жизнью!.. Я отъ всего откажусь... Я уйду изъ міра, въ монастырь постригусь, если надо... Обо мнѣ никто никогда не услышитъ и никто не посмѣетъ бросить словомъ укоризны въ свѣтлую память, которую ты такъ

геройски отстаиваешь!.. Прости меня, мама не губи меня! Дай мнѣ остаться съ тобой и подлѣ тебя!

Софья Карловна говорила порывисто, вся охваченная горячимъ, непреодолимымъ волненіемъ. Ея глаза, взоръ которыхъ былъ поднятъ на мать, были полны слезъ.

Старая генеральша упорно молчала, ни однимъ словомъ не откликаясь на горячія, полныя отчаянія слова дочери. Въ ней видимо происходила мучительная борьба.

Но гордость спартанки взяла верхъ надъ нѣжнымъ чувствомъ матери и, слегка отстранивъ рукою дочь, она произнесла голосомъ, который ей удалось сдѣлать почти спокойнымъ:

— Ты говоришь, что твой отецъ простилъ бы тебя? Быть можетъ! Онъ могъ пожертвовать тебѣ и гордостью своего прославленнаго имени... Но я не въ правѣ сдѣлать это!.. Если ты откажешь князю Несвицкому, мы все равно разстанемся... Съ его любовницей я подъ одной кровлей жить не могу!.. Никто и ничто въ мірѣ не въ силахъ повліять на мое рѣшеніе!

Дочь слушала ее внимательно, и на ея выразительномъ лицѣ стало отражаться какое-то смѣлое и безповоротное рѣшеніе.

— Ты права, мама,—сказала она, поднимаясь съ подушки, на которой сидѣла у ногъ матери, и выпрямляясь во весь ростъ своей красивой и величественной фигуры,—ты свято права!.. Я своей неосторожной просьбой лишній разъ оскорбила безупречную память отца!.. Я сама взяла на плечи крестъ и должна безропотно нести его до конца!.. Проведемъ эти послѣдніе дни вмѣстѣ, безъ слезъ и безъ особеннаго горя!.. Проведемъ ихъ, какъ люди, исполнившіе свой долгъ и по возможности исправившіе сдѣланную тяжкую ошибку... мою, мама, только мою ошибку!—тотчасъ добавила Софья Карловна.—Вѣдь ты, какъ и отецъ, вошла въ міръ и выйдешь изъ него живой искрой лучезарнаго свѣта!.. Да и о чемъ собственно такъ сильно горевать? Чѣмъ Несвицкій хуже другихъ своихъ однокашниковъ и однополчанъ?.. И я ли одна выхожу замужъ при такихъ условіяхъ? Я ли одна святою клятвой вѣрности, произнесенной предъ алтаремъ, только исправляю старую ошибку и бѣлымъ подвѣнечнымъ вуалемъ только прикрываю старый позоръ? Прости же мнѣ то большое, непоправимое горе, которое я внесла въ твою жизнь, и не поставь мнѣ въ вину того новаго горя, съ какимъ я подошла къ тебѣ въ настоящую минуту!.. Ничего подобнаго ты больше не увидишь и не услышишь, и, какъ не дрогнула рука моего отца, поджигавшаго роковой фитиль, чтобы произвести взрывъ, такъ не дрогнетъ и

моя рука, обмѣниваясь обручальнымъ кольцомъ съ нелюбимымъ человѣкомъ! Вѣдь любить своего нареченнаго, или—точнѣе—„обреченнаго“ жениха, я не могу и не буду!... Привыкнуть къ нему мнѣ, можетъ быть, и удастся—вѣдь и къ цѣпямъ кандальнымъ, говорятъ, каторжники привыкаютъ,—но о любви между нами не можетъ быть и рѣчи!—Она помолчала, а затѣмъ произнесла:—скажи, мама, ты въ домъ ко мнѣ, на мое грустное новоселье въ день моей свадьбы не поѣдешь?

— Ни въ этотъ день и ни въ какой другой, моя бѣдная, дорогая дѣвочка!—тихимъ и грустнымъ голосомъ отвѣтила генеральша.—Мы простимся съ тобой здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, видѣвшихъ нашу невеселую, но тихую и спокойную жизнь, и затѣмъ я увижусь съ тобой только въ тѣ дни, когда ты сама найдешь возможнымъ и захочешь навѣстить меня.

Софья Карловна ни слова не отвѣтила на это тягостное для нея, но безповоротное рѣшеніе. Она хорошо знала, что ни упросить, ни разубѣдить мать она не въ силахъ. Она только молча крѣпко обняла Елену Августовну и вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова.

Обѣ гордыя спартанки, сдержанныя, молчаливыя и властныя, хорошо понимали другъ друга и не просили пощады ни у людей, ни у судьбы!

Всѣ оставшіеся до свадьбы дни обѣ Лешернъ провели относительно спокойно; онѣ холодно и равнодушно встрѣчали и провожали Несвицкаго, заѣзжавшаго только на самый короткій срокъ, и ни однимъ рѣзкимъ или укоризненнымъ словомъ не нарушили обычнаго покоя своего тихаго и безмятежнаго дома.

Только въ комнатѣ молодой невѣсты все дольше и дольше горѣлъ огонь по вечерамъ, свидѣтельствуя о безсонныхъ ночахъ, которыя проводила она на порогѣ новой жизни, да старая генеральша все ниже и ниже склоняла свою сѣдую голову, стоя на колѣнахъ предъ кроткимъ ликомъ Богоматери, озареннымъ сіяніемъ неугасимой лампады.

Но вотъ наступилъ и самый день свадьбы.

Съ вечера мать и дочь дольше обычнаго просидѣли въ комнатѣ, гдѣ протекло столько памятныхъ обѣимъ мирныхъ и отрадныхъ часовъ, крѣпче обнялись прощаясь, а на слѣдующее утро встали и вышли къ утреннему чаю обѣ блѣдныя, но спокойныя, будто даже веселыя, съ тѣмъ нервнымъ подъемомъ духа, съ какимъ идущія въ бой войска выступаютъ изъ походнаго лагеря послѣ тревожно проведенной, безсонной и мучительной ночи.

Вѣнчаніе было назначено въ шесть часовъ вечера, и ровно въ половинѣ шестого ожидали пріѣзда великаго князя Ми-

хаила Павловича, лично пожелавшаго отпустить свою посаженную дочь изъ ея родного дома.

Никакихъ особыхъ приготовленій къ этому пріему въ домѣ Лешерновъ не дѣлали. Порядокъ тамъ соблюдался постоянный, и къ этому аристократическому и немножко по-нѣмецки чопорному порядку прибавить было нечего.

Въ залѣ былъ приготовленъ большой столъ, покрытый бѣлой скатертью; на немъ стояли икона и предъ нею хлѣбъ-соль по русскому обычаю.

Великій князь пріѣхалъ въ полномъ мундирѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо, въ сопровожденіи щеголеватыхъ адъютантовъ, и поднесъ невѣстѣ роскошный букетъ, вложенный въ золотой цѣнный портъ-букетъ.

Софья Карловна холодно приняла роскошное приношеніе; она какъ будто даже не замѣтила его. Она ничего не сознавала, ни о чемъ не думала... На нее смутной, грозовой тучей надвигалось сознаніе того, что все кончено, возврата уже нѣтъ и что, выходя отсюда, изъ этихъ мирныхъ стѣнъ, она оставитъ въ нихъ все свое дорогое прошлое и вступитъ въ новую, невѣдомую ей жизнь.

Старая генеральша встрѣтила высокаго посѣтителя полная гордаго и глубоко сознаннаго достоинства, и великій князь, врагъ всякаго раболѣпнаго преклоненія предъ властью, залюбовался тѣмъ гордымъ достоинствомъ, съ какимъ его встрѣчали въ этомъ скромномъ домикѣ эти сравнительно скромныя представительницы славнаго, но скромнаго и небогатаго имени. Онъ подошелъ къ рукѣ генеральши, крѣпко поцѣловалъ красивую ручку невѣсты и умѣло застегнулъ на ней поданный ему однимъ изъ адъютантовъ богатый и роскошный браслетъ.

Этотъ подарокъ былъ присланъ невѣстѣ супругой великаго князя Еленой Павловной, пожелавшей со своей стороны чѣмъ нибудь почтить „дочь“ своего августѣйшаго мужа.

Но вотъ въ передней послышались шаги, сопровождаемые звономъ оружія, и вошедшій шаферъ почтительно доложилъ невѣстѣ, что женихъ ожидаетъ ее въ церкви.

Она молча встала и вся блѣдная двинулась къ столу, за которымъ еще блѣднѣе, еще безпомощнѣе ея сидѣла старая генеральша.

Великій князь тоже всталъ и взялъ въ руки поданную ему адъютантомъ икону. Старая генеральша стала рядомъ съ нимъ.

Михаилъ Павловичъ, глубоко растроганный, высоко поднялъ икону надъ склоненной предъ нимъ красивой головкой, и молодая женщина съ тихимъ, сдержаннымъ рыданіемъ опустилась

на колѣна. Набожно приложилась она къ иконѣ, коснулась блѣдными губами склоненной предъ ея лицомъ головы августѣйшаго посаженнаго отца и съ громкимъ рыданіемъ, порывисто бросилась въ объятія матери.

— Прощай, мама! — только могла выговорить она и вся блѣдная прижалась къ матери, покрывая поцѣлуями ея руки, глаза, лицо.

Великій князь отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе. Нарядным шаферамъ какъ-то не по себѣ было на этой парадной свадьбѣ, которая была такъ похожа на похороны.

Невѣста подняла свое скорбное лицо съ плеча матери.

— Я готова, ваше высочество,—проговорила она, обращаясь къ великому князю и прижимая тонкій расшитый кружевами платокъ къ орошенному слезами лицу.

Затѣмъ, взявъ подъ руку почтительно склонившагося предъ ней великаго князя, она смѣло двинулась впередъ, граціознымъ жестомъ откидывая на ходу длинный тренъ своего воздушнаго вѣнчальнаго платья.

Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ съ большой пышностью. Несвицкій, блѣдный, взволнованный, но въ душѣ очень польщенный окружавшимъ его парадомъ, былъ очень красивъ подъ вѣнцомъ и своей эффектной наружностью вполнѣ гармонировалъ со стоявшей рядомъ съ нимъ красавицей-невѣстой.

Сравнительно небольшая церковь дворца, въ которой происходило вѣнчаніе, была полна избранной, блестящей публикой. Узнавъ о томъ, что великій князь самъ лично будетъ присутствовать на свадьбѣ, всегда угодливый штатъ придворныхъ сталъ усиленно добиваться приглашенія на свадьбу, и такъ какъ никакого торжества за обрядомъ вѣнчанія не слѣдовало и принесеніе поздравленій новобрачнымъ было назначено тутъ же, въ боковомъ залѣ, примыкавшемъ къ церкви, то и приглашенія раздавались сравнительно легко.

Невѣста стояла подъ вѣнцомъ волшебно красивая и какъ смерть блѣдная. Ни кровинки не было въ ея плѣнительномъ, какъ камея правильномъ личикѣ, но спокойствіе ни на минуту не оставляло ея, и она твердымъ и отчетливымъ голосомъ отвѣтила „нѣтъ“ на вопросъ священника о томъ, не связана ли она обѣщаніемъ съ другимъ, и спокойной, не дрогнувшей рукой обмѣнялась обручальнымъ кольцомъ со стоявшимъ рядомъ съ нею, совершенно чужимъ и почти не симпатичнымъ ей человѣкомъ.

Поцѣлуй, которымъ обмѣнялись „молодые“, по обряду церкви, тотчасъ по окончаніи брачной церемоніи, былъ такъ холоденъ и такъ мертвенно спокоенъ, что Борегаръ, стоявшій въ эту

минуту позади „молодыхъ“, пресерьезно увѣрялъ потомъ, что отъ такихъ поцѣлуевъ вчужѣ холодно становится.

Когда, принявъ поздравленіе отъ присутствующихъ, молодая княгиня подъ руку со своимъ августѣйшимъ посаженнымъ отцомъ перешла въ сосѣдній съ церковью парадный залъ и великій князь, первый поднявъ бокалъ за молодыхъ, громко и шутливо произнесъ традиціонное русское: „Горько!“,— Софья Карловна бросила на него укоризненный взглядъ, но освященному временемъ обычаю все-таки подчинилась и протянула свое красивое, слегка разрумянившееся личико красавцу-мужу.

— Какъ ревеню хватила наша молодая! — дурашливо шепнулъ Борегаръ, опорожняя свой бокалъ и обращаясь къ близстоявшему товарищу.

Прямо къ дворцовой церкви были поданы заранѣе заказанныя шаферами лихія тройки, и спустя два или три часа молодая княгиня, при помощи раньше нея прибывшей на мѣсто камеристки перемѣнивъ свой брачный туалетъ на кокетливый дамскій нарядъ, уже сидѣла предъ чайнымъ столомъ, съ роскошью накрытымъ въ избѣ почти невѣдомой, скромной Царской Славянки.

Правда, туда на лѣто иногда переѣзжали семьи офицеровъ, но это переселеніе было настолько временнымъ, что жизнь обставлялась по-дачному и не носила того характера роскошнаго новоселья, какимъ блеснула обстановка, приготовленная для молодой четы новобрачныхъ.

Князь Несвицкій, въ которомъ только что отпразднованная пышная свадьба оставила самое отрадное впечатлѣніе, сѣлъ за чайный столъ въ прекрасномъ расположеніи духа, не смущаясь даже тѣмъ, что во время сравнительно долгаго переѣзда изъ города въ мѣсто полковой стоянки молодая супруга не обмѣнялась съ нимъ ни однимъ словомъ. Онъ тоже успѣлъ переодѣться и былъ необыкновенно красивъ въ своемъ военномъ сюртукѣ нараспашку, съ вовсе не форменнымъ, но очень шедшимъ къ нему бѣлымъ жилетомъ.

— Вотъ мы и дома!—произнесъ онъ, любуясь на молоденькую жену, характерная головка которой красиво оттѣнялась кокетливымъ кружевнымъ чепчикомъ, приготовленнымъ стараніями ловкой и опытной модистки.—Поздравляю тебя съ новосельемъ!.. Поздравь и ты меня, и пожелаемъ другъ другу долгой, спокойной жизни и много-много счастья!

— О покоѣ я позабочусь и надѣюсь достигнуть его,—задумчиво произнесла молодая женщина,—что касается счастья, то о немъ я не мечтаю! Вѣдь счастье—крайне рѣдкое явленіе!

— Такая неувѣренность не представляетъ ничего лестнаго

для меня!—улыбнулся молодой мужъ, нагибаясь, чтобы поцѣловать руку жены.

Софья Карловна порывисто отдернула руку и почти брезгливо произнесла:

— Оставьте! Жизнь—не комедія... Любви давно нѣтъ, а одна страсть оскорбительна, и ея обиднымъ требованіямъ я никогда не подчинюсь... Заранѣе предупреждаю васъ объ этомъ! Взглянемъ жизни прямо въ глаза, не станемъ обманывать ни себя, ни другихъ и какъ нибудь, потихоньку доживемъ свой вѣкъ!.. Не мы съ вами первые, не мы и послѣдніе, осужденные на спокойную и холодную жизнь безъ любви и безъ радости. Никто не виноватъ предъ нами. Никто не толкалъ насъ на тотъ безрадостный путь, на которомъ мы стоимъ, мы сами выбрали его. Пойдемъ же по немъ безропотно и смѣло!.. Какъ ни беззащитенъ челнокъ, неосторожной рукой выброшенный въ безбрежное житейское море, а куда нибудь да выкинетъ его волной!

Князь молча отвелъ свою руку, остановился пристальнымъ и долгимъ взглядомъ на красивомъ лицѣ жены и, порывисто вставъ съ мѣста, отошелъ къ открытому окну, въ которое вмѣстѣ съ мертвымъ блескомъ бѣлой ночи врывались отрывочные звуки умиравшаго дня.

Гдѣ-то далеко звучали струны гитары, откуда-то неслась заунывная русская пѣсня, гдѣ-то какъ будто плакалъ и жаловался кто-то, и все это сливалось съ тихимъ шумомъ молодой листвы, колеблемой ночнымъ вѣтеркомъ.

Несвицкому, недалекому, безличному и скорѣе ничтожному, нежели дурному, казалось несправедливымъ почти враждебное отношеніе къ нему молодой жены. Онъ самъ отъ жизни требовалъ немногаго и за другими не признавалъ права широкихъ и рѣзкихъ требованій. Обширные горизонты были не по немъ. Онъ весь свободно укладывался въ тѣсныя и узкія житейскія рамки.

VII.

Въ новый путь.

Тихо и однообразно потекла жизнь молодой княгини Несвицкой, упорно пожелавшей держаться особнякомъ отъ всѣхъ знакомствъ и всевозможныхъ развлеченій.

Въ послѣднихъ не было недостатка.

На первыхъ же порахъ всѣ полковыя дамы гостепріимно приняли молодую княгиню въ свой кружокъ, всѣ первыя пріѣхали къ ней съ визитомъ, не дожидаясь, чтобы она сдѣлала имъ обычные въ этихъ случаяхъ визиты, и эта исключительная

любезность скорѣе оскорбила, нежели порадовала молодую женщину. Она увидала въ ней нѣчто покровительственное, нѣчто такое, что ставило ее въ исключительное положеніе и какъ будто намекало на ея недавнее прошлое, а это было самое больное мѣсто ея и такъ уже сильно наболѣвшей души.

Ее только чрезвычайно обрадовалъ визитъ ея посаженнаго отца, великаго князя Михаила Павловича, простершаго свою милостивую любезность до того, чтобы лично навѣстить ее на ея прихотливомъ, но не богатомъ новосельѣ.

Несвицкій, вообще гордившійся женой, высоко поднялъ голову послѣ великокняжескаго визита, но вызвалъ этимъ противъ себя серьезное негодованіе товарищей.

— Зналъ я, что нашъ Несвицкій не уменъ, — покачивая своей крупной головой, замѣтилъ добродушный Борегаръ, — но такимъ круглымъ недоумкомъ я его все-таки не считалъ! Вѣдь онъ положительно носъ задралъ и чуть не два пальца подаетъ при встрѣчѣ съ тѣхъ поръ, какъ у него великій князь чай пилъ.

— Господа!.. Борегарди-то изъ терпѣнія вышелъ, значитъ, ужъ дѣйствительно мочи нѣтъ, — разсмѣялся Ржевскій.—А что Несвицкій, какъ говорится, истинный недоумокъ, такъ это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію!..

— Да,—разразился Тандренъ своимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ.—У насъ, въ пажескомъ корпусѣ, былъ старый дядька. Ты помнишь его, Урусовъ?.. Терпѣніемъ онъ былъ одаренъ поистинѣ изумительнымъ и, какъ мы бывало ни нашалимъ, онъ все молчитъ и только своими саженными плечами пожимаетъ... Но, когда маленькій графъ Тышкевичъ бывало примется шалить, старикъ выходилъ изъ своего обычнаго хладнокровія и, разводя руками, изрекалъ: „Это уже сверхъ положеннаго!“. Діапазонъ у старика былъ широкій, горизонтъ для пажескихъ шалостей былъ обширный, и удивить его способно было только то, что превышало эту широкую мѣрку и хватало „сверхъ положенныхъ“ имъ широкихъ границъ. Такъ и Несвицкій!..

— Онъ, слышно, и съ женой живетъ не въ особенномъ ладу?—замѣтилъ Урусовъ.

— Ну, не глупецъ ли онъ?—откликнулся Борегаръ.—Съ такой красавицей-женой и не поладить! Да я бы съ нея пылинки сдувалъ.

— Да, чертовски хороша!—покачалъ головой Мурашовъ.—Я такихъ и не видывалъ!..

— У васъ тамъ, въ провинціи, небось такихъ и не бываетъ?—разсмѣялся Борегаръ.

— А на что онѣ намъ?—откликнулся бывшій армеецъ.—Мы съ такими и обходиться не умѣемъ... Ненарокомъ еще на бѣду въ рукахъ переломится!

Всѣ разсмѣялись.

— А знаете, господа, фаворитъ-то вѣдь все кругомъ да около похаживаетъ,—разсмѣялся Тандренъ. Третьяго дня былъ у полкового командира и прямо отъ него къ Несвицкому прошелъ. да только самого дома не было, а княгиня попросту не приняла его.

— Молодецъ-бабенка!

— А онъ что къ ней? Съ авансами? — разсмѣялся Ржевскій.—Да неужели же не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ? Вѣдь бывало всегда своей цѣли добивался!

— Однако вотъ съ княгиней Несвицкой не многаго добился!—подмигнулъ Урусовъ.

— Подождемъ, увидимъ! — замѣтилъ Ржевскій.—Толцыте и отверзется!

— А съ чего это великій-то князь Михаилъ Павловичъ ей лошадь верховую прислалъ?

— О, все, что онъ дѣлаетъ, дѣлается имъ безъ всякаго расчета, просто изъ вниманія, а насчетъ женщинъ онъ у насъ—рыцарь безъ страха и упрека.

— Именно безъ страха и упрека, — вмѣшиваясь въ разговоръ, замѣтилъ красивый офицеръ въ формѣ измайловскаго полка, не задолго до этого вошедшій въ помѣщеніе лѣтняго офицерскаго собранія, гдѣ происходила приведенная бесѣда.

— А, Трубецкой! Тебя откуда принесло?—привѣтливо протягивая ему руку, крикнулъ Борегаръ.

— Былъ въ Петербургѣ, завтракалъ на Милльонной у француза. Угощалъ Бетанкуръ *): онъ только что вензеля на погоны получилъ, такъ спрыскивали!..

— И везетъ же этому Бетанкуру! — пожалъ плечами Урусовъ.—Ничего особеннаго онъ собой не представляетъ, а вотъ подите же, во „флигеля" попалъ!

— Ему Нарышкина-старуха покровительствуетъ, а она черезъ графиню Гендрикову не только флигель-адъютантскіе аксельбанты, а фельдмаршалскій жезлъ раздобудетъ, если захочетъ. Молодая императрица исполнитъ каждую просьбу... ну, а императрицыно желаніе въ нашемъ благословенномъ отечествѣ—законъ!

— Ну, не очень-то законъ! Да вотъ слышали вы последнюю новость?.. Знаете, кто вновь приближенъ къ государынѣ?

*) См. «Историческій Вѣстникъ» 1910 года, книга 1-я.

— Кто еще?—съ любопытствомъ откликнулся Борегаръ.

— А тебя, Борегарди, хоть и хлѣбомъ не корми, только новость тебѣ сообщи, да главное поигривѣе.

— Не мѣшай!—отмахнулся толстякъ. — Говори же, Трубецкой, говори... разсказывай!..

— Съ начала начинай. „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ",—посовѣтовалъ Тандренъ.

— Будешь ты знать свое мѣсто, фендрикъ?—съ напускнымъ нетерпѣніемъ крикнулъ Борегаръ.—Слово сказать толкомъ не часть, во все сунется. Да ну же, Трубецкой! Говори, что ли?

— А самъ угадать не можешь?

— И не могу, и не хочу!.. Чего я буду себѣ голову ломать?..

— Ну, ладно, скажу!.. Только чуръ, если что выйдетъ, я ничего не говорилъ и никого изъ васъ даже не видалъ!..

— Ну, вотъ еще!.. Что ты, со шпіонами, что ли, разговариваешь?..

— Ну-съ... Вниманіе...

— Ну-съ — по-нѣмецки орѣхъ! — дурашливо вставилъ Тандренъ.

— Фендрикъ!

— Молчу... молчу!..

— Трубецкой, ты станешь говорить или нѣтъ?—произнесъ Борегаръ.

— А если нѣтъ?—задорно разсмѣялся красивый князь Трубецкой, двоюродный братъ молоденькой фрейлины Нелидовой.

— Если нѣтъ, такъ я нанесу тебѣ какое нибудь оскорбленіе и вызову тебя къ барьеру...

— Какъ? Ты же оскорбишь да ты же и къ барьеру вызовешь?.. Это что за новые порядки?

— Господа, перестаньте вы! — крикнулъ Ржевскій.—Я ей Богу готовъ подумать, что Трубецкой ровно ничего не знаетъ и отлыниваетъ отъ передачи сенсаціонной новости потому, что онъ совралъ и новости ровно никакой нѣтъ и не было!

— Ну, это вы оставьте! — откликнулся Трубецкой. — Я только ужъ очень ошеломить васъ боюсь.

— Да ты не бойся, сдѣлай одолженіе!

— Такъ слушайте же!.. Третьяго дня поздно вечеромъ въ маленькій павильонъ Павловскаго парка была привезена подъ густымъ газовымъ вуалемъ...

— Почему газовымъ, а не тюлевымъ?

— Фендрикъ!.. Ей Богу убью! — крикнулъ Тандрену Борегаръ.

— Ну, кто же, кто былъ привезенъ?

— А не кто иной, какъ графиня Гольбергъ! Сама графиня, во всемъ своемъ прибалтійскомъ величіи!..

— Какая Гольбергъ?.. Что ты городишь? Ната?

— Она самая... Знаменитая Ната... Прибыть онѣ изволили вечеромъ, а выбыть удостоили рано утромъ.

— Вотъ такъ фунтъ!—дурашливо ударилъ въ ладоши Тандренъ.—Ната уже третій годъ фрейлиной состоитъ, и ея нѣсколько крупная и дебелая красота еще никогда не останавливала на себѣ вниманіе повелителя... Или она ему зелья какого нибудь приворотнаго дала?..

— Ужъ это я вамъ доподлинно сказать не могу, а только сегодня имя Наты произносится уже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, и не сегодня-завтра она начнетъ тонировать.

— Ну, тонировать-то ей не дадутъ!.. А вотъ насчетъ царской казны она пройдется...

— Да, съ этой дешево не раздѣлаешься!..

— Ну, за натино положеніе я трехъ грошей не дамъ, вопервыхъ, она—съ головы до ногъ нѣмка, а самое главное — высокое вниманіе начинаетъ привлекать совсѣмъ молоденькая и прехорошенькая фрейлина Нелидова. Эта почище Наты будетъ... Да и имя къ тому же!!. Не-ли-до-ва!!. Совсѣмъ-таки знакомо звучитъ для придворнаго уха...

— А что она знаменитой Екатеринѣ Ивановнѣ *),—родня?

— Да, кажется, племянница какая-то...

— И такая же бойкая, какъ та? Вѣдь та со своимъ державнымъ поклонникомъ не церемонилась.

— Ну, теперь-то этого не сдѣлаешь!.. Попробовала французская актриса Тирвальонъ голосъ поднять, когда при Государѣ состояла, такъ на другой же день съ почетнымъ конвоемъ до границы была препровождена, а нравилась она ему очень, и онъ всегда шутя называлъ ее своимъ „турбильономъ“ **).

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ князя Несвицкаго, который въ послѣдніе дни опять началъ довольно часто появляться въ средѣ товарищей, ссылаясь на то, что медовый мѣсяцъ уже миновалъ и ему пора вернуться съ неба на землю.

— Коли съ неба гонятъ, такъ конечно возвращайся!—покачалъ головой Борегаръ при этомъ сообщеніи.

---

*) Екатерина Ивановна Нелидова, камеръ-фрейлина императрицы Маріи Феодоровны и другъ Павла I (1756—1839 гг.).

**) Волчекъ.

Товарищи хорошо знали, что семейная жизнь Несвицкаго сложилась далеко не отрадно и что самъ онъ дѣлалъ все, что могъ, для того чтобы усугубить свою семейную невзгоду.

Онъ началъ пренебрегать своимъ домомъ, сталъ довольно неосторожно играть въ карты, проигрывалъ довольно крупныя суммы и въ послѣднее время, какъ носились слухи, даже къ одной изъ своихъ прежнихъ и довольно неразборчивыхъ пассій вернулся и даже показался съ ней въ Павловскѣ на музыкѣ.

Отъ матери вмѣстѣ съ гнѣвнымъ выговоромъ за разъ содѣянную оплошность князь получилъ небольшую сумму денегъ, съ обѣщаніемъ высылать ежемѣсячно столько же и съ наставленіемъ, какъ устраивать свои дѣла и какъ гнуть непокорную волю жены, не умѣющей сознать свое положеніе и то несказанное счастье, какое ниспослала ей судьба, возведя ее въ высокій санъ супруги князя Алексѣя Яковлевича и носительницы его громкаго имени.

Эти-то наставленія и побудили „молодого" нѣсколько нажать педаль и дать женѣ почувствовать всю силу своихъ супружескихъ правъ.

Молодая княгиня не смирилась, а только еще глубже ушла въ себя и еще упорнѣе стала удаляться отъ общества.

Единственными спокойными и счастливыми минутами ея невеселой жизни были часы, которые она проводила у матери, въ знакомомъ опустѣвшемъ уголкѣ, въ дружеской, откровенной бесѣдѣ.

Правда, княгиня Софья Карловна не все говорила матери и не во всѣ свои житейскія невзгоды посвящала ее. Но чуткое и любящее материнское сердце безъ словъ понимало горе горячо любимой дочери, и старая генеральша молчаливой лаской старалась, если не утѣшить, то хоть приголубить измученную молодую душу.

Узнавъ отъ дочери о томъ, что Несвицкій даже вернулся къ своимъ прежнимъ порочнымъ связямъ, оскорбленная мать застонала отъ боли. Мало было того, что жизнь ея дорогой, обожаемой дочери была разбита, мало того, что она на всю долгую жизнь была прикована къ нелюбимому человѣку, котораго даже уважать не могла!—на долю ея Сони выпадало еще и унизительное соперничество: ей—свѣтлой и чистой—открыто предпочитали продажную женщину, которую по первому капризу можно было и бросить, и опять взять, какъ вещь, какъ старую брошенную перчатку!..

Княгиня Софья Карловна испугалась того глубокаго впечатлѣнія, какое произвели ея слова на мать. Она стала успокаивать ее и дала себѣ слово беречь ее отъ слишкомъ сильныхъ

ощущеній. И такъ уже старушка измѣнилась до неузнаваемости, и такъ ея быстро посѣдѣвшая голова все ниже и ниже опускалась на высохшую грудь.

Елена Августовна такъ и не была ни раза у дочери, да и вообще почти никуда не выѣзжала, ограничивая свои рѣдкіе выходы изъ дома довольно аккуратнымъ посѣщеніемъ Казанскаго собора, гдѣ она предъ иконой Богоматери изливала всю горечь своего разбитаго сердца. Она чувствовала, что долго не проживетъ, и ее, любящую и заботливую, мучительно пугала перспектива того тяжелаго одиночества, въ какомъ останется послѣ нея ея ненаглядная Соня.

Но своего тяжелаго предчувствія она не сообщала дочери, а старалась напротивъ всячески подбодрить ее, заставить ее войти въ жизнь и принять участіе въ той безсодержательной шумихѣ, которая называется „большимъ свѣтомъ".

— Что дѣлать, голубка моя!—ласково говорила Елена Августовна:—не нами свѣтъ начался, не нами онъ и кончится, и, разъ ты вступила на скользкій житейскій путь, ты обязана и съ его законами считаться... Вспомни, вѣдь ты прежде раньше сама любила и выѣхать, и потанцовать.

— Это давно было, мама, такъ давно, что я сама объ этомъ позабыла!—съ грустной улыбкой отвѣтила княгиня.—Съ тѣхъ поръ такъ много всего прошло!..

— И все среди общаго круговорота вернулось на ту же прежнюю точку!.. Тогда, въ ту эпоху, о которой я говорю и о которой ты и вспоминать не хочешь, ты увлекалась княземъ; теперь ты носишь его имя, открыто и смѣло идешь съ нимъ рядомъ, и я не знаю, почему тебѣ иногда и не показаться съ нимъ въ обществѣ, не дать князю, какъ мужу, насладиться твоимъ успѣхомъ? Ты скажешь мнѣ на это, что онъ—мужъ дурной, недостойный?.. Оглянись кругомъ, моя бѣдная птичка, и посмотри, много ли достойныхъ и образцовыхъ мужей ты найдешь и увидишь!.. Мнѣ это горе только издали понятно. Лично я никогда не испытала его. Я была счастливой женой честнаго, безукоризненнаго мужа. Но многимъ ли судьба дала то, чѣмъ она наградила меня?.. Я была исключеніемъ изъ общаго правила. Такихъ людей, какъ твой покойный отецъ, слишкомъ мало. Послушайся меня, моя дорогая! Окунись немножко въ свѣтскій водоворотъ, не глубоко, а лишь настолько, чтобы не запачкать въ немъ своихъ бѣлыхъ, лучезарныхъ крыльевъ,—и тебѣ самой, если не отраднѣе, то хотя немножко легче станетъ!..

Видя волненіе матери и то глубокое впечатлѣніе, какое весь этотъ разговоръ произвелъ на нее, княгиня обѣщала ей

все, что она хотѣла, и въ тотъ же день, вернувшись домой, узнала отъ заѣхавшаго къ ней Борегара, что въ Павловскомъ вокзалѣ затѣвается большой лѣтній маскарадъ, на который собирается не только все столичное общество, но и весь дворъ, чуть не поголовно.

— Это и пышно будетъ, и весело, и въ высшей степени прилично!—расхваливалъ Борегаръ. — Да уже довольно одного того, что сама великая княгиня Елена Павловна взяла на себя иниціативу этого оригинальнаго торжества. Ее уже всѣ знаютъ. Она при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ ужасно какъ collet monté, и конечно ничему сколько нибудь скользкому руки не протянетъ... Вотъ бы вамъ, княгиня, отрѣшиться отъ вашего затворничества и поѣхать? И вашъ посаженный отецъ будетъ, нашъ дорогой ворчунъ-начальникъ, и самъ государь непремѣнно пріѣдетъ.

— Это меня меньше всего соблазняетъ!—холодно замѣтила молодая женщина.—Я до парадныхъ выѣздовъ не охотница и за придворными праздниками не гонюсь!..

— Помилуйте, да какой же это парадный выѣздъ? Это — самый обыкновенный маскарадъ, въ неизбѣжныхъ, наглухо застегнутыхъ домино, съ обязательными масками, съ возможностью смѣло и безнаказанно заговаривать съ каждымъ и интриговать всѣхъ безъ исключенія.

— Это тоже не соблазняетъ меня. Я въ маскарадахъ никогда не бывала, прятаться мнѣ подъ маску не отъ кого, да и интриговать тоже некого!

— Полноте, княгиня... Что вы за отшельница?.. Рискните!.. попробуйте!.. Вы сами увидите, какъ это весело...

— Сомнѣваюсь!—упорно отказывалась княгиня.

Однако Борегаръ не далъ ей докончить.

— Да вотъ хоть мужа спросите!—громко воскликнулъ онъ, дѣлая нѣсколько шаговъ навстрѣчу входившему въ комнату Несвицкому. — Ужъ ему-то вы повѣрить можете... Мужья на этотъ счетъ строги!..

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ князь, здороваясь съ товарищемъ и небрежно поднося къ губамъ руку жены.—Что именно должно быть, санкціонировано моимъ супружескимъ одобреніемъ?

— Я говорилъ княгинѣ о маскарадѣ, который затѣвается въ Павловскѣ, и уговаривалъ ее украсить его своимъ присутствіемъ.

— Да, идея этого маскарада—прелестная идея!—оживился князь.—Я прямо въ восторгѣ отъ нея, и былъ бы очень благодаренъ тебѣ, Борегардикъ, если бы ты убѣдилъ мою жену принять въ немъ участіе.

— Я только что всѣми силами соблазнялъ княгиню. Я говорилъ ей, что самъ государь будетъ въ числѣ публики!..

— Да... да, непремѣнно! Я сегодня слышалъ это отъ самого друга государя.

Софья Карловна подняла на мужа удивленный взглядъ и спросила:

— А вы часто видаетесь съ этимъ другомъ?

— Вовсе не „такъ часто". Я встрѣтилъ его сегодня у графини Гольбергъ.

При этомъ имени, такъ внезапно произнесенномъ, Борегаръ съ удивленіемъ поднялъ взоръ на товарища и у него вырвалось:

— Какимъ это вѣтромъ тебя занесло къ графинѣ Гольбергъ?

— Кто эта... Графиня Гольбергъ? — освѣдомилась княгиня, поднимая голову.

— Одна изъ не особенно молодыхъ фрейлинъ молодой императрицы!—отвѣтилъ Борегаръ.

— То есть какъ это изъ „не молодыхъ"?—остановилъ его Несвицкій.—Давно ли графиня Ната институтъ оставила?

— Достаточно давно для того, чтобы самой позабыть объ этомъ,—разсмѣялся Борегаръ.

— А почему вы такъ фамильярно называете ее „графиней Натой"?—подняла голову „молодая".

— Ахъ, Боже мой... Ее всегда всѣ такъ называютъ... и я не знаю, почему все это удивляетъ такъ тебя и Борегардика!—воскликнулъ Несвицкій.

— Меня не это удивляетъ, а твое присутствіе въ ея домѣ именно теперь! Но оставимъ это!.. Такъ вы рѣшительно не соглашаетесь украсить нашъ лѣтній маскарадъ своимъ присутствіемъ? — продолжалъ Борегаръ, возобновляя прежній разговоръ.

— Не знаю, право... подумаю!.. Мама тоже уговариваетъ меня не сидѣть такъ упорно дома, — произнесла Софья Карловна.

— Первое разумное слово, которое я слышу отъ моей строгой тещи,—началъ Несвицкій и сразу умолкъ, встрѣтившись со строгимъ взглядомъ жены.

Борегаръ простился, и, проводивъ его, княгиня сочувственно улыбнулась ему вслѣдъ и ласково проговорила:

— Славный онъ, этотъ Борегаръ!

— Дуракъ, потому всѣмъ и нравится! — недовольнымъ тономъ отрѣзалъ князь Алексѣй.

Княгиня повела плечами и тономъ нескрываемаго пренебреженія, произнесла:

— Мнѣ казалось бы, именно вы могли замѣтить, что я глупости не особенно горячо сочувствую!

Несвицкій не понялъ или не захотѣлъ понять эту въ упоръ ему сказанную дерзость.

— Что-жъ, ты поѣдешь на этотъ маскарадъ?—спросилъ онъ жену послѣ минутнаго молчанія, внезапно переходя на фамильярное „ты“, съ той рѣзкой безцеремонностью, которая характеризовала всѣ его семейныя отношенія.

— Да... думаю, что поѣду!..

— И прекрасно сдѣлаешь... Повеселишься, поинтригуешь кого нибудь.

— Даже и интриговать слѣдуетъ?

— Конечно... Что за маскарадъ безъ интриги?

— Кого же именно?..—спросила княгиня.

— Ахъ, Боже мой, кого хочешь!.. Какое мнѣ до этого дѣло?.. Я къ числу ревнивыхъ мужей, кажется, не принадлежу!—воскликнулъ Несвицкій.

Княгиня подняла на него пристальный взглядъ и отчетливо произнесла:

— Кстати о ревности. До меня въ послѣдніе дни доходятъ довольно неутѣшительные слухи.

Несвицкій не сконфузился.

— Какіе именно?—освѣдомился онъ.

— Я переговорю съ вами о нихъ тогда, когда я подробнѣе провѣрю ихъ. А провѣрю я ихъ не далѣе, какъ на томъ самомъ маскарадѣ, о которомъ идутъ такіе упорные и такіе оживленные разговоры.

— Это—что же, угроза или вызовъ?..

— Ни то, ни другое!.. Простое желаніе убѣдиться...

— Стало быть, вопросъ о маскарадѣ рѣшенъ окончательно?

— Почти!—лѣниво отвѣтила Софья Карловна, вставая и идя навстрѣчу показавшимся въ концѣ аллеи нежданнымъ гостямъ. Въ эту минуту она даже была рада имъ. Ей все антипатичнѣе и антипатичнѣе становились бесѣды съ мужемъ.

IX.

Гетера старыхъ временъ.

Приготовленія къ лѣтнему маскараду шли веселыя и оживленныя. Было извѣстно, что въ маскарадѣ примутъ участіе чуть не всѣ члены царской фамиліи, и заказами на роскошное домино и характерные костюмы были завалены всѣ модныя портнихи.

Молодой княгинѣ Несвицкой для ея домино ея мать-генеральша дала такія старинныя кружева, отъ которыхъ не отказалась бы сама императрица, и Софья Карловна, обладавшая исключительнымъ вкусомъ и умѣньемъ одѣться, смѣло могла сказать себѣ, что ея маскарадный костюмъ будетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ изящныхъ.

Товарищи князя, все съ большей и большей охотой посѣщавшіе его домъ и прямо таки гордившіеся своей „новой полковой дамой“, принимали близко къ сердцу ея грядущій успѣхъ на предстоящемъ балѣ и наперерывъ другъ предъ другомъ старались узнавать и сообщать княгинѣ о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ другими участницами ожидавшагося торжества.

Трауръ по императрицѣ Маріи Феодоровнѣ былъ только что снятъ, и всѣ спѣшили вознаградить себя за сравнительно долгое воздержаніе и за отсутствіе придворныхъ увеселеній. Кромѣ того и самая идея лѣтняго маскарада была настолько заманчивой и оригинальной, что останавливала на себѣ всеобщее вниманіе и сулила великосвѣтскимъ красавицамъ цѣлую серію самыхъ разнородныхъ удовольствій.

Одной изъ главныхъ приманокъ для грядущаго маскарада была возможность поинтриговать государя, который, какъ всѣ это хорошо знали, придавалъ большое значеніе умѣлой и веселой маскарадной интригѣ и охотно поддавался на маскарадныя знакомства. Эту его слабость знали всѣ, и императрица нерѣдко поддразнивала его ею.

Дня за два или за три предъ маскарадомъ князь Несвицкій, вернувшись домой подъ утро, вошелъ въ столовую мрачнѣе тучи и, обращаясь къ женѣ, прямо спросилъ ее, не можетъ ли она взять заимообразно у своей матери двѣ тысячи рублей.

Такой вопросъ удивилъ княгиню.

— На что вамъ это нужно?—спросила она, поднимая взоръ на растерянное и сильно помятое лицо мужа.

— Не все ли равно на что?—рѣзко и грубо отвѣтилъ онъ.

— Я потому спросила васъ объ этомъ, что къ мамѣ я обратиться ни въ какомъ случаѣ не могу, да у нея и нѣтъ такихъ денегъ. А ваша просьба удивила меня потому, что у васъ должны быть и мои, и мамины деньги, еще не тронутыя.

— Даже не тронутыя? Вотъ какъ!.. А на что же мы жили? Какъ вы думаете?

— Наша жизнь стоила сравнительно такъ мало...

— Вамъ такъ кажется? А обстановка, а безпрестанные пріемы? А ваши выѣзды и катанья?..

Софья Карловна насмѣшливо пожала плечами.

— Все это стоило сравнительно гроши, а я лично передала вамъ отъ имени мамы двѣнадцать тысячъ рублей, пожалованныя великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Развѣ вы не помните, что получили ихъ отъ меня?

— И получилъ, и отлично помню, а все-таки денегъ у меня въ настоящую минуту нѣтъ. Между тѣмъ онѣ крайне нужны мнѣ. Я долженъ сегодня уплатить эти двѣ тысячи. Это для меня—вопросъ чести!..

— По моему мнѣнію, вопросъ чести состоитъ въ томъ, чтобы не должать того, что отдать не въ силахъ.

— Я не прошу ни совѣтовъ, ни замѣчаній.

— Я очень хорошо понимаю это. Вы денегъ просите... Но разъ я не могу дать вамъ ихъ...

— Вы можете достать!

— Гдѣ? У мамы денегъ нѣтъ, да если бы и были, то я не стала бы просить ихъ у нея. А больше мнѣ взять не у кого. Я никого не знаю и на кредитъ ни съ чьей стороны расчитывать не могу!

Несвицкій порывисто всталъ съ мѣста и нервнымъ шагомъ прошелся по комнатѣ.

Видя его волненіе, Софья Карловна тоже встала и сказала ему:

— У меня есть браслетъ, привезенный мнѣ въ день свадьбы великимъ княземъ, и жемчугъ, присланный мнѣ императрицей. Если за нихъ дадутъ двѣ тысячи рублей и этой цѣной дѣйствительно можетъ быть куплена ваша честь—цѣна, кстати сказать, не высокая, то на этотъ... торгъ я согласна. Я сейчасъ принесу вамъ эти вещи!—и, не давъ мужу времени отвѣтить, она вышла изъ комнаты, а затѣмъ, вернувшись черезъ минуту, подала ему два объемистыхъ сафьяныхъ футляра.

Князь взялъ ихъ нерѣшительно и такъ же нерѣшительно произнесъ:

— Закладывать эти вещи я не могу... я не знаю, кто здѣсь занимается залогами... Придется совсѣмъ продать ихъ.

— Мнѣ все равно!.. Продайте!—спокойнымъ голосомъ отвѣтила Софья Карловна.

— А въ случаѣ, если великій князь узнаетъ...

— Я разсказывать ему не стану!—холодно улыбнулась княгиня.—А если вы сумѣли поставить себя такъ, что за вами слѣдятъ, то я въ этомъ не виновата.

Несвицкій нерѣшительно взялъ въ руки футляры. Онъ ненавидѣлъ жену въ эту минуту.

— Вамъ эти вещи не будутъ нужны къ маскараду?—спросилъ онъ, направляясь къ двери.

— На что? Я поѣду въ домино, и какъ ни мало я знакома съ маскарадными законами, но знаю, что домино—это глухой футляръ, сквозь щели котораго ничего не должно проглядывать. Теперь, когда мы успѣшно покончили съ вопросомъ, въ которомъ была замѣшана ваша „честь“, позвольте мнѣ затронуть и другой вопросъ, къ которому прикосновенна честь моя личная.

Князь остановился и встревоженно спросилъ:

— Что такое? О чемъ рѣчь?

— До меня стороной дошли слухи, что вы возобновили нѣкоторыя изъ своихъ прежнихъ интимныхъ знакомствъ.

— Я понимаю, на что вы намекаете. Это...

— Подождите, дайте мнѣ кончить!.. Если вы разомъ поняли, о чемъ и о комъ я веду рѣчь, тѣмъ лучше для насъ обоихъ... Легче устранить то, что устранить обязательно!

— Вы говорите о Катѣ Шишкиной?..

— Я не знаю, какъ зовутъ ее, и не хочу знать это! Равнымъ образомъ я не хочу входить и въ то, гдѣ и у кого вы бываете, но требую—слышите ли?—требую, чтобы вы не показывались съ подобными женщинами открыто, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы бываете со мной! Требовать это мое право, и я не поступлюсь имъ!..

— Вамъ налгали... я нигдѣ не былъ съ Катей...

— Еще разъ увольте меня отъ подробныхъ именъ вашихъ любовницъ, и разъ вы такъ дорожите честью, чтобы для ея спасенія брать изъ дома послѣднее, то подорожите ею и настолько, чтобы, уходя съ головою въ грязь, не брызгать этой грязью въ лицо своей жены!..

— Это уже на угрозу или на приказъ похоже?—проговорилъ князь.

— Нѣтъ, это—не приказъ, а только требованіе, требованіе справедливое и безповоротное. Теперь, переходя не къ угрозамъ конечно, а только къ предупрежденіямъ, я заявляю вамъ, что въ первый разъ, когда вамъ вздумается публично показаться со своей любовницей въ обществѣ и открыто подать руку одной изъ тѣхъ продажныхъ женщинъ, общество которыхъ вамъ такъ свойственно и такъ близко,—я немедленно оставлю вашъ домъ и никогда болѣе не вернусь въ него.

— Положимъ, вы не посмѣете сдѣлать это!—вызывающимъ голосомъ отвѣтилъ князь.

— Я? Не посмѣю? Какъ же вы мало знаете меня!

— Я этапомъ верну васъ подъ семейный кровъ.

— Вашъ домъ уже перестанетъ быть для меня семейнымъ кровомъ!

— И все-таки законъ будетъ на моей сторонѣ, и васъ вернутъ ко мнѣ силой!

— Мертвую, быть можетъ, а живую—никогда!

— Посмотримъ! — какъ вызовъ бросилъ женѣ Несвицкій и вышелъ изъ комнаты.

Софья Карловна посмотрѣла ему вслѣдъ, и ея красивое лицо исказилось горькой усмѣшкой.

— Боже мой... Боже мой!.. Что я съ собой сдѣлала?—тихо, со стономъ проговорила она, закрывая лицо руками.— За что я такъ безповоротно погубила себя?!.

А тѣмъ временемъ Несвицкій, уложивъ въ маленькій чемоданчикъ взятые у жены футляры и захвативъ туда же смѣну бѣлья и необходимыя туалетныя принадлежности, уже мчался въ городъ, гдѣ его нетерпѣливо ждала одна изъ модныхъ тогдашнихъ Фринъ, извѣстная чуть ли не всей гвардіи подъ именемъ Кати Шишкиной.

Біографія Кати Шишкиной, по шутливому выраженію Борегара, терялась во мракѣ вѣковъ; никто не зналъ, откуда она пришла и подъ чьимъ патронатомъ впервые появилась на скользкихъ ступеняхъ столичнаго полусвѣта, и только знаменитый острякъ Булгаковъ увѣрялъ, что при взглядѣ на Катю онъ смутно припоминаетъ какую-то далекую прачечную, плескъ мыльной воды, грязное корыто и слышитъ чью-то нескончаемую, „вычурную“ брань.

Сама Катя—болѣе наглая, нежели умная, болѣе смѣлая, нежели красивая—уже не первый годъ вращалась въ гвардейскихъ кружкахъ, когда Несвицкій познакомился съ нею и разомъ отбилъ ее у какого-то вконецъ проигравшагося ремонтера. Послѣдній и ее чуть ли не съ послѣдней лошадью поставилъ на карту, и Несвицкій, который въ этотъ вечеръ чуть ли не въ первый разъ взялъ въ руки карты и которому повезло, какъ обыкновенно везетъ всѣмъ новичкамъ, торжествуя увезъ съ собой на квартиру Катю, развязно объявившую разоренному ремонтеру, что ей „гольтепы“ не нужно и что молоденькій офицерикъ и моложе, и красивѣе, и—главное—богаче его.

Послѣдній аргументъ былъ конечно сильнѣе и неопровержимѣе всѣхъ остальныхъ, и Катя, вытянувъ изъ Несвицкаго все, что было можно (на это ей понадобилось не особенно много времени), бросила и его для какого-то, какъ разъ во-время подвернувшагося, купца, но лишь для того, чтобы опять вернуться къ Несвицкому, какъ только у этого заведутся деньги.

Съ тѣхъ поръ такъ и пошло: курсъ князя падалъ и воз-

выпался, и вмѣстѣ съ этими биржевыми котировками Катя беззастѣнчиво приходила и уходила, какъ-то фаталистически овладѣвая Несвицкимъ по первому брошенному ему слову, по первому мановенію руки.

Продѣлъ этому непостижимому владычеству присяжной гетеры надъ безхарактернымъ гвардейцемъ былъ положенъ только женитьбой князя и тѣмъ престижемъ и блескомъ, какимъ была окружена его свадьба. Всѣ поняли, что съ той могущественной поддержкой, которой была окружена молодая жена безхарактернаго князя, даже смѣлая и наглая Катя бороться не рѣшится, и всѣ были несказанно удивлены, когда, спустя два мѣсяца послѣ свадьбы, Несвицкаго можно было не только опять встрѣтить въ своеобразномъ „салонѣ“ модной Фрины, но даже и подъ руку съ нею увидать на шумномъ и людномъ гуляньѣ.

Катя первая смѣялась надъ своимъ вернувшимся поклонникомъ, называла его „блуднымъ сыномъ“ и грозила при непослушаніи отправить его обратно „въ законъ“, какъ она тривіально называла его семейный очагъ.

Черезъ три часа послѣ разговора съ женой Несвицкій уже былъ въ Петербургѣ, въ пестро, но безвкусно убранной квартирѣ Кати на Большой Мѣщанской и, лежа на диванѣ, перебрасывался съ нею болѣе или менѣе откровенными фразами.

— Деньгами-то раздобылся, что ли? — спросила она, сидя предъ зеркаломъ, при помощи румянъ и склянки съ мутной бѣловатой жидкостью „наводя красоту“, какъ сама она безцеремонно выражалась, не скрывая своихъ рисовальныхъ способностей предъ своими многочисленными и частенько перемѣнявшимися поклонниками.—Вѣдь ты сегодня проигрышъ-то вчерашній уплатить обѣщался? Тутъ уже, братъ, не отлынешь! Мой Мейеръ свое дѣло круто знаетъ, его на кривой не объѣдешь!

— Почему это онъ—„твой“ Мейеръ?.. Съ чего ты его „своимъ“ называешь?

— А хочу, потому и называю!.. Ты, что ли, запретишь мнѣ?.. Потому онъ мой, что умница онъ, ни въ какую ловушку не попадетъ, ни въ какомъ капканѣ не застрянетъ и своего нигдѣ никогда не упуститъ!

— А я, ты думаешь, попадусь?

— Ты-то?.. Да ты—рохля извѣстный!.. Если бы ты не такой рохля былъ, нешто проигралъ бы ты столько сразу?

— Что-жъ дѣлать?.. Мнѣ не везло!

Молодая женщина повернула свое до половины накрашенное лицо въ сторону своего собесѣдника и громко, по-извозчичьи свистнула.

— Дуракъ ты былъ, дуракомъ и останешься! — тривіально крикнула она. — Ну, да не до споровъ съ тобой! Деньги-то привезъ, что ли? Говори!

— Нѣтъ, денегъ я не досталъ...

— А нѣтъ, такъ вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ! Сказано тебѣ разъ навсегда, что голышей мнѣ не нужно, а женатыхъ голышей и подавно.

— Да ты подожди!.. Чего ты раскричалась?.. Денегъ у меня нѣтъ, зато брилліанты есть.

— Брилліанты?.. Показывай! — вскрикнула Катя, быстро вскакивая съ мѣста и подбѣгая къ князю, причемъ глаза у нея такъ и разгорѣлись.

— Какъ ты однако камушки-то любишь!—смѣясь замѣтилъ Несвицкій, налету ловя ея руку, чтобы притянуть ее къ себѣ.

Она грубо оттолкнула его и повелительно крикнула:

— Пусти!.. Показывай брилліанты! Совралъ небось!.. И брилліантовъ никакихъ нѣтъ?

— Нѣтъ, значитъ, и показывать нечего!—поддразнилъ онъ и, подмѣтивъ на ея лицѣ неудовольствіе, поспѣшилъ успокоить ее.

Вліяніе этой необразованной и до-нельзя тривіальной и распущенной женщины на сравнительно интеллигентнаго, еще молодого и очень красиваго гвардейца было поистинѣ непостижимо. Князь все переносилъ отъ нея, со всѣми ея дерзкими выходками молча примирялся и послѣ каждой серьезной ссоры съ ней возвращался къ ней еще болѣе покорнымъ и порабощеннымъ, нежели прежде.

Товарищи нерѣдко выражали Несвицкому свое неодобрительное удовольствіе по этому поводу; добродушный Борегаръ пробовалъ уговаривать его, или, по глупому и дерзкому выраженію Шишкиной, „отчитывать“ его, но ничто не помогало, и когда пораженные этимъ полнымъ порабощеніемъ товарищи злополучнаго Несвицкаго требовали отъ нея отчета въ этомъ непонятномъ для нихъ порабощеніи, она, подбоченившись, какъ торговка, съ хохотомъ кричала имъ въ отвѣтъ:

— Такое слово знаю... рыбье слово!.. И ничего вы супротивъ моего „слова“ не сдѣлаете, потому что у меня завѣтное... Душа христіанская завѣтомъ за него положена!

И Катю почти трусливо оставляли въ покоѣ, втайнѣ начиная сомнѣваться, не было ли дѣйствительно какой нибудь сверхъестественной силы въ этомъ непонятномъ сближеніи, въ этой какъ будто совсѣмъ неразрывной цѣпи?

Но не всегда Екатерина Шишкина казалась такой тривіальною „торговкой“. Она скорѣе напускала на себя эту роль и

какъ будто хвастала ею, и тотъ, кто увидалъ бы ее въ театрѣ или на гуляньѣ, важно выступающей въ модномъ туалетѣ, съ перетянутой тальей и слегка прищуренными глазами, къ которымъ она то и дѣло подносила золотой лорнетъ, никакъ не предположилъ бы, что эта хорошенькая и элегантная женщина можетъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ напоминать любую изъ героинь дешевыхъ трущобъ.

Она поочереди сближалась чуть не со всѣми встрѣчавшимися ей состоятельными молодыми людьми, каждому изъ нихъ стоила относительно порядочныхъ денегъ, за что и получила отъ всегда находчиваго и остроумнаго Булгакова мѣткое прозвище: „Mademoiselle la Ruine“ *). Многіе изъ ея мимолетныхъ друзей порою возвращались къ ней, иные по старой памяти дѣлали ей дружескіе подарки, почти всѣ откликались на ея не особенно рѣдкія просьбы, но никто никогда не подпадалъ подъ ея вліяніе до такой степени и не подчинялся ей такъ, какъ Несвицкій.

И теперь, несмотря на рѣзкость ея тона и на то нескрываемое пренебреженіе, съ какимъ она говорила съ нимъ, онъ почти испугался, когда она выразила сомнѣніе въ томъ, что онъ дѣйствительно привезъ бриллiанты, и, съ силой схвативъ ее за руку, привлекъ къ себѣ.

— Бриллiанты у меня здѣсь, съ собой,—сказалъ онъ ей, крѣпко сжимая ее въ своихъ объятіяхъ,—я взялъ ихъ у жены... Это—хорошіе, дорогіе бриллiанты, и мнѣ прямо-таки до боли жаль, что ни одного камушка, ни одной жемчужинки изъ всего, привезеннаго мною, не попадетъ въ твои загребистыя лапочки! Вотъ развѣ Мейера ты уговоришь подождать немного?

— Ну, это—дудки!.. Онъ ждать не станетъ... Да и къ чему это? Не все ли равно?

— Какъ это „все равно“?.. Я не понимаю тебя!..

— Мало ли чего ты не понимаешь!—презрительно бросила ему Шишкина.—Если бы ты все понималъ, такъ не то и было бы!.. И такихъ ты денегъ не проигрывалъ бы, и объ уплатѣ моему Мейеру такъ не хлопоталъ бы!.. А вотъ какъ сидишь ты незнайкой, такъ и дрожишь, и платишь, и всякіе-то фокусы надъ тобой, сердечнымъ, продѣлывать можно!..

Несвицкій при этихъ словахъ тревожно поднялся съ дивана.

— Ты что-то странное говоришь, Катерина!—сдвигая брови, замѣтилъ онъ.—Ты намекаешь на что-то, отъ чего тебѣ можетъ сильно не поздоровиться! Говори толкомъ, если начала!..

---

*) Разрушительница.

— А ты не пугай! — дерзко разсмѣялась она.—А то, неровенъ часъ, я сама тебя пугать начну, такъ тогда неизвѣстно еще, кому изъ насъ страшнѣе будетъ. А если ты хочешь гостемъ у меня быть, такъ ты говори какъ слѣдуетъ!.. „Катерины" тебѣ здѣсь нѣтъ... И чтобы я такого разговора больше не слыхала! Ну, показывай, что ли, что ты тамъ привезъ.. Можетъ, и вниманія-то не стоитъ глядѣть на твои камни?

— Ну, какъ это вниманія не стоитъ, если это — царскіе подарки?

— Какіе царскіе подарки? Кому?

— Моей женѣ. Тутъ жемчугъ, который прислала ей императрица, да браслетъ, который ей на руку великій князь въ день свадьбы надѣлъ!

— Такъ это ты царскими подарками, да еще не своими, а жениными, съ Мейеромъ за карточный долгъ расчитываться хочешь? — громко разсмѣялась Шишкина. — Вотъ такъ придумалъ! И влѣзетъ же, прости Господи, въ пустую голову барская блажь! Куда же насъ послѣ этой твоей расплаты опредѣлятъ съ Мейеромъ, да и съ тобой вмѣстѣ пожалуй?

— За что это?.. Вѣдь жена сама отдала мнѣ эти вещи?

— Ну, еще бы ты укралъ ихъ у нея? Господи, Боже мой!.. Какой ты несуразный!

— Какъ же она смѣетъ пожаловаться, если сама отдала?

— „Какъ смѣетъ"? „Какъ смѣетъ"? — передразнила князя Шишкина. — Да она такъ просто, не смѣямшись!.. Нѣтъ, ты, ваше сіятельство, эту самую дурь брось и съ Мейеромъ честь-честью расплатись!.. А не то онъ до командира дойдетъ...

— Такъ что же я сдѣлаю?

— А что хочешь, то и дѣлай! Не учить тебя, не маленькій!.. Да ты вещи-то покажи!—и Шишкина опять придвинулась къ князю.

Тотъ лѣниво поднялся съ мѣста и маленькимъ ключикомъ отперъ привезенный чемоданчикъ.

Пока онъ доставалъ и развертывалъ бумагу, въ которую были завернуты футляры, Шишкина пристальнымъ, жаднымъ взглядомъ слѣдила за нимъ.

Онъ открылъ сначала одинъ футляръ, потомъ другой. У нея вырвалось восклицаніе, какъ будто дикій стонъ удовольствія.

— Да, штучки не вредныя!—тривіально проговорила она. — За это деньги дать можно! Выручить, что ли, тебя въ самомъ дѣлѣ?—спросила она, какъ будто что-то быстро обдумавъ и рѣшивъ.

— Да кто это можетъ сдѣлать? Ты?

— Ну да, я! Чего ты ротъ-то разинулъ какъ галка?

— А развѣ у тебя есть деньги?

— Это ужъ не твоя забота. Не было бы, такъ и говорить не стала бы.

— Но вѣдь это дорого стоитъ.

— Цѣни, какъ знаешь! Я дамъ столько, сколько тебѣ нужно, чтобы съ Мейеромъ расквитаться...

— Двѣ тысячи? Нѣтъ, этого мало!

— Такъ ступай, ищи, кто больше дастъ!.. Только поторапливайся, потому что у меня сегодня опять игра будетъ большая, а у Мейера свободныхъ денегъ только и есть, что твои. Онъ игру пропускать не станетъ, да и мнѣ это не выгодно!..

— Что не выгодно?—тономъ глубокаго удивленія переспросилъ князь.

— Чтобы Мейеръ серьезную игру пропустилъ! У насъ сегодня новый фартовый купчикъ наклевывается, тоже ворона съ разинутымъ ртомъ. И самъ онъ не замѣтитъ, какъ все до копеечки спуститъ!

— Но позволь! Ты говоришь такимъ тономъ...

— Какимъ это?

— А такимъ, какъ будто игра здѣсь у тебя ведется не чистая, даже можно подумать, что ты сама являешься участницей такой игры.

— „Подумать"! Скажите, случай какой съ тобой случился!.. Да думай себѣ, что тебѣ, голубчику, на умъ взбредетъ!.. Есть о чемъ горевать, что ты „думать" станешь!

— Но если игра не чистая... то...

— То ты не играй, а—главное—не проигрывай!.. Когда ты намедни выигралъ здѣсь у меня пятьсотъ рублей, такъ небось не задумывался надъ тѣмъ, „чистая" или не „чистая" игра у меня ведется.

— Такъ я тебѣ же отдалъ эти деньги?

— Глупъ былъ, оттого и отдалъ!.. А теперь мнѣ Мейеръ свой выигрышъ отдастъ... Всѣ вы—дураки, и васъ только и стоитъ обирать, какъ сидоровыхъ козъ! Больше вы ни на что и не годитесь!..

Князь стоялъ предъ Шишкиной ошеломленный, съ футлярами въ рукахъ, и, глядя на него въ эту минуту, можно было безъ труда согласиться съ ней, что онъ ровно ни на что не годится, кромѣ того, чтобы служить жертвой ловкой и безстыдной эксплоатаціи.

— Ну, убирайся однако отсюда! — сказала она послѣ минутнаго молчанія.—Ты мнѣ одѣваться мѣшаешь! Скоро гости съѣзжаться станутъ... Мы сегодня рано за карты сядемъ,

чтобы успѣть посреди игры поужинать... Послѣ шампанскаго то ходче дѣло пойдетъ, скорѣй вороны рты поразѣваютъ.

Несвицкій слушалъ Катю растерянно. Онъ начиналъ понимать, что сдѣлался просто жертвой самой смѣлой и наглой эксплоатаціи, и въ то же время почти съ ужасомъ сознавалъ, что и вновь готовъ сыграть ту же пошлую и жалкую роль.

— Такъ какъ же съ вещами?—растерянно спросилъ онъ.

— А какъ хочешь, такъ и дѣлай!.. Только наврядъ ли ты найдешь кого нибудь, кромѣ меня, кто купилъ бы у тебя царскіе подарки. За это, братъ, тоже не хвалятъ. Мнѣ что? Съ меня взятки гладки!.. Скажу, что ты подарилъ мнѣ эти вещи, что ты мы ими за любовь да за ласки заплатилъ!.. Я—вольный казакъ, мірской человѣкъ! Ну, давай, что ли... Такъ и быть, ужъ я тебѣ сотняжку накину... А въ остальномъ мы сочтемся, я въ долгу не останусь!—закончила она, подмигнувъ и протягивая руку за футлярами...

Князь машинально подалъ ей оба футляра одной рукой, а другой крѣпко обнялъ ее и прижалъ ее къ себѣ.

— Чаровница!—захлебываясь проговорилъ онъ, противъ воли поддаваясь охватывавшему его непонятному волненію.

Взглянувъ на него въ эту минуту, можно было серьезно повѣрить въ силу навѣянныхъ на него волшебныхъ, всепобѣждающихъ чаръ.

* * *

Нѣсколько часовъ спустя, въ уютной, залитой огнями квартирѣ Шишкиной шла оживленная и крупная игра. Вокругъ нѣсколькихъ столовъ толпились гости съ разгоряченными лицами. Банкометы спокойно выбрасывали направо и налѣво выпадавшія карты; понтеры дрожащими руками ставили открытые и закрытые купи.

Катя Шишкина, вся сіяющая прихотливымъ нарядомъ и вся залитая бриліантами, стояла за стуломъ молодого, сильно выпившаго купца и зорко слѣдила за его игрой, или—точнѣе сказать—за его проигрышами.

Предъ метавшимъ банкъ Мейеромъ уже возвышалась груда золота и ломбардныхъ билетовъ, а онъ все пригребалъ и пригребалъ выигрышъ, спокойно и хладнокровно выбрасывая направо и налѣво поразительно благопріятствовавшія ему карты.

— Борегардикъ!.. Брось!.. Не играй!—серьезно и почти не стѣсняясь произнесъ пристально смотрѣвшій на игру князь Урусовъ.—Я давно и пристально наблюдаю за этой „игрой“, и мнѣ сильно хочется пригласить сюда подлежащихъ чиновъ полиціи... Да эта роль ужъ очень не подобаетъ. Мнѣ въ гвар-

дейскомъ мундирѣ даже на жидовъ и проститутокъ доносить не подобаетъ!

Борегаръ послушался и забастовалъ.

Мало-по-малу отстали и другіе партнеры, и только все сильнѣе и сильнѣе пьянѣвшій купчикъ продолжалъ ставить крупные куши, нервно выбрасывая изъ своихъ словно бездонныхъ кармановъ цѣлые горы золота и груды банковыхъ билетовъ. Къ утру онъ оказался въ огромномъ проигрышѣ, но онъ не только не жалѣлъ о немъ, а почти не сознавалъ его. Онъ былъ въ равной степени опьяненъ и множествомъ выпитаго имъ вина, и вызывающимъ, почти циничнымъ кокетствомъ хозяйки этого своеобразнаго дома.

Несвицкій по окончаніи игры остался въ небольшомъ выигрышѣ и растерянно разсовывалъ по карманамъ выигранныя деньги, понукаемый Екатериной Шишкиной, выпроваживавшей его съ циничной торопливостью.

— Послѣ!.. послѣ!.. На досугѣ приходи!—почти выталкивая его, сказала она, въ то же время нѣжно улыбаясь протягивавшему къ ней руки пьяному купцу. — Видишь, не до тебя теперь!..

— Но.. я пріѣхалъ къ тебѣ, чтобы остаться до завтра!—совсѣмъ теряясь, проговорилъ злополучный князь.—Я думалъ...

— Ну, и раздумывай, если „думалъ“! А сегодня у меня оставаться нельзя. Мѣсто занято! — и, нагло бросивъ ему эту циничную фразу, Шишкина почти вытолкала его, чтобы вернуться къ пьяному купцу, безцеремонно расположившемуся у нея, какъ у себя дома.

Несвицкій и тутъ смолчалъ и покорно удалился, чуть не съ завистью оглядываясь на покидаемый имъ вертепъ. Онъ уходилъ весь заколдованный, порабощенный, загипнотизированный, какъ сказали бы теперь, когда всему, что казалось сверхъестественнымъ, нашлось и свое рѣзко отведенное мѣсто, и свое рѣзко опредѣленное имя.

X.

Важная бесѣда.

Услужливый другъ или врагъ анонимнымъ письмомъ предупредилъ молодую княгиню Софью Карловну о томъ, что бриліанты, отданные ею мужу, перешли во владѣніе одной изъ тѣхъ позорныхъ женщинъ, которыя носятъ въ обществѣ дѣланный и нелестный титулъ „жертвъ общественнаго темперамента“. Но это извѣщеніе не взволновало и даже почти не смутило ея.

Одновременно съ этимъ ей принесли другое письмо, надъ которымъ она серьезно призадумалась и по поводу котораго за-

хотѣла переговорить и посовѣтоваться съ матерью. Но она застала старую генеральшу совсѣмъ больной и даже хотѣла отказаться отъ маскарада, чтобы просидѣть этотъ день и вечеръ съ ней; но Елена Августовна наотрѣзъ отказалась отъ такой, по ея словамъ, безполезной жертвы и взяла съ дочери слово, что она непремѣнно поѣдетъ въ Павловскъ и на другой же день послѣ маскарада пріѣдетъ разсказать ей все, что тамъ увидитъ и услышитъ.

День, назначенный для лѣтняго маскарада, выдался свѣтлый и ясный на-славу. Съ утра было жарко, но къ вечеру жара спала, и залитый огнями паркъ весь дышалъ свѣжей и ароматной прохладой.

Публика начала съѣзжаться почти съ сумерекъ, и къ десяти часамъ вечера въ широкихъ и тѣнистыхъ аллеяхъ парка почти тѣсно было.

Блестящіе гвардейскіе мундиры сіяли и пестрѣли среди корректныхъ черныхъ фраковъ и утопавшихъ въ кружевахъ черныхъ дамскихъ домино, отличавшихся одно отъ другого только кокардами изъ яркихъ цвѣтныхъ лентъ или приколотыми къ груди не менѣе яркими букетиками живыхъ цвѣтовъ.

Несмотря на густыя и строгія складки широкихъ домино, нескромныя бархатныя полумаски открывали почти всѣ инкогнито, и въ толпѣ громко называли чуть не всѣхъ подрядъ замаскированныхъ красавицъ.

Исключеніемъ являлись только тѣ изъ посѣтительницъ, которыя, серьезно храня свое инкогнито, озаботились надѣть полныя маски, сплошь закрывавшія ихъ болѣе или менѣе красивыя, молодыя личики.

Государь пріѣхалъ ровно въ десять часовъ, и его появленіе было сигналомъ ко всеобщему оживленію.

Къ тому пункту, который занялъ онъ въ концѣ правой аллеи, ведущей къ излюбленной имъ Китайской бесѣдкѣ,—устремились всѣ любопытные взоры, и мимо него началось усиленное движеніе масокъ. Всѣ знали слабость державнаго гостя къ маскараднымъ интригамъ; при дворѣ циркулировали задорные слухи о томъ, что этотъ маскарадъ былъ главнымъ образомъ организованъ по его желанію, и всѣхъ интриговалъ вопросъ, чѣмъ именно вызвано такое исключительное вниманіе къ импровизованному роскошному празднику.

Но угадать это было не легко. Государь смотрѣлъ какъ-то озабоченно и тихо, серьезно разговаривалъ о чемъ-то съ безсмѣнно находившимся при немъ своимъ сверстникомъ-фаворитомъ.

— Которая?—сдвигая свои густыя, характерныя брови, спро-

силъ государь, скользя взоромъ по сновавшей предъ нимъ оживленной толпѣ.

Фаворитъ въ свою очередь зорко всматривался во всѣхъ проходившихъ мимо замаскированныхъ посѣтительницъ разомъ ожившаго маскарада и наконецъ отвѣтилъ:

— Я не вижу, ваше величество!.. Быть можетъ, она еще не пріѣхала.

— А, быть можетъ, она и вовсе не пріѣдетъ? — съ досадой замѣтилъ государь.

Любимецъ въ недоумѣніи повелъ плечами.

— Я исполнилъ желаніе вашего величества... я написалъ... Я ясно указалъ костюмъ и цвѣтокъ...

— Ахъ, да, что же изъ того, что ты указалъ? Этого достаточно было бы для всѣхъ тѣхъ навязчивыхъ масокъ, которыя такъ лихорадочно засуетились и забѣгали вокругъ меня, какъ только я показался въ аллеяхъ парка!.. Но вѣдь она къ числу этихъ... податливыхъ особъ не принадлежитъ, и надо было удостовѣриться въ томъ, что письмо будетъ не только прочитано, но и исполнено!

Фаворитъ повторилъ свой жестъ тяжелаго недоумѣнія. Онъ чувствовалъ, что наступаетъ минута гнѣва государя, и признавалъ себя безсильнымъ отдалить и умиротворить этотъ гнѣвъ.

— Что ты такой мрачный сегодня? — останавливаясь предъ государемъ, заискивающимъ голосомъ произнесла одна изъ масокъ, слегка дотрагиваясь вѣеромъ до его руки, съ тѣмъ фамильярнымъ заигрываніемъ, которое допускается маскарадными законами и не возбранялось тогда даже придворнымъ этикетомъ.

Государь окинулъ бѣглымъ взглядомъ свою смѣлую собесѣдницу. Его опытному взору достаточно было этого бѣглаго взгляда, чтобы опредѣлить и степень милости, и степень ея красоты.

Нескромная бархатная полумаска не скрывала ни красиваго маленькаго рта съ ярко блиставшими жемчужными зубками, ни блеска красивыхъ и очевидно молодыхъ глазъ, ни круглаго, нѣсколько чувственнаго подбородка, а крошечная рука, такъ смѣло дотронувшаяся богатымъ вѣеромъ до руки державнаго маскараднаго гостя, была замѣчательно мала и обличала аристократизмъ ея обладательницы. Въ общемъ получался вполнѣ аристократическій типъ одной изъ тѣхъ красавицъ, которыя украшали въ то время высочайшій дворъ и вниманіе которыхъ такъ мало льстило избалованному имъ государю.

Но на маскарадную интригу онъ все-таки откликнулся и съ холодной улыбкой отвѣтилъ:

— Я не мраченъ!.. Мнѣ просто скучно!..

— Какъ это лестно для всего наличнаго общества!—разсмѣялась маска.

— Само „наличное общество“ виновато въ этомъ! — нехотя произнесъ государь.—Надо быть занимательнѣе.

— Ты слишкомъ взыскателенъ!—задорно продолжала маска, между тѣмъ какъ любимецъ императора, предполагая, что этотъ разговоръ можетъ принять болѣе интимный характеръ, скромно отошелъ въ сторону.—Мы всѣ хорошо знакомы съ твоими требованіями... О, я хорошо знаю тебя!

— Сомнѣваюсь!—спокойно и лѣниво произнесъ государь.

— Сомнѣваешься? Почему?

— Потому что если бы ты дѣйствительно хорошо знала меня, то не настаивала бы на разговорѣ со мною, видя, что этотъ разговоръ не занимаетъ меня. Ты знала бы, что я надоѣдливыхъ собесѣдницъ не люблю!..

У элегантной маски вырвалось движеніе рѣзкаго нетерпѣнія.

— Съ тобой сегодня нельзя разговаривать!—замѣтила она.

— Вотъ если ты поняла это, то я вѣрю, что ты немножко знаешь меня!—кивнулъ головой императоръ, отходя отъ маски и направляясь къ стоявшему въ сторонѣ другу дѣтства.

Маска порывисто прошла дальше и опустилась на стоявшую сбоку скамейку.

— За что вы ее такъ, ваше величество?—невольно разсмѣялся фаворитъ съ той фамильярностью, которую позволялъ ему государь въ тѣ минуты, когда онъ являлся повѣреннымъ его сердечныхъ тайнъ.

— За то, чтобы не приставала и знала свое мѣсто!

— А вы знаете, кто это?

— Нѣтъ, толкомъ не разобралъ.

— Это—княгиня Ролицына

— Которая? Нэлли?

— Да, ваше величество, она!..

— Ну, я такъ и зналъ, что это — одна изъ нашихъ собственныхъ, придворныхъ глупышекъ!.. Мало мнѣ ихъ всѣхъ видѣть ежедневно и на дежурствахъ, и на выходахъ!.. стоитъ мнѣ еще въ маскарадахъ терять время на разговоры съ ними? То есть положительно для меня загадка, какъ у такихъ милыхъ, увлекательныхъ женщинъ, какъ моя супруга и какъ была покойная матушка, всѣ фрейлины поголовно чуть не глупы!

— Но княжна Ролицына прехорошенькая...

— Ахъ, и эта невозможная Гольбергъ тоже очень хороша собой, а это не помѣшаетъ мнѣ какимъ угодно штрафомъ замѣнить повтореніе моего недавняго благополучія. И я подъ страхомъ смертной казни запрещаю тебѣ даже произносить ся имя при мнѣ! Окажи ей какое нибудь вниманіе! пошли ей что нибудь цѣнное, но разъ навсегда покончимъ съ этимъ!

Фаворитъ, почти не дослушавъ рѣзкаго замѣчанія, вздрогнулъ и порывисто коснулся руки государя.

— Ваше величество!.. вотъ она! — тихо, но внятно произнесъ онъ.

Государь въ свою очередь встрепенулся.

Мимо нихъ въ эту минуту тихо проходила, опираясь на руку полнаго и довольно неуклюжаго преображенскаго офицера, высокая и стройная маска въ черномъ домино, роскошно отдѣланномъ дорогими кружевами и съ красной гвоздикой на лѣвомъ плечѣ.

— Что за прелесть!—невольно вырвалось у государя, и онъ своимъ смѣлымъ и крупнымъ шагомъ двинулся навстрѣчу заманчивой маскѣ.

Преображенецъ почтительно стушевался, и государь подалъ руку оторопѣвшей и видимо глубоко удивленной маскѣ.

— Ты позволишь мнѣ, милая маска, обходя всѣ маскарадные законы, первому подойти къ тебѣ и предложить тебѣ руку? — любезно и почтительно произнесъ государь, почти насильно завладѣвая рукой своей собесѣдницы.

— Кому же и обходить законы, какъ не императору? — уклончивой шуткой отдѣлалась она, не рѣшаясь однако отдернуть руку, которой уже успѣлъ завладѣть государь.

— А, ты—революціонерка?—разсмѣялся императоръ.

— Революціонерка? Почему?

— Потому что смѣло критикуешь мои поступки.

— Я не критикую, а напротивъ отстаиваю прерогативы вашей власти. Я мало знакома съ законными размѣрами этой власти... Я—совсѣмъ плохой законовѣдъ!..

— Но зато прелестный собесѣдникъ!—разсмѣялся государь, поворачивая въ боковую аллею вмѣстѣ съ маской, рукою которой онъ окончательно овладѣлъ.

— Куда мы идемъ?—слегка пріостановилась она.

— А ты боишься?—спросилъ государь.

— Нѣтъ,—спокойно отвѣтила она,—я не изъ робкихъ!

— Въ такомъ случаѣ дойдемъ вотъ до того павильона, это—мой любимый уголокъ. Кромѣ того здѣсь мы не будемъ предметомъ любопытнаго вниманія и не будемъ у всѣхъ на виду!

— Мнѣ кажется, что вы, ваше величество, будете равно на виду на всѣхъ пунктахъ гулянья!—смѣло засмѣялась маска.

— Здѣсь нѣтъ ни величества, ни мѣстоименія „вы“,—замѣтилъ государь.—Это противно маскараднымъ законамъ!.. Здѣсь всѣ равны!..

— Опять „законы“! — пожимая плечами, вновь разсмѣялась маска.—Но разъ здѣсь дѣйствительно всѣ равны, то я желаю воспользоваться этимъ правомъ равенства, и разъ вы, ваше величество, нарушили маскарадныя узаконенія и сами подошли къ маскѣ, которая васъ не выбирала, то и я имѣю право нарушить ихъ и, отвергнувъ фамильярное и совершенно недопустимое, по-моему, мѣстоимѣніе „ты“, говорить съ вами такъ, какъ я говорила бы съ вами безъ маски.

— Вы непремѣнно хотите этого, княгиня?—спросилъ государь, нагибаясь къ своей собесѣдницѣ и стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Непремѣнно, ваше величество!..

— Повинуюсь!.. Тѣмъ болѣе охотно повинуюсь, что съ открытыми картами играть и вѣрнѣе, и удобнѣе.

Княгиня Софья Карловна Неовицкая — это была она—промолчала.

Въ эту минуту они подошли къ ступенькамъ павильона, и государь, усадивъ свою собесѣдницу на одной изъ нихъ, самъ помѣстился ступенькой ниже, что давало ему возможность видѣть свою собесѣдницу всю и явственно и отчетливо слѣдить за каждымъ ея жестомъ.

— Вы получили мое письмо, княгиня?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Письмо я получила, но не знала, что оно написано вами, ваше величество.

— Оно и въ дѣйствительности написано было не мной лично, а только по моему повелѣнію. А вамъ оно было непріятно?

— Нѣтъ, оно просто удивило меня!.. Я положительно не выѣзжаю, почти ни съ кѣмъ не знакома, и мнѣ было непонятно, кому и на что можетъ быть нужно мое присутствіе на этомъ маскарадѣ.

— Теперь вы знаете и видите, что оно было нужно мнѣ, княгиня!

— На что, ваше величество?..

— На то, чтобы еще разъ сказать вамъ, что ни одна изъ посторонних мнѣ женщинъ не производила на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какое произвели вы.

— Почтительно сожалѣю о томъ, что не могу отвѣтить

вамъ, ваше величество, тѣмъ же! — смѣло отвѣтила молодая женщина голосомъ, въ которомъ звучали досада и оскорбленіе.

Государь поднялъ голову и произнесъ:

— Я не люблю, чтобы меня оскорбляли, княгиня!

— Я тоже не люблю этого, ваше величество!..

— Выраженіе искренней и непритворной любви—не оскорбленіе!..

— Да, но тогда только, когда оно высказывается законной женѣ или...

— Или?..

— Или любящей женщинѣ, ваше величество? А я русской короны не ношу и никогда пылкой любви къ вамъ, ваше величество, ни предъ кѣмъ не исповѣдывала!

Голосъ молодой женщины при этихъ словахъ прозвучалъ такъ бойко и смѣло, въ немъ послышалось столько мощной силы, что императоръ Николай Павловичъ почти вздрогнулъ.

— Вы такъ горячо любите своего мужа, княгиня?—спросилъ онъ, стараясь придать спокойную интонацію голосу.

— Нѣтъ, своего мужа я совершенно разлюбила, да и не могу сказать, чтобы когда нибудь серьезно любила его!—прямо и откровенно отрѣзала Софья Карловна..

— Но... то, что предшествовало вашему замужеству...

— То, что предшествовало моему замужеству, ваше величество, касается лично меня, и только одной меня! Я поступила дурно, но виновата я только предъ собой и несчастьемъ цѣлой жизни осуждена искупать свою горькую ошибку.

— Вы напрасно такъ горячо приняли мои слова!.. Я не упрекнуть васъ хотѣлъ... Но неужели,—перемѣнилъ тему государь,—вы думаете, что вамъ, молодой, красивой, окруженной поклоненіемъ толпы, удастся всю жизнь прожить безъ любви и увлеченія?

— Этого я не знаю!—задумчиво отвѣтила Несвицкая.—Но я знаю только то, что если я когда нибудь полюблю, то смѣло и прямо скажу объ этомъ своему мужу и прямо, открыто и навсегда оставлю его домъ!

— Это будетъ болѣе смѣло, нежели благоразумно, княгиня! Вашъ мужъ навѣрное не согласится на это!.

— Да я и не спрошу его согласія!.. Я увѣдомлю его о своемъ рѣшеніи и исполню это рѣшеніе прямо и открыто.

— Но это будетъ противно всѣмъ законамъ.

— Я уже имѣла случай сказать вамъ, ваше величество, что я—плохой законовѣдъ!

— Но... если вы допускаете возможность увлеченія...

— Кто же гарантированъ отъ него, государь?

— Гдѣ же вы будете искать предметъ этого увлеченія?

— Я не буду искать его, государь; напротивъ, я стану всѣми силами избѣгать его; но, разъ оно охватитъ меня всю и поработитъ меня, я покорюсь ему, какъ неизбѣжной и мощной силѣ, и даже бороться противъ него не стану!..

— И... сдадитесь предъ этимъ увлеченьемъ безъ борьбы и безъ раскаянія?

— Я ни предъ чѣмъ не останавливаюсь, ваше величество. Я доказала это тѣмъ прошлымъ, которымъ вы такъ смѣло упрекнули меня, и ни въ чемъ не раскаиваюсь, что я доказываю своей настоящей жизнью подлѣ мужа, котораго я ни любить, ни уважать не могу!..

— И вы прямо и смѣло пойдете къ избраннику своего сердца, княгиня?

— Прямо и смѣло, предъ лицомъ цѣлаго свѣта, ваше величество!..

— Но чѣмъ же можно достигнуть такого лестнаго и счастливаго избранія? Что надо сдѣлать, чтобы пробудить въ васъ любовь и страсть?

— Надо понравиться мнѣ, государь!—спокойно, съ легкимъ оттѣнкомъ вызывающей насмѣшки произнесла молодая женщина.

— И никто изъ тѣхъ, съ кѣмъ до сихъ поръ сталкивала васъ судьба, не могъ и не умѣлъ „понравиться" вамъ?—пристально взглядывая на нее снизу вверхъ, проскандировалъ императоръ.

— Никто, ваше величество!—спокойно и холодно отвѣтила княгиня.

Государь всталъ и, гордо выпрямляясь, подалъ ей руку. Она оперлась на его руку, чтобы сойти со ступеньки.

— Это — ваше послѣднее слово, княгиня? — вкрадчивымъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ спросилъ государь, чувствуя на своей рукѣ ея спокойную, ни раза не дрогнувшую руку.

— Послѣднее и рѣшительное, ваше величество!—твердо и спокойно произнесла Софья Карловна, какъ бы поддразнивая его своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Они молча сдѣлали нѣсколько шаговъ и на поворотѣ аллеи разомъ врѣзались въ залитую огнями, пеструю толпу.

Навстрѣчу имъ неслись аккорды одного изъ дивныхъ вальсовъ; вокругъ нихъ немолчнымъ гуломъ волновалась веселая толпа, и только они одни подвигались впередъ молчаливые, сосредоточенные, окончательно порѣшившіе серьезный жизненный вопросъ...

— Я не забуду ни этого вечера, ни этого разговора, кня-

тиня!—твердымъ, властнымъ голосомъ произнесъ императоръ, въ послѣдній разъ близко нагибаясь къ плѣнительному личику своей собесѣдницы.

Софья Карловна подняла голову, пристально взглянула на государя изъ-подъ густыхъ складокъ своей черной маски и смѣлымъ и вызывающимъ тономъ сказала:

— А я напротивъ навѣрное забуду его, ваше величество! Я вообще хорошей памятью не отличаюсь... это — одинъ изъ моихъ крупныхъ недостатковъ!

XI.

Тяжкая утрата.

Маскарадъ, вполнѣ удавшійся какъ въ смыслѣ веселья и оживленія, въ лицахъ, близко стоявшихъ ко двору, не оставилъ особенно пріятнаго впечатлѣнія. Государь уѣхалъ, видимо чѣмъ-то недовольный, и всѣ замѣтили, что это недовольство обнаружилось тотчасъ послѣ его бесѣды съ какой-то маской.

Кто была эта таинственная маска, такъ смѣло прогнѣвавшая государя, могъ знать только его другъ и любимецъ, все время стоявшій въ началѣ той аллеи, въ которую удалился императоръ, и словно сторожившій тайну царской интимной бесѣды. Однако онъ никогда никому не выдавалъ извѣстныхъ ему тайнъ и всѣ придворные, на этотъ разъ приравнявшіеся къ любопытнымъ женщинамъ въ желаніи развѣдать послѣднія обстоятельства на маскарадѣ, терялись въ безплодныхъ догадкахъ.

Пріятнаго впечатлѣнія изъ своего выѣзда въ свѣтъ не вынесла и молодая княгиня Софья Карловна. Пріѣхавъ на слѣдующій затѣмъ день къ матери, она готовилась откровенно подѣлиться съ ней, разсказать ей все случившееся съ ней, но застала ее настолько больной и быстро ослабѣвшей отъ внезапнаго приступа сильной боли, что, забывъ обо всемъ, поспѣшила послать за докторомъ.

Больная еще съ вечера почувствовала приступъ сильной лихорадки, но, не желая никого тревожить, не приняла никакихъ мѣръ; она надѣялась, что ознобъ, въ послѣднее время часто тревожившій ее, пройдетъ безслѣдно самъ собой. Но утромъ она почувствовала себя значительно хуже и даже согласилась бы на увѣдомленіе и вызовъ дочери, если бы не ждала сама къ себѣ княгини и не знала, что та непремѣнно пріѣдетъ подѣлиться съ ней вынесенными впечатлѣніями.

Къ пріѣзду Софьи Карловны жаръ у генеральши Лешернъ усилился настолько, что она уже съ трудомъ подняла голову отъ подушки, чтобы поздороваться съ дорогою гостьей, и за-

тѣмъ быстро заснула крѣпкимъ и тяжелымъ сномъ, почти граничившимъ съ безпамятствомъ.

Перепуганная княгиня тотчасъ же послала за докторомъ, но его визитъ принесъ съ собой мало утѣшительнаго. Медикъ констатировалъ наличность сильной простуды, осложненной нервнымъ разстройствомъ; будучи далекъ отъ тѣснаго знакомства съ условіями домашней жизни старой генеральши, онъ заботливо освѣдомился, не разстроилась ли больная чѣмъ либо, и посовѣтовалъ по возможности удалить причину такого сильнаго нервнаго разстройства.

Княгиня выслушала его молча и порѣшила остаться при матери, черезъ посланнаго увѣдомивъ князя Алексѣя Яковлевича о томъ, что она останется при матери до ея полнаго выздоровленія. Она почти надѣялась на это выздоровленіе, и что-то тяжелое, безотчетно налегшее ей на душу, грозило ей близкимъ большимъ, невыносимымъ горемъ.

Окруженкая искусными попеченіями нѣсколькихъ приглашенныхъ докторовъ и заботливымъ уходомъ дочери и нарочно приглашенной сидѣлки, Елена Августовна какъ будто легче переносила свою болѣзнь. Она чаще просыпалась отъ своего тяжелаго, непробуднаго сна и чаще узнавала дочь. Въ эти минуты умственнаго и нравственнаго просвѣтлѣнія она спѣшила наглядѣться на нее, не выпускала ея рукъ изъ своихъ горячихъ, сухихъ рукъ и, осѣняя ее крестнымъ знаменіемъ, съ любовью шептала что-то, роняя рѣдкія и крупныя слезы на ея склоненную предъ ней головку.

Князь Алексѣй Яковлевичъ не только не препятствовалъ женѣ проводить все время у матери, но напротивъ безпрестанно присылалъ спеціальныхъ посланцевъ, чтобы узнать о ходѣ ея болѣзни, или самъ заѣзжалъ освѣдомляться объ этомъ и съ несвойственной ему заботой доставлялъ въ домъ тещи все, въ чемъ могла нуждаться молодая княгиня. По его совѣту въ Петербургъ вслѣдъ за своей молодой барыней переселилась камеристка княгини Софьи Карловны, привычная къ уходу за ней и способная быть помощницей ей въ уходѣ за больной.

Княгиня чувствовала это вниманіе мужа, сознавала его и была благодарна за него настолько, насколько чувство благодарности по адресу нелюбимаго мужа могло найти мѣсто въ ея непокорномъ сердцѣ.

Больная ни раза не вспомнила о зятѣ и ни раза не произнесла его имени; только когда княгиня однажды, вслѣдствіе настоятельной просьбы мужа, спросила мать, можетъ ли князь навѣстить ее старая генеральша какъ бы вздрогнула и тихо сказала:

— Не надо!..

Видимо и на краю гроба она не могла и не хотѣла простить ему то горе, какое онъ внесъ въ ея угасавшую жизнь.

До государя черезъ его фаворита дошло извѣстіе о болѣзни старой генеральши, и онъ, какъ всегда великодушный, прислалъ къ ней своихъ личныхъ докторовъ, поручивъ имъ сдѣлать для больной все то, что сдѣлали бы они въ случаѣ личной его болѣзни. Но всякая помощь была уже несвоевременна, и лейбъ-медикъ Рюль, проведшій нѣсколько часовъ сряду у постели больной, на вопросъ государя категорически заявилъ, что на выздоровленіе генеральши Лешернъ нѣтъ никакой надежды и что рокового исхода слѣдуетъ ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени. Сказать это ея дочери онъ не рѣшился. Онъ глубоко понималъ, какъ тѣсно связаны между собой эти два существованія.

А болѣзнь между тѣмъ все прогрессировала и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Больная уже не принимала почти никакой пищи, и по цѣлымъ днямъ молчала, лежа съ закрытыми глазами и оставляя окружавшихъ ее въ сомнѣніи о томъ, спитъ она или впала въ полное безпамятство.

Такъ прошла недѣля, долгая, мучительная недѣля, показавшаяся несчастной, измученной княгинѣ чуть не цѣлымъ вѣкомъ.

Наконецъ Рюль, неоднократно обмѣнивавшійся съ больною нѣсколькими нѣмецкими фразами и въ виду чистоты ея произношенія сомнѣвавшійся въ національности больной, носившей къ тому же еще и нѣмецкую фамилію, осторожно освѣдомился, къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ умирающая.

При этомъ вопросѣ княгиня Софья Карловна поблѣднѣла какъ смерть. Она понимала его роковое значеніе.

— Какъ? развѣ опасность такъ велика?—дрогнувшимъ голосомъ спросила она.

Рюль прямо взглянулъ въ ея нервное, выразительное лицо и, сразу понявъ, какую мощную силу скрывала подъ собой эта съ виду хрупкая, красивая оболочка, прямо и смѣло отвѣтилъ:

— Да, княгиня, жизнь вашей матушки клонится къ концу; нужно чудо, чтобы спасти ее или отдалить роковой моментъ. Медицина въ своемъ распоряженіи такихъ средствъ не имѣетъ, остается прибѣгнуть къ вѣрѣ. И вотъ поэтому-то я спросилъ васъ, какую религію исповѣдуетъ больная.

— Матушка православная, — твердымъ голосомъ отвѣтила княгиня, какъ будто вся воспрянувшая подъ страшнымъ гнетомъ выслушанныхъ роковыхъ словъ.

Опытный глазъ царскаго медика не ошибся. Хрупкій организмъ молодой женщины нашелъ себѣ подкрѣпленіе въ сознаніи надвигавшейся страшной грозовой тучи.

Больная мужественно выслушала предложеніе послѣдняго предсмертнаго напутствія, благоговѣйно встрѣтила прибывшаго къ ней пастыря духовнаго, и, послѣ краткой, но совершенно сознательной исповѣди, благоговѣйно приняла утѣшительное таинство св. причащенія. Она какъ будто уже вся заранѣе ушла въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни горя, ни печали людской, и тихо отошла въ вѣчность, успѣвъ только при наступленіи краткой и почти безболѣзненной агоніи благословить дочь и, положивъ обѣ руки на ея склоненную, какъ смерть блѣдную головку, тихо, но внятно проговорить:

— Молись... не горюй... не плачь!.. Дай мнѣ спокойно уйти... Тамъ меня ждетъ твой святой памяти отецъ... Тамъ меня вѣчный покой ждетъ... Я устала... Мнѣ надо отдохнуть, а твое горе мѣшаетъ мнѣ уснуть... Прости, если можешь простить... Не мсти никому и молча отойди, когда не хватитъ силъ бороться... И месть, и судъ—Божье дѣло и Божье право; намъ это не дано... Прощай... Молись! — въ послѣдній разъ тихо повторила она и послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ, прерывистыхъ вздоховъ тихо отошла въ вѣчность.

Горю, охватившему молодую княгиню, не было ни границъ, ни выраженія. Она какъ бы вся замерла и, блѣдная какъ смерть, безъ кровинки въ лицѣ по цѣлымъ часамъ стояла у гроба, молча всматриваясь въ дорогое неподвижное лицо и словно прислушиваясь къ навѣки замолкнувшему дорогому голосу.

Не только громко рыдать и сокрушаться, какъ это дѣлаютъ всѣ,—она даже плакать не могла, и усердно наблюдавшіе за нею доктора дѣлали всевозможныя усилія къ тому, чтобы заставить ее заплакать. Увы! это не удалось имъ ни въ церкви во время отпѣванія, ни въ страшный моментъ послѣдняго прощанія съ покойницей.

Софья Карловна при всемъ присутствовала и исполняла всѣ обряды холодно, спокойно, какъ будто и она умерла вмѣстѣ съ матерью, и только въ силу инерціи, какъ манекенъ, двигалась и говорила, мертвымъ призракомъ врѣзываясь въ толпу живыхъ. Только при глухомъ звукѣ первой горсти земли, ударившейся о крышку гроба, она вздрогнула и громко вскрикнула, какъ будто ей лично, на ея живую грудь упалъ этотъ тяжелый комъ земли, ударившійся о холодную крышку гроба.

Когда могила была задѣлана и сверхъ свѣжей насыпи пестрой пахучей горою выросли возложенные на гробъ покойной

вѣнки, княгиня нагнулась къ завѣтному холмику и, блѣдной, дрожащей рукою взявъ ярко-пунцовую розу, приколола ее къ груди. И страннымъ, кровавымъ, почти зловѣщимъ заревомъ яркаго пожара выдѣлился этотъ веселый, улыбающійся цвѣтокъ изъ-подъ тяжелыхъ складокъ траурнаго чернаго крепа и еще ярче оттѣнилъ мертвенно-блѣдное, почти не живое лицо осиротѣвшей молодой красавицы.

Вѣнковъ на гробъ генеральши Лешернъ была прислана и привезена масса. Тутъ были и пышный дорогой вѣнокъ отъ царской фамиліи, и анонимный крестъ изъ крупныхъ бѣлыхъ розъ. Тутъ былъ и большой осѣненный лаврами вѣнокъ, на широкихъ бѣлыхъ лентахъ котораго черными буквами стояло: „Вдовѣ доблестнаго героя, обезсмертившаго славу русскаго оружія, почтительное приношеніе отъ общества гвардейскихъ офицеровъ“; тутъ былъ и граціозный вѣнокъ, весь составленный изъ однѣхъ бѣлыхъ лилій, съ широкой бѣлой лентой, на которой золотомъ было написано: „Незабвенной вдовѣ свѣтлой памяти безсмертнаго героя, отъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка“, и рядомъ со всѣми этими настолько же трогательными, насколько лестными и тактичными приношеніями, красовался огромный вѣнокъ изъ самыхъ яркихъ розъ, съ коротенькой надписью: „Отъ зятя“, что на нѣкоторыхъ равнодушныхъ лицахъ не могло не вызвать неудержимой улыбки сожалѣнія.

Софья Карловна спокойно и стойко пробыла у могилы матери до окончанія послѣдней работы по временной ея отдѣлкѣ, спокойнымъ и ровнымъ шагомъ направилась затѣмъ къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены экипажи, и только въ воротахъ кладбища, пріостановившись на минуту и прощальнымъ взглядомъ оглянувшись въ ту сторону, гдѣ виднѣлась яркая горка свѣжихъ и ароматныхъ цвѣтовъ,—вздрогнула и молча, безъ стона, безъ крика, упала безъ памяти на кладбищенскіе мостки. Она упала разомъ, какъ падаетъ срубленное подъ корень дерево, какъ гнется и падаетъ косою скошенный цвѣтокъ, и навѣрное сильно разбилась бы, если бы ея во-время не поддержала сильная рука человѣка, все время зорко слѣдившаго за ней, не спускавшаго полнаго участія взгляда съ ея убитаго горемъ лица...

Княгиня очнулась черезъ двѣ недѣли послѣ погребенія матери, вся обезсиленная, ослабѣвшая отъ долгой и мучительной болѣзни, отъ которой ее спасли только молодыя силы да зоркій и умѣлый уходъ лучшихъ докторовъ, ежедневно посѣщавшихъ ее по личному приказанію императора и императрицы.

Не весело было пробужденіе молодой женщины; не отрадно

было для нея сознаніе, что она спасена и что ей впереди предстоитъ еще долгая жизнь. Жить одной, безъ родной, дорогой души, съ которой она сжилась и сроднилась всѣми фибрами своей любящей души, своего любящаго, преданнаго сердца, было крайне трудно, безотрадно и казалось ей даже совершенно безполезнымъ.

На своемъ столѣ она нашла груду визитныхъ карточекъ и узнала отъ камеристки, ни на минуту не отходившей отъ нея, что притокъ посѣтителей, спѣшившихъ узнать о ея здоровьѣ, былъ такъ великъ, что, по распоряженію докторовъ, былъ наглухо закрытъ парадный подъѣздъ и снятъ былъ колокольчикъ въ передней. Та же камеристка не безъ гордости и не безъ удовольствія сообщила ей, что изъ дворца присылали черезъ день узнавать о ея здоровьѣ и что великій князь Михаилъ Павловичъ три раза самъ заѣзжалъ узнать о ходѣ болѣзни и приказалъ тотчасъ же увѣдомить его, когда больная будетъ въ состояніи сама принять его.

Это послѣднее сообщеніе тронуло больную больше всего остального. Великій князь любилъ ея дорогую покойницу, онъ вмѣстѣ съ ней благословлялъ ее въ день ея злополучнаго брака, и онъ самъ лично—Софья Карловна помнила это какъ во снѣ—возложилъ вѣнокъ на ея гробъ.

Князь Алексѣй Яковлевичъ Несвицкій наравнѣ съ чужими только издали освѣдомлялся о женѣ и просилъ докторовъ сказать ему, когда онъ можетъ войти къ ней, не слишкомъ сильно обезпокоивъ ее.

Медикамъ, лечившимъ интересную больную, житейскій опытъ подсказалъ, что свиданіе съ мужемъ не придастъ больной ни силы, ни здоровья, а скорѣе далеко не благотворно повліяетъ на ея общее состояніе, и потому, прежде чѣмъ отвѣтить князю, они справились съ желаніемъ самой больной.

Не много проницательности понадобилось имъ, чтобы уразумѣть, что отдаленіемъ встрѣчи съ мужемъ они не огорчатъ ея, а потому они посовѣтовали князю отложить свиданіе съ больной до ея полнаго выздоровленія.

Несвицкій не особенно сильно протестовалъ противъ этого, потому что въ послѣднее время онъ совсѣмъ вошелъ въ свою прежнюю жизнь и вліяніе его недостойной избранницы, Кати Шишкиной, сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, сказывалось надъ нимъ.

Князь игралъ, причемъ его игра и проигрыши происходили исключительно въ домѣ Шишкиной, и только слѣпой могъ бы не видать и не понять той роли, какую эта петербургская Фрина играла во всей этой недостойной комедіи. Онъ, этотъ

несчастный, безхарактерный человѣкъ, даже пить понемногу привыкалъ, и даже старая княгиня Несвицкая, которая отъ его вторично командированнаго въ Петербургъ дядюшки узнала о недостойной пассіи сына, начала слегка безпокоиться и, узнавъ о серьезной болѣзни своей невѣстки, письменно предупредила сына о томъ, чтобы въ случаѣ смерти жены, онъ немедленно взялъ отпускъ и пріѣхалъ домой, въ Москву, гдѣ, по ея увѣренію, его ждала уже приготовленная для него блестящая и богатая партія.

Старая княгиня была права; она дѣйствительно словно подслушала жившую въ душѣ ея сына тайную мечту надѣть княжескую корону на плебейскую голову слишкомъ нелестно извѣстной Кати Шишкиной.

Но судьба спасла гордую старуху отъ такого тяжкаго для нея униженія. Софья Карловна выздоровѣла и, окончательно оправившись отъ болѣзни, сдѣлалась еще красивѣе, еще плѣнительнѣе прежняго.

Первый замѣтилъ это самъ Несвицкій, но встрѣтилъ за эту правдивую оцѣнку такой презрительный отпоръ со стороны жены и такую безцеремонную взбучку отъ своей ни надъ чѣмъ не задумывавшейся сожительницы, что это надолго отбило у него охоту ко всякимъ попыткамъ снова увлечься женою.

А жизнь между тѣмъ шла своимъ чередомъ и помимо тяжкаго гнета свалившагося на нее горя, предъ осиротѣвшей княгиней встала еще забота о средствахъ къ жизни, значительно убавившихся съ кончиной матери; послѣдняя получала послѣ мужа довольно солидную пенсію и тратила ее почти всю цѣликомъ на дочь.

Правда, по вскрытіи духовнаго завѣщанія умершей генеральши Лешернъ оказался еще маленькій капиталъ, о существованіи котораго при жизни матери княгиня Софья Карловна не подозрѣвала, но болѣзнь внесла въ ея скромный бюджетъ такую солидную брешь, что послѣ расплаты со всѣми сдѣланными долгами не оставалось почти ничего, и приходилось серьезно призадумываться надъ дальнѣйшей жизнью.

На мужа у княгини не было никакой надежды; она знала, что получить отъ него нечего. Но на выручку ей на этотъ разъ, какъ и всегда, явился ея добрый геній, великій князь Михаилъ Павловичъ: онъ прислалъ къ Софьѣ Карловнѣ своего адъютанта Остенъ-Сакена объявить ей, что за нею временно оставлена пенсія, которую получала ея мать за заслуги своего мужа.

Слово „временно“ уменьшало и цѣну, и значеніе этой монар-

шей милости, но на первое время и это было спасеніемъ для медленно выздоравливавшей молодой, осиротѣвшей красавицы.

Оправившись настолько, чтобы принять и лично отблагодарить всѣхъ навѣщавшихъ ее во время ея тяжкой болѣзни, княгиня, просматривая оставленныя у нея въ пріемной карточки, остановила свое вниманіе на нѣсколько разъ повторившейся карточкѣ съ фамиліей, до того времени совершенно неизвѣстной ей. Это была фамилія флигель-адъютанта Бетанкура, о которомъ, какъ она припоминала, она какъ-то слышала разговоръ по поводу его назначенія, но котораго она, сколько ей удалось припомнить, никогда въ глаза не видала.

Спрошенная по этому поводу камеристка объяснила княгинѣ, что этотъ красивый военный господинъ былъ тотъ самый, который привезъ ее въ обморокѣ съ кладбища въ день погребенія, и прибавила, что онъ навѣщалъ больную и справлялся о ходѣ болѣзни усерднѣе и аккуратнѣе всѣхъ остальныхъ.

Это вниманіе совершенно чужого ей человѣка глубоко тронуло княгиню, а воспоминаніе о томъ моментѣ, когда онъ на краю могилы матери впервые подошелъ къ ней, образовало между ними какъ будто какую-то тайную связь; вслѣдствіе этого Софья Карловна, отбирая карточки тѣхъ лицъ, которыхъ она желала видѣть при первомъ ихъ посѣщеніи, отмѣтила однимъ изъ первыхъ и незнакомаго ей Бетанкура.

Онъ явился въ числѣ первыхъ, и впечатлѣніе, произведенное имъ на княгиню, было вполнѣ благопріятно.

Бетанкуръ не былъ красавцемъ въ строгомъ и вульгарномъ значеніи этого слова. У него не было той правильности линій, какой отличались лицо Несвицкаго, ни той могучей страсти, какой дышало лицо „цыгана" Ржевскаго, ни той полуженской миловидности, какой улыбалось лицо молоденькаго Тандрена, но въ немъ была своя особенная вкрадчивая прелесть, что-то манящее и чарующее, что покоряло ему не мало сердецъ и что не прошло незамѣтнымъ и для княгини Софьи Карловны.

Она привѣтливо встрѣтила красиваго флигель-адъютанта, пригласила его навѣщать ее въ свободныя минуты, не отказалась отъ его услугъ для прінсканія ей квартиры въ Петербургѣ, и когда онъ, привезя ей адресъ разысканной имъ квартиры, смѣясь сознался, что послѣдняя въ его глазахъ имѣетъ то достоинство, что помѣщается очень близко отъ его дома, княгиня съ чарующей улыбкой отвѣтила, что и въ ея глазахъ это—неоспоримое достоинство.

Въ городъ княгиня перебралась вскорѣ, какъ только ей

было рѣшено безпрепятственно выѣзжать и заниматься дѣлами несложнаго хозяйства. Несвицкому была заботливо отведена небольшая, но свѣтлая и довольно красивая комната, совершенно отдѣленная отъ той части квартиры, гдѣ помѣщались личные аппартаменты княгини, но онъ со своимъ обычнымъ лѣнивымъ спокойствіемъ примирился съ этимъ остракизмомъ и даже безтактно подшутилъ надъ своимъ „вдовствомъ“.

Впрочемъ дома онъ бывалъ все рѣже и рѣже и чуть не открыто переѣхалъ къ Шишкиной, которая все сильнѣе и сильнѣе помыкала имъ и у которой онъ чуть не на посылкахъ состоялъ.

Софья Карловна знала обо всемъ этомъ; до нея стороной доходили слухи обо всѣхъ уклоненіяхъ ея мужа отъ законовъ свѣта и приличій, но она обращала на все это все меньше и меньше вниманія.

Съ переѣздомъ въ городъ она чуть не ежедневно навѣщала могилу матери и эта близость къ дорогой могилѣ воскресила въ ней все горе вѣчной разлуки, весь непоправимый ужасъ понесенной потери.

Княгиня, совершенно никуда не выѣзжавшая по случаю строго соблюдаемаго траура, съ наступленіемъ зимняго сезона стала изрѣдка принимать у себя гостей, и такъ какъ она сама была хорошей музыкантшей, то у нея составлялись маленькіе музыкальные вечера, очень охотно посѣщаемые многими артистами. Кругъ знакомыхъ княгини былъ очень тѣсенъ и ограниченъ, и попасть на ея интимные вечера было очень трудно; тѣмъ болѣе цѣнилась возможность проникнуть на нихъ и получить приглашеніе молодой хозяйки, нелюдимость которой приписывали ея гордости и заносчивости.

Многіе, поверхностно посвященные въ тайну того интереса, который питалъ къ ней императоръ, и не хотѣвшіе вѣрить въ возможность ея упорнаго отказа отъ счастья сближенія съ такимъ поклонникомъ, какъ государь Николай Павловичъ, подъ рукой распускали слухи, что Несвицкая только притворяется „тихоней“ и недоступной, а что на самомъ дѣлѣ она пользуется всѣми выгодами своего положенія.

Иные вѣрили этимъ разсказамъ, другіе опровергали ихъ, но всѣ сходились на томъ, что такъ упорно отказаться отъ избранія, какимъ удостоилъ княгиню императоръ, было невозможно и совершенно невѣроятно. По крайней мѣрѣ до княгини Несвицкой еще никогда не было ни подобнаго примѣра, ни подобнаго отказа.

Предъ праздникомъ Пасхи князь Алексѣй Яковлевичъ взволнованно почти вбѣжалъ въ комнату жены и объявилъ ей,

что подалъ прошеніе объ отпускѣ и что они на-дняхъ уѣзжаютъ въ Москву.

— Надо торопиться, — суетливо прибавилъ онъ,—надо къ пасхальной заутрени въ Москву поспѣть.

— Кому?—съ недоумѣніемъ спросила его Софья Карловна.

— Ахъ, Боже мой, да намъ!.. Что это вы ничего не понимаете?..

— Нѣтъ, я понимаю, что вы собрались въ Москву, но, кто еще съ вами ѣдетъ и почему вы говорите „мы", въ это вы меня не посвятили.

— Какъ кто ѣдетъ?.. Да вы конечно! — тономъ глубокаго изумленія произнесъ князь.

Она гордо подняла голову и спросила:

— Кто-жъ это вамъ сказалъ, что я тоже собираюсь въ Москву?

— Какъ „кто сказалъ"? Я получилъ письмо отъ матушки. Она приказала мнѣ непремѣнно пріѣзжать къ Пасхѣ и привезти васъ съ собой.

— Ваша матушка можетъ приказывать вамъ все, что ей угодно, и вамъ дѣлаетъ честь то рабское послушаніе, съ какимъ вы исполняете ея приказанія. Но моя воля ей не подчинена, я въ Москву не собиралась и не поѣду...

— Какъ не поѣдете?—воскликнулъ князь тономъ такого невыразимаго удивленія, что у Софьи Карловны даже улыбка на лицѣ показалась.—Какъ не поѣдете?.. Вѣдь маманъ приказала!

— Мнѣ она ровно ничего приказать не можетъ и навѣрное даже не рѣшится.

— Нѣтъ, она прямо такъ и написала, чтобы я васъ привезъ.

— Ну, а вы отвѣтьте ей, что меня „привезти" нельзя, что я могу только сама пріѣхать, если пожелаю этого, но что въ данную минуту я такого желанія отнюдь не ощущаю...

— Вы и сами съума сошли, и меня съума сведете!—почти съ отчаяніемъ воскликнулъ Несвицкій, выбѣгая изъ комнаты.

Онъ успѣлъ хорошо понять характеръ жены и видѣлъ, что ни разубѣдить, ни подчинить ее своей волѣ ему не удастся; а между тѣмъ мысль о томъ, чтобы не исполнить даннаго старой княгиней приказанія, тоже не умѣщалась въ его немудрой головѣ.

— Господи, какъ мнѣ все не удается съ женщинами!—въ отчаяніи воскликнулъ онъ, вбѣгая къ себѣ въ комнату и въ вырвавшемся у него восклицаніи соединяя одновременно и свою законную, всѣми уважаемую жену, и свою всѣми равно презираемую незаконную пассію, наглую гетеру Екатерину Шишкину.

XII.

Предъ лицомъ исторіи.

Князю Несвицкому такъ и не удалось уговорить жену, и онъ уѣхалъ въ Москву одинъ, а оттуда въ гнѣвномъ и очевидно подъ чужой диктантъ написанномъ письмѣ увѣдомилъ ее, что его встрѣтили дома строгимъ выговоромъ за неисполненіе родительскаго приказанія и что онъ со своей стороны дѣлаетъ выговоръ женѣ за то, что она подвела его подъ родительскій гнѣвъ.

„Быть можетъ, у Васъ, въ Вашемъ демократическомъ мірѣ, такой взглядъ на семейныя отношенія и возможенъ, и доступенъ,—издали философствовалъ грозный князь,—но у насъ подобныя выходки нетерпимы, и я вытребовалъ бы Васъ сюда немедленно, если бы этому не воспротивилась маманъ, которая слишкомъ прогнѣвана Вашимъ непослушаніемъ, для того чтобы принять Васъ въ настоящую минуту въ свой домъ. Постарайтесь исправиться отъ своего своеволія, и тогда маманъ, быть можетъ, разрѣшитъ Вамъ посѣтить ее лѣтомъ, въ то время, когда я буду на маневрахъ, потому что самъ я на вторичный отпускъ не могу расчитывать, изъ боязни повредить этимъ своей блестящей служебной карьерѣ“.

Въ письмѣ такъ и стояло полными буквами „блестящей карьерѣ“, и это выраженіе такъ мало согласовалось съ правдой, что Софья Карловна, при всемъ нелестномъ мнѣніи о блескѣ и проницательности ума мужа, не могла приписать эти слова самому князю Алексѣю. Они видимо были придуманы старой княгиней, быть можетъ, въ наивности своей души и дѣйствительно вѣрившей, что ея сынъ стоитъ на блестящемъ служебномъ пути.

По первому впечатлѣнію Софья Карловна порѣшила вовсе не отвѣчать мужу, но затѣмъ передумала и отвѣтила ему сравнительно короткимъ письмомъ, оповѣщая его о томъ, что никакой вины она за собой не сознаетъ, ни о какомъ исправленіи не думаетъ и ни въ Москву, ни въ имѣніе его родителей ни лѣтомъ, ни зимой не собирается, такъ какъ эта поѣздка не представляетъ для нея ничего заманчиваго.

На этомъ переписка между мужемъ и женой на время совершенно прекратилась, и Софья Карловна такъ привыкла къ отсутствію князя и чувствовала себя безъ него такъ хорошо и спокойно, что съ искреннимъ удовольствіемъ узнала отъ его товарищей, что отъ него изъ Москвы получены свидѣтельство о болѣзни и прошеніе о продленіи срока отпуска.

Въ отсутствіе Несвицкаго его товарищи съ женами и се-

страми часто посѣщали молодую княгиню, и у нея мало-по-малу составился довольно обширный и очень дружескій кружокъ.

Душою этого кружка были особенно усердно навѣщавшій ее добрякъ Борегаръ да Бетанкуръ *), сдѣлавшійся почти ежедневнымъ посѣтителемъ Несвицкой.

Эти усердныя посѣщенія были замѣчены всѣми, но никто не искалъ въ нихъ ничего дурного, и молодую женщину, вопреки всѣмъ законамъ столичнаго злословія, даже клевета обходила.

Не обратилъ на это особаго вниманія и вернувшійся изъ Москвы князь Несвицкій, котораго начальство встрѣтило довольно строго за не въ мѣру продолжительное отсутствіе, сопровождавшееся двумя другъ за другомъ присланными свидѣтельствами о болѣзни.

Князь пользовался все меньшими и меньшими симпатіями своего прямого начальства, равно какъ и своихъ товарищей по службѣ, искренне возмущавшихся той распущенностью, какою онъ щеголялъ, смѣло бравируя всѣмъ и всѣми и открыто показываясь въ обществѣ Шишкиной.

Тотчасъ по пріѣздѣ князь Несвицкій отправился въ лагерь, на все лѣто разставшись съ женой, поселившейся въ небольшой дачѣ въ Павловскѣ.

Здѣсь княгиня попрежнему мало выѣзжала, но зато много и подолгу гуляла и особенно много ѣздила верхомъ, почти всегда сопровождаемая Бетанкуромъ, однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ гвардіи.

Царская фамилія провела въ этомъ году почти все лѣто въ Царскомъ Селѣ, и сосѣдство Царскаго Села съ Павловскомъ оказалось настолько удобнымъ для Бетанкура, что онъ тоже занялъ небольшую дачку по сосѣдству съ княгиней, которую посѣщалъ все чаще и чаще и которой видимо начиналъ серьезно увлекаться.

Свободный всѣ дни, кромѣ неособенно частыхъ дней дежурства при государѣ, Бетанкуръ имѣлъ время и читать вмѣстѣ съ княгиней, страстно любившей чтеніе и слѣдившей за всѣмъ, что появлялось новаго въ литературѣ, и въ кавалькадахъ ее сопровождать, и по вечерамъ подъ ея умѣлый аккомпаниментъ пѣть своимъ мягкимъ, въ душу просившимся голосомъ ея любимые романсы.

Лѣто въ этомъ году стояло чудное. Мертвыя бѣлыя ночи волшебнымъ призракомъ охватывали маленькую, уютную дачку княгини, нѣжно убаюкивали все шелестомъ влажной листвы,

---

*) См. «Историческій Вѣстникъ» 1910 г., книга 1-я.

окутывали все своимъ призрачнымъ туманомъ, и словно манили куда-то, опьяняя благоуханіемъ пробуждавшихся ночью цвѣтовъ.

И Софья Карловна, и Бетанкуръ иногда сидѣли долго, до зари, почти молча, боясь нарушить тотъ свѣтлый покой, который охватывалъ обоихъ, боясь произнести то отрадное и роковое слово, которое было у обоихъ и на устахъ, и въ сердцѣ.

Со дня кончины Елены Августовны прошелъ уже годъ, княгиня сняла траур, и въ цвѣтныхъ туалетахъ, свѣжая, оживленная, вся сіяя молодостью и несознаннымъ, но уже смутно предвкушаемымъ счастьемъ,—была такъ ослѣпительно хороша, что случайно увидавшій ее въ паркѣ государь едва узналъ ее.

Неостывшій капризъ сердца проснулся вновь, и онъ въ тотъ же вечеръ обратился къ великому князю Михаилу Павловичу съ вопросомъ:

— Ты давно не видалъ... этой... дочери покойнаго Лешерна?..

— Княгини Несвицкой?.. Давно!—отвѣтилъ великій князь.— Я все время такъ занятъ...

— Да я вѣдь не замѣчаніе тебѣ дѣлаю по этому поводу!— улыбнулся императоръ.—Я потому спросилъ тебя о ней, что я на-дняхъ встрѣтилъ ее въ Павловскѣ. Она гуляла, видимо по-домашнему, съ накинутымъ на голову газовымъ шарфомъ. Развѣ она въ Павловскѣ живетъ?

— Да, кажется, тамъ! Хорошенько, право, не знаю; я у нея не былъ.

— Она такъ поразительно похорошѣла, что я едва узналъ ее!

— Она и всегда была хороша!—не глядя на брата, отвѣтилъ великій князь.

— Да, но не такъ, какъ теперь. Теперь это—прямо что-то лучезарное... А ея мужъ съ ней?

— Нѣтъ, онъ въ лагерѣ. Этого я видѣлъ нѣсколько разъ.

— Въ прошломъ году она гдѣ-то около лагеря жила?

— Да, она послѣ свадьбы поселилась въ зимней стоянкѣ полка, въ Царской Славянкѣ.

— Почему-жъ она нынче тамъ не живетъ?

— Не знаю, право! Ея семейная жизнь, сколько мнѣ извѣстно, сложилась не особенно удачно, и ей нѣтъ основаній хлопотать о томъ, чтобы быть ближе къ мужу.

— Что же, онъ измѣняетъ ей или она ему?

— Нѣтъ, о ней я ничего дурного не слыхалъ. Что же касается самого Несвицкаго, то его чудеса даже измѣной назваться не могутъ!.. Это прямо-таки что-то до крайности непостижимое.

— Вѣдь самъ же ты сосваталъ ей такого жениха!—пожалъ плечами государь.

— И очень радъ, что сдѣлалъ это! Это помогло ея матери спокойно сойти въ могилу. Она ставила честь имени и репутацію дочери выше всего въ мірѣ...

— И во имя этого затянула на шеѣ дочери мертвую петлю?

— Дочь сама выбрала эту петлю. Никто не виноватъ въ этомъ.

— Ты, я замѣчаю, какъ будто недоволенъ твоею протеже или слегка разочарованъ ею?—улыбнулся императоръ.

— Да я никогда и не былъ очарованъ ею!—нехотя отвѣтилъ великій князь.

До него стороной доходили слухи о зарождавшемся романѣ молодой красавицы и элегантнаго карьериста-флигель-адъютанта, котораго великій князь ставилъ не многимъ выше Несвицкаго.

— Что-жъ, она утѣшается понемногу?—продолжалъ государь.

— Отъ чего? Отъ потери матери? Не думаю! Слишкомъ велика была потеря и слишкомъ мало времени прошло.

— А отъ измѣны мужа?

— Это никогда особенно не огорчало ея.

— Ты оставилъ ей пенсію матери?

— Да, съ твоего разрѣшенія,—отвѣтилъ великій князь.

— Но на время, а не пожизненно?

— Ты не позволилъ оставить пожизненно.

— И теперь вновь подтверждаю свое запрещеніе! Времена перемѣнчивы... Я—не сторонникъ ничего нескончаемаго.

— Пожизненная пенсія не представляетъ собой нескончаемаго явленія!

— Я говорю о предѣлахъ моей власти; смерть не отъ меня зависитъ!

Великій князь пристально взглянулъ на государя и произнесъ:

— Знаешь ли, ты порой удивительно напоминаешь мнѣ брата Константина?

— Чѣмъ это?..

— Онъ тоже, въ порывѣ властолюбія, находилъ, что власть царей недостаточно широка и что ихъ права должны были бы переходить за предѣлы гроба!

— Нѣтъ, съ тобой сегодня положительно нѣтъ возможности разговаривать!—махнулъ рукой императоръ. — Ты даже ко мнѣ придираешься!..

— Полно, братъ!.. Могу ли я и смѣю ли...

— Ну, это ужъ совсѣмъ дико! Что за слово между нами

„смѣю"?.. Мнѣ грустно, что ты „хочешь" говорить мнѣ непріятныя вещи, а „смѣешь" ты говорить все, что хочешь!..

— О, нѣтъ, далеко не все!.. Если бы я дѣйствительно считалъ себя въ правѣ все говорить...

— То что было бы?

— Я громко, смѣло и неустанно говорилъ бы тебѣ противъ тѣхъ изъ твоихъ фаворитовъ, которые своими поступками бросаютъ тѣнь и на твое царствованіе, и на самого тебя, которые потворствуютъ всѣмъ твоимъ капризамъ, преклоняются предъ всѣми твоими ошибками и помогаютъ тебѣ въ томъ, что не должно встрѣчать ни одобренія, ни поддержки.

— Да о чемъ, о чемъ именно хотѣлъ бы ты сказать?

— Ахъ, всего не перечислить!.. Но возьмемъ хотя бы мысль объ учрежденіи и утвержденіи твоего „Третьяго отдѣленія", которое мрачной страницей врѣжется современемъ въ исторію твоего царствованія.

— Что-жъ, по-твоему, дать волю всѣмъ этимъ верхоглядамъ, которые поставили себѣ задачей переформировать Россію? У нихъ мнѣ учиться прикажешь и имъ прикажешь уступать?

— Уступать самодержавный императоръ никому не долженъ и не можетъ, но между уступкой и тѣми наказаніями, до которыхъ доводитъ „Третье отдѣленіе", есть цѣлый міръ разстоянія. Не сами эти, какъ ты ихъ назвалъ, „верхогляды" ступили на тотъ ложный путь, вконецъ сгубившій ихъ. Этотъ путь былъ указанъ нашимъ покойнымъ братомъ Александромъ, который первый ступилъ на ложную стезю, первый призналъ и своимъ примѣромъ освятилъ ложный путь масонскаго ученія! Не зла желалъ онъ Россіи, за благо которой былъ готовъ положить свою державную душу... Напротивъ, онъ всецѣло заботился о ея благѣ, а между тѣмъ не изжить намъ того зла, какое посѣяли среди насъ его великодушные, но ложно направленные порывы, его благія, но ложно принятыя предначертанія! „Благословеннымъ" назвалъ народъ блаженной памяти императора Александра Перваго, но много-много тревоги внесло его благое царствованіе въ исторію Россіи!..

— Ты, стало быть, оправдываешь и враговъ родины, и бунтовщиковъ, кровью вѣрныхъ слугъ царскихъ обагрившихъ свои святотатственныя руки въ навсегда памятный мнѣ день четырнадцатаго декабря?

Великій князь поднялъ голову и, гордо выпрямившись, произнесъ:

— Нѣтъ!.. враговъ Россіи и враговъ моего государя я оправдывать не могу! Мертвыхъ я не сужу—ихъ Богъ судилъ! За живыхъ я не стоялъ и не стою, но не могу не признать,

что въ роковомъ дѣлѣ упомянутаго тобою дня было меньше сознательнаго зла, нежели несчастнаго заблужденія!.. Они не противъ царя возставали; они боролись противъ ложно понятой царской службы, и, даже рискуя твоимъ царскимъ гнѣвомъ, я все же не могу не сказать, что ты ошибочнымъ выборомъ близкихъ слугъ престола подчасъ способствуешь тому преступному озлобленію, которое продолжаетъ на святой Руси безумное дѣло, начатое въ роковой день четырнадцатаго декабря.

— Ты... слишкомъ много берешь на себя!—гнѣвно началъ императоръ.

Великій князь не далъ ему докончить.

— Казни, но выслушай! — властно произнесъ онъ.—Давно лежитъ у меня на душѣ правдивое слово... не осужденія, нѣтъ! осуждать тебя я не могу и не смѣю—я слишкомъ уважаю и слишкомъ люблю тебя для этого,—а преданной, святой, глубоко прочувствованной правды!.. Взгляни безпристрастно вокругъ себя и ты сознаешь, что ни Милорадовичей, ни Стюрлеровъ вокругъ тебя нѣтъ, а тѣ, кто окружаетъ тебя теперь, не положатъ своей жизни за твое личное благоденствіе и славу!.. Не останавливай меня, дай мнѣ договорить! Навѣрно больше никогда мнѣ не придется держать предъ тобой такую смѣлую и убѣжденную рѣчь!.. Ты можешь отвѣтить на нее своимъ гнѣвомъ, можешь снять съ меня надѣтые тобою ордена... но мое вѣщее слово ты дослушаешь до конца, и придетъ часъ въ твоей державной жизни, когда ты вспомнишь и этотъ моментъ, и этотъ разговоръ! Твоя власть велика, но пользуйся ею самъ такъ, какъ подобаетъ монарху съ сильной волей и твердымъ, непреклоннымъ умомъ!.. Я не дерзаю входить въ то, что составляетъ предметъ высшихъ предначертаній самодержавнаго владыки русской земли, я преклоняюсь предъ актами державной власти императора, но предъ близкимъ и дорогимъ мнѣ братомъ я прямо съ любовью открываю свою скорбную душу и смѣло и открыто говорю: удали отъ себя дурныхъ и порочныхъ совѣтниковъ, закрой свое ухо на ихъ льстивыя рѣчи!.. Пойми, что то, что простительно имъ, непростительно тебѣ, и вспомни, что для всѣхъ насъ за гранью жизни настанетъ только строгій судъ Божій, а надъ твоей коронованной главой встанетъ еще и строгій судъ исторіи!.. Я ничьихъ именъ не называю, никакихъ увлеченій въ вину тебѣ какъ человѣку не ставлю, но какъ императору я смѣло говорю: не слѣдуетъ тебѣ быть хоть сколько либо злопамятнымъ по отношенію къ слабой женщинѣ за то, что она не измѣнила правиламъ, внушеннымъ ей съ самаго ранняго дѣтства. Ты лично, братъ, на

это не способенъ! Я знаю это!.. Тебя подталкиваютъ на это со стороны. Удали же своихъ дурныхъ совѣтниковъ и очисти свое славное имя отъ какихъ бы то ни было, даже малѣйшихъ нареканій!..

Императоръ, все время молча выслушивавшій рѣчь брата, всталъ и, выпрямляясь во весь свой богатырскій ростъ, спросилъ, не глядя на великаго князя:

— Вы кончили, ваше высочество?.. Вы все сказали?

— Все, ваше величество! — громко и отчетливо произнесъ въ отвѣтъ Михаилъ Павловичъ.

— Хорошо! Я считаю разговоръ нашъ оконченнымъ!.. Я отвѣчу вамъ позднѣе, когда настанетъ время этому отвѣту!.. Теперь же я могу сказать вамъ только, что со скипетромъ и короной я дѣтскихъ помочей не надѣвалъ и ни въ чьихъ — слышите ли вы? — ни въ чьихъ безъ исключенія совѣтахъ и указаніяхъ не нуждаюсь! — и, молчаливымъ наклоненіемъ головы отвѣтивъ на почтительный поклонъ брата, императоръ вышелъ изъ комнаты, не подавъ руки великому князю, не обернувъ головы въ ту сторону, гдѣ его любимый меньшой братъ стоялъ грустный, блѣдный, сосредоточенный, но попрежнему бодрый и смѣлый.

Да это и понятно: въ честной и преданной душѣ Михаила Павловича жило сознаніе свято исполненнаго долга; все остальное для него отходило на второй планъ.

XIII.

Волшебная сказка.

Временная размолвка между державными братьями проскользнула почти незамѣтно. Михаилъ Павловичъ слишкомъ горячо и преданно любилъ брата, чтобы долго обходиться безъ его присутствія, государь же тоже слишкомъ привыкъ къ его близости и преданной, горячей любви.

Съ виду все пошло по-старому, но на днѣ души обоихъ остался невольный слѣдъ, какъ бы осадокъ горечи на днѣ опорожненнаго бокала.

Въ жизни молодой княгини Несвицкой тоже оказывалось мало свѣта и радости. Пропасть, отдѣлявшая ее отъ мужа, дѣлалась съ каждымъ днемъ все глубже, холодомъ вѣяло все сильнѣе, и то тяжкое одиночество, на которое обрекла себя молодая красавица, было бы совсѣмъ невыносимо, если бы надъ нею не вѣяло зарею новаго, неизвѣданнаго счастья горячей, раздѣленной любви.

Прошло порядочно времени съ момента перваго знакомства княгини съ Бетанкуромъ, и хотя между ними не было произ-

несено рѣшительнаго слова, но оба глубоко сознавали, что другъ безъ друга жизнь для нихъ немыслима и невозможна.

Софья Карловна всѣми силами избѣгала полнаго и открытаго объясненія, чувствуя и сознавая, что она будетъ безсильна предъ горячимъ словомъ любви и страсти человѣка, уже давно овладѣвшаго всей ея душой, всѣми ея завѣтными помыслами и мечтами. Но она была слишкомъ честна и пряма для того, чтобы, тайно отдаваясь страсти и принадлежа любимому человѣку, въ то же время жить подъ однимъ кровомъ съ мужемъ, хотя бы и нелюбимымъ. Двойственная роль была ей не подъ силу. Она могла сойтись съ человѣкомъ только при условіи громкаго и открытаго исповѣданія своей привязанности и даже въ положеніи любовницы хотѣла идти по жизненному пути такъ же прямо, смѣло, какъ шла въ жизни во всемъ, не притворяясь, не рисуясь и ничего не пряча подъ маской семейнаго очага.

Бетанкуръ понималъ это; онъ зналъ прямой и стойкій характеръ Софьи Карловны и не пробовалъ бороться съ ней, расчитывая на всепобѣждающее время и на силу молодой, всепокоряющей страсти.

Ждать ему было не особенно трудно. Правда, княгиня Софья Карловна нравилась ему, и свое чувство къ ней онъ согласенъ былъ даже признать серьезной любовью, но эта любовь не поглощала его всего, какъ поглощала она молодую женщину, не захватывала всего его существованія, не порабощала его воли, не туманила разума.

Ловкій и упорный карьеристъ, одаренный исключительной способностью овладѣть всѣмъ и умѣло добиться всего, онъ свою служебную карьеру ставилъ выше всего и не поступился бы ею ни для чего въ мірѣ. Поэтому онъ избѣгалъ и столкновенія съ мужемъ княгини, и ничего не имѣлъ противъ тѣхъ платоническихъ отношеній, которыя продолжали существовать между нимъ и княгиней, сознавая, что этотъ платонизмъ гарантируетъ его отъ тѣхъ неизбѣжныхъ скандаловъ, которыми въ послѣднее время очень часто иллюстрировалась жизнь его товарищей по службѣ.

Незадолго предъ тѣмъ былъ смертельно раненъ на дуэли богачъ и красавецъ Новосильцевъ. Третье отдѣленіе уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ было усердно занято разбирательствомъ скандальнаго дѣла, разгорѣвшагося въ семьѣ Эбергардовъ. Молодой красавецъ Набоковъ застрѣлился на другой день послѣ своей свадьбы. Всѣ эти громкіе скандалы вызывали не менѣе громкое неодобреніе государя, объявившаго во всеуслышаніе, что ни о какихъ столкновеніяхъ подобнаго

рода онъ не желаетъ больше слышать. Въ подтвержденіе его словъ только что былъ временно высланъ изъ Петербурга свѣтлѣйшій князь К., едва спасшійся отъ грозной мести мужа своей хорошенькой и до крайности вѣтреной возлюбленной.

Бетанкуръ принималъ все это къ свѣдѣнію и спрягалъ глаголъ „любить“ во всѣхъ наклоненіяхъ и спряженіяхъ, но на этихъ спряженіяхъ временно и оставался.

До государя, незамѣтно, но зорко прислушивавшагося ко всему, мимолетно дошелъ слухъ объ усиленномъ ухаживаніи Бетанкура, и онъ въ душѣ апплодировалъ стойкости молодой княгини, не поддававшейся искушенію. Впрочемъ онъ видѣлъ въ этомъ, помимо сдержанности и скромности молодой красавицы, еще и доказательство того, что красивый флигель-адъютантъ прямо-таки не нравится разборчивой княгинѣ.

Замѣтивъ все это, его чуткій сверстникъ и фаворитъ счелъ моментъ удобнымъ для новой смѣлой попытки. Онъ, узнавъ, что Бетанкуръ, самъ очень охотно посѣщавшій маскарады, успѣлъ понемногу пріучить къ нимъ и княгиню Софію Карловну, предложилъ государю вновь побесѣдовать съ плѣнительной и недоступной красавицей, будучи убѣжденъ въ томъ, что она въ концѣ концовъ сдастся.

Фаворитъ со всей свойственной ему ловкостью узналъ, когда именно княгиня со своимъ кавалеромъ собирается поѣхать въ маскарадъ, и заранѣе увѣдомилъ объ этомъ государя. Ни на какую отличительную подробность костюма княгини онъ на этотъ разъ указать не могъ, но для точнаго опознанія таинственной маски указалъ на присутствіе подлѣ нея ея неизмѣннаго спутника Бетанкура.

— Развѣ это ужъ такъ обязательно?—сдвинувъ брови, спросилъ государь.—Развѣ она всегда и всюду такъ открыто показывается съ нимъ?

— Не всюду, ваше величество, но въ маскарады онъ всегда сопровождаетъ ее.

По красивому и мужественному лицу императора проскользнула гнѣвная тѣнь. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что кто нибудь могъ достичь удачи тамъ, гдѣ онъ потерпѣлъ фіаско.

Въ маскарадъ государь пріѣхалъ вмѣстѣ съ фаворитомъ, и навстрѣчу къ нему тотчасъ двинулось нѣсколько видимо поджидавшихъ его масокъ.

Всегда привѣтливо и охотно откликавшійся на интересную маскарадную интригу императоръ на этотъ разъ уклонился отъ всякой маскарадной бесѣды. Онъ пристально разглядывалъ

толпу, отыскивая въ ней княгиню Несвицкую и ея неизбѣжнаго спутника.

Онъ увидалъ ихъ въ амбразурѣ большого итальянскаго окна, выходившаго на площадь и глубокой нишею врѣзавшагося между большими мраморными колоннами. Они сидѣли рядомъ, и Бетанкуръ, близко наклонившись къ своей собесѣдницѣ, задрапированной тяжелыми складками широкаго домино, смѣясь разсказывалъ ей что-то, но она слушала его почти невнимательно.

Это не ускользнуло отъ пристальнаго взора императора, и онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольнымъ тономъ замѣтилъ:

— Романомъ здѣсь не пахнетъ!

Тотъ раболѣпно усмѣхнулся. Со времени серьезной бесѣды государя съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ фаворитъ рѣже сталъ встрѣчаться съ милостивой, обращенной лично къ нему, шуткой императора.

Въ эту минуту предъ проходившимъ императоромъ почтительно вытянулся во фронтъ Несвицкій, шедшій ему навстрѣчу съ какою-то маской, громко и визгливо хохотавшей.

— И этотъ тутъ?—замѣтилъ государь.—Съ кѣмъ это онъ?..

— Тоже со своей обычной подругой... съ особой, хорошо знакомой всей гвардіи...

— Неужели у моей гвардіи такія дурныя знакомства?—пожалъ плечами государь.

Говоря это, онъ прямо направился къ сидѣвшей въ нишѣ итальянскаго окна парочкѣ и, подойдя къ ней, остановился.

— Бетанкуръ, ты мнѣ уступишь свою маску? — обратился онъ къ быстро поднявшемуся при его приближеніи флигель-адъютанту.

Тотъ почтительно откланялся и готовился стушеваться.

— Мнѣ кажется, что о подобной „уступкѣ“ надо было бы спросить меня?—смѣло и громко замѣтила княгиня Несвицкая, равно недовольная и неожиданнымъ заявленіемъ императора, и безпрекословнымъ подчиненіемъ Бетанкура.

— А ты протестуешь, маска, противъ такой перемѣны? — улыбнулся государь.

Но не успѣла Софья Карловна что либо отвѣтить на это, какъ Бетанкуръ почтительно стушевался, низко преклонивъ голову предъ государемъ; фаворитъ тоже во-время исчезъ, и княгиня поневолѣ осталась съ глазу на глазъ съ императоромъ.

— Теперь ты не откажешься дать мнѣ руку, прелестная маска?—близко нагибаясь къ ней произнесъ Николай Павловичъ.

— Моего согласія никто не спросилъ! — недовольнымъ тономъ возразила княгиня,—ни вы, ваше величество, ни мой не въ мѣру покорный кавалеръ!

— И ты, маска, сдаешься, какъ побѣжденная?

— Что сейчасъ произошло—не побѣда, государь!..

— Ты непремѣнно хочешь идти наперекоръ всѣмъ маскараднымъ законамъ?..

— Я ни одному изъ своихъ рѣшеній никогда не измѣняю!— отвѣтила Софья Карловна, гордо откидывая назадъ свою граціозную головку.

— И, что бы я ни сказалъ тебѣ, ты на все отвѣтишь мнѣ тѣмъ же, чѣмъ отвѣтила въ первый разъ?

— Я уже имѣла честь сказать вамъ, ваше величество, что ни одному изъ принятыхъ мною рѣшеній я еще никогда не измѣнила!

— Чѣмъ бы ни пришлось вамъ, княгиня, поплатиться за такое смѣлое рѣшеніе?—измѣняя тонъ, произнесъ императоръ.

— Я такъ мало значу, государь, и мое рѣшеніе такъ мало можетъ интересовать лицъ мнѣ постороннихъ, что мнѣ странно было бы бояться чьей бы то ни было мести! Сколько бы ни прошло времени и какія грозы ни стряслись бы надъ моей обреченной головой, я отъ того, что порѣшила, не отступлюсь!

Прошла минута молчанія.

Государь, пройдя подъ руку съ княгиней весь длинный залъ съ хорами, вышелъ въ слѣдующій квадратный залъ и, придвинувъ покойное кресло своей дамѣ, самъ помѣстился рядомъ съ нею, на банкеткѣ.

— Я тоже согласенъ отрѣшиться отъ маскараднаго инкогнито, княгиня!—началъ онъ.

— Какъ тогда, въ день первой маскарадной встрѣчи, государь?—смѣло разсмѣялась она.

— А вы помните эту первую встрѣчу? Вы, если память не измѣняетъ мнѣ, сказали тогда, что у васъ исключительно дурная память.

— На всякое правило есть свое исключеніе!.. Отъ иныхъ воспоминаній при всемъ искреннемъ желаніи бываетъ трудно избавиться!.. Это, если я не ошибаюсь, въ медицинѣ называется „навязчивыми идеями“?

Глаза императора сверкнули сердитымъ огнемъ, но онъ овладѣлъ собой, улыбнулся и продолжалъ:

— Я буду терпѣливъ сегодня, княгиня! Я буду до конца терпѣливъ!.. Причина моего терпѣнія кроется въ томъ, что этотъ разговоръ будетъ послѣднимъ между нами, за нимъ будетъ произнесено послѣднее, рѣшающее, окончательное слово!

Софья Карловна, сложивъ руки на колѣнахъ, промолвила:

— Я слушаю васъ, государь!

— Для начала позвольте мнѣ разсказать вамъ сказку. Вы любите сказки, княгиня?

— Я обожала ихъ въ дѣтствѣ, государь!

— Вернемся же къ годамъ вашего дѣтства. Но вѣдь дѣти любятъ страшныя сказки!..

— Я страшнаго ничего не признаю, ваше величество!

— Вы такъ храбры?

— Gloire oblige *), государь!.. Я—дочь генерала Лешерна!..

Императоръ, какъ будто не разслышавъ словъ княгини, продолжалъ начатый разговоръ.

— Позволите начать?—спросилъ онъ.

Софья Карловна отвѣтила молчаливымъ наклоненіемъ головы.

— Я попрошу васъ слушать внимательно, потому что мнѣ мало того, чтобы вы выслушали меня; мнѣ еще нужно ваше искренне высказанное мнѣніе по поводу моей сказки.

— Сказка съ комментаріями? Это интересно!..

— Сказка-загадка, сказка-вопросъ, если вы хотите!

— Все интереснѣе и интереснѣе!..

— Что же, начать?—съ улыбкой произнесъ государь, близко склоняясь къ граціозной маскѣ.

— Пожалуйста! Я жду!..

— Начну я съ обычной присказки... Въ нѣкоторомъ царствѣ...

— Не въ вашемъ государствѣ, ваше величество?..

— Да, не въ моемъ, прелестная и шаловливая маска, а въ другомъ, далекомъ, такомъ далекомъ, что до него и идти не дойдешь, и плыть не доплывешь, жила-была молодая царевна. Красива та царевна была на-диво, и умна была, и талантлива, и даже добра была по-своему. Но одна только бѣда была: создана она была вся изо льда и снѣга!.. И самой ей холодно было, и подлѣ нея всѣмъ было холодно!.. Пришло время, выдали царевну замужъ за молодого королевича. Онъ тоже былъ не изъ послѣднихъ королевичей, и его другія царевны порой любили и увлекались имъ, но растопить свою ледяную супругу онъ не могъ, и подлѣ него она оставалась такою же холодною, какъ прежде. И видѣла ледяная царевна, какъ кругомъ нея другіе живутъ, и ласки чужія видѣла, и рѣчи чужія любовныя слышала, а сама все попрежнему холодной оставалась, и другимъ подлѣ нея все такъ же холодно было!...

— Зачѣмъ же не шли они грѣться куда нибудь дальше,

*) Слава обязываетъ.

если ужъ имъ такъ холодно подлѣ нея было?—произнесла княгиня.

— Не перебивайте меня! Сказка тѣмъ только и хороша, что изъ нея „слова не выкинешь“.

— Я слушаю!.. Вы остановились на томъ, что подлѣ вашей ледяной царевны всѣмъ скучно было.

— Не скучно, княгиня, а холодно!..

— Прошу продолжать, ваше величество!..

— И вотъ однажды съ царевной повстрѣчался рыцарь... Онъ былъ храбрый рыцарь и къ побѣдамъ привыкъ, и за моремъ всюду и царевны чужія, и царицы его любили, но онъ на ихъ любовь не отвѣчалъ, а какъ подошелъ онъ и какъ увидалъ ледяную царевну, такъ и полюбилъ ее до безумія!.. И наяву о ней сталъ думать, и во снѣ ее видѣть сталъ, и однажды, черезъ своего оруженосца, открылъ ей свое сердце. Онъ думалъ, что его рыцарское званіе отвоюетъ ему сердце царевны; онъ надѣялся, что лучами его славы растопится ея ледяное сердце!.. Онъ замокъ свой рыцарскій къ ея ногамъ положить хотѣлъ, онъ ко двору королевскому хотѣлъ ее приблизить... А она, вся холодная, вся ледяная, ни на что не поддавалась, и кругомъ нея попрежнему было мертво и холодно отъ смертельной ледяной стужи!.. Думалъ рыцарь, что она супруга своего такъ горячо любитъ, и мирился съ этимъ...

— Даже законнаго мужа позволялъ ей любить? Какой великодушный былъ рыцарь!

— Вы опять перебиваете меня, княгиня!..

— Простите, ваше величество, не буду!.. Ваша сказка дѣлается очень интересной! Вы остановились на томъ, что ледяная царевна и при дворѣ королевскомъ скучала, и на всѣхъ скуку навѣвала.

— Холодъ, княгиня, холодъ, а не скуку!

— И холодъ, и скука—это при всѣхъ дворахъ одинаково!.. Въ царскихъ палатахъ нѣтъ и не можетъ быть ни живой радости, ни живого веселья, ни живой любви и страсти!.. Тамъ все это замѣнено этикетомъ... Но я опять помѣшала вамъ... Продолжайте, государь... Я давеча ошиблась, вы не на томъ остановились... Вы довели сказку до того момента, когда вашъ великодушный рыцарь разрѣшилъ ледяной царевнѣ своего законнаго мужа полюбить... И что же, полюбила она его или нѣтъ?

— Нѣтъ!—пожалъ плечами государь.—Нѣтъ, княгиня, она и его не полюбила, потому собственно, что она вся изо льда и снѣга создана была и вообще полюбить она не могла!.. Увивались около ледяной царевны и другіе рыцари и оруже-

послы, добивались и они ея любви, хотѣли и они добраться до ея ледяного сердца, но всѣ ни съ чѣмъ отходили!.. Да и куда имъ было! Ужъ чего тому великому рыцарю достигнуть не удавалось, о томъ имъ, мелкимъ и ничтожнымъ, и мечтать было нечего.

— Ну, и чѣмъ же кончилась ваша сказка?—спросила княгиня, когда государь умолкъ, откинувшись спиною на мраморъ колонны, къ которой была приставлена банкетка.

— Она еще не кончилась, княгиня. Моя сказка еще ждетъ конца, и вотъ объ этомъ-то концѣ я и хотѣлъ спросить вашего мнѣнія.

— Моего мнѣнія?.. А что же я могу сказать вамъ, государь? Вѣдь я ни вашей ледяной царевны не знаю, ни храбраго и самонадѣяннаго рыцаря никогда не видала! О чемъ же именно вы хотите спросить меня?

— Я хотѣлъ знать ваше мнѣніе о томъ, ждать ли великому храброму рыцарю удачи, полюбитъ ли его когда нибудь ледяная царевна, или такъ и умретъ она, холодная и застывшая, никого на своей груди не отогрѣвъ и сама никѣмъ не согрѣтая?

— Вы хотите моего прямого и откровеннаго отвѣта?

— Конечно!.. Я знаю, что ни лгать, ни хитрить вы не станете.

— Благодарю васъ за эту лестную увѣренность, ваше величество, вы не ошиблись!—воскликнула Софья Карловна.—Я ненавижу всякую ложь и всякое притворство, и не только вамъ, простому передатчику чуждой вамъ сказки, а самому рыцарю сказала бы, если бы онъ былъ живой человѣкъ и мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ, что его ваша ледяная красавица навѣрное никогда не полюбитъ и ему около нея всегда будетъ такъ же холодно, мертво и непривѣтливо, какъ при первой встрѣчѣ. Я любви не знаю или почти не знаю!.. Но мнѣ сдается, что истинная, живая любовь вся скажется съ первой минуты, разомъ... что понемногу она входить въ сердце не можетъ и что какъ ни храбръ, какъ ни великъ и непобѣдимъ вашъ рыцарь, но сердце женское ему силой завоевать не удастся.

— И вы увѣрены въ томъ, что „моя" ледяная царевна—это вы ее „моей" назвали—никогда никого горячо не полюбитъ и всю свою долгую жизнь проживетъ неподвижная и холодная, никого на своей ледяной груди не согрѣвши и сама ни на чьей груди не согрѣтая?..

— Нѣтъ, этого я не сказала!.. Я сказала только, что

того самонадѣяннаго рыцаря, который такъ упорно и такъ властно добивался ея любви, царевна никогда не полюбитъ; но вѣдь въ томъ далекомъ сказочномъ царствѣ, о которомъ идетъ рѣчь, не одинъ же властный рыцарь живетъ! Вы сами сказали, что тамъ живутъ и „мелкіе, ничтожные оруженосцы"!.. Ваша ледяная царевна—странная и капризная царевна, государь!.. Она и сама въ своемъ ледяномъ покоѣ, быть можетъ, многаго не требуетъ и, скромно отказавшись отъ почетной любви и жгучей страсти высокаго рыцаря, способна откликнуться на любовь одного изъ тѣхъ мелкихъ и ничтожныхъ оруженосцевъ, о которыхъ вы только что упоминали.

По лицу императора проскользнула гнѣвная тѣнь.

— Вы считаете возможнымъ такое... увлеченіе, княгиня?—спросилъ онъ.

— А развѣ въ сказочномъ царствѣ бываетъ что нибудь невозможное, ваше величество? Да и отъ ледяной царевны чего же можно ждать?.. На то она изъ снѣга и льда вся сдѣлана, на то отъ нея и холодомъ вѣетъ!

Императоръ медленно поднялся съ мѣста.

Встала и смѣлая маска.

— Это—ваше послѣднее слово, княгиня?—серьезно, съ разстановкой спросилъ государь, особенно подчеркивая слово „послѣднее".—Я уже предупредилъ васъ и еще разъ повторяю, что этотъ разговоръ между нами болѣе никогда не возобновится. Подумайте серьезно, прежде чѣмъ отвѣтить. Вы можете впослѣдствіи раскаяться въ излишней поспѣшности и излишней рѣшимости.

— Я никогда ни въ чемъ не раскаиваюсь, государь!.. По моему житейскому катехизису, раскаяніе—смертный грѣхъ!

— Я не задерживаю васъ больше, княгиня!—сказалъ императоръ, овладѣвая собой и почтительно предлагая руку своей смѣлой маскѣ.—Прикажете отвести васъ къ вашему прежнему кавалеру?..

— Не трудитесь, государь, я сама найду его! Онъ вѣроятно дожидается меня гдѣ нибудь неподалеку.

— А вы держите его въ такомъ строгомъ повиновеніи?

— Нѣтъ, государь!.. Я и сама повиноваться не умѣю, и отъ другихъ никогда не требую повиновенія!..

— О послѣднемъ я судить не могу, но за первое смѣло ручаюсь!—холодно улыбнулся императоръ, доводя княгиню до свободнаго кресла и вскользь замѣчая неподалеку дѣйствительно ожидавшаго ее Бетанкура.

Тотчасъ послѣ этого разговора императоръ уѣхалъ изъ маскарада, а недѣлю спустя Софья Карловна лишилась той временной пенсіи, на которую она, правда, по строгой буквѣ закона, не имѣла права и которая была ей оставлена только по личному ходатайству великаго князя Михаила Павловича.

Великій князь, до свѣдѣнія котораго тотчасъ же дошло объ этомъ новомъ обстоятельствѣ, приказалъ единовременно выдать княгинѣ Несвицкой изъ личныхъ его средствъ годовой окладъ ея временной пенсіи, но своему августѣйшему брату по этому поводу не сказалъ ни слова. Онъ удовольствовался тѣмъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней воздержался отъ посѣщенія дворца и отъ личныхъ докладовъ государю, подъ предлогомъ болѣзни, въ подтвержденіе которой представилъ на высочайшее имя медицинское свидѣтельство, чего до того времени никогда не дѣлалъ.

Государь въ свою очередь молча встрѣтилъ и пропустилъ эту семейную бутаду.

Княгиня Несвицкая отнеслась къ явно выраженной царской немилости со спокойнымъ и какъ бы равнодушнымъ молчаніемъ и не сообщила о ней даже Бетанкуру, съ которымъ говорила все откровеннѣе и откровеннѣе и сближеніе съ которымъ шло быстрыми шагами.

Растерялся только князь Алексѣй Яковлевичъ Несвицкій, пораженный не столько тѣмъ, что у его жены была отнята пенсія, сколько тѣмъ, что непосредственно за этой замѣтной брешью въ ея бюджетѣ послѣдовало существенное измѣненіе и въ складѣ ея жизни.

Софья Карловна убавила штатъ прислуги и переѣхала на болѣе скромную квартиру, которую хотя и убрала со свойственными ей вкусомъ и умѣньемъ, но въ которой уже не было ни прежняго барскаго простора, ни прежнихъ остатковъ былой барской роскоши.

Князь растерянно освѣдомился, „какъ же они теперь будутъ жить“, невпопадъ предложилъ свое личное заступничество предъ государемъ, хотя въ своей душѣ глубоко сознавалъ, что и не послушаетъ его никто, и сунуться онъ ни къ кому и никуда не посмѣетъ. Онъ въ порывѣ овладѣвшаго имъ безтолковаго горя дошелъ даже до того, что принесъ женѣ только что полученную отъ матери повѣстку на небольшую сумму денегъ, но, наткнувшись на отказъ княгини воспользоваться такимъ великодушнымъ порывомъ, быстро самъ спохватился и остался глубоко признателенъ ей за ея положительный и нѣсколько рѣзкій отказъ.

XIV.

Заря новаго счастья.

Время шло, почти ничего не измѣняя въ жизни лицъ, проходящихъ предъ читателями въ этомъ исторически вѣрномъ разсказѣ.

Государь повидимому забылъ свой минутный капризъ къ красавицѣ-княгинѣ Несвицкой, и при дворѣ уже громко говорили о новой царской прихоти, на этотъ разъ угрожавшей перейти въ серьезную и постоянную привязанность.

Объектомъ этой нарождавшейся привязанности была молоденькая и очень хорошенькая фрейлина императрицы, Варвара Аркадьевна Нелидова *), серьезная и сдержанная не по годамъ, и сумѣвшая внушить всѣмъ вокругъ себя строгое уваженіе, несмотря на то, что она была моложе всѣхъ окружавшихъ ее.

Нелидову нельзя было назвать красавицей, еще труднѣе было при ея крупномъ ростѣ и внушительной фигурѣ назвать ее просто хорошенькой, но въ ней было столько стильной, плавной граціи, весь ея обликъ дышалъ такой гордой увѣренностью въ себѣ, и въ каждомъ ея движеніи было столько гордой самоувѣренности, что вслѣдъ за ней самой въ нее почти невольно вѣрили и другіе, и ея все сильнѣе и сильнѣе подчеркиваемый фаворитизмъ внушалъ къ ней не зависть и зложелательство, а скорѣе невольное уваженіе и какъ будто легкій страхъ.

Императрица относилась къ Нелидовой очень милостиво; Варвара Аркадьевна получала неизмѣнныя приглашенія на всѣ интимныя, чуть не семейныя собранія въ Зимнемъ дворцѣ, и при дворѣ подъ сурдинку циркулировалъ слухъ, что государыня почти покровительственно относилась къ пассіи государя. Въ Нелидовой она видѣла дѣвушку умную, сдержанную, способную, не злоупотребляя своей властью надъ державнымъ покровителемъ, удержать его отъ менѣе достойныхъ его увлеченій, а главное способную лично горячо и беззавѣтно привязаться къ нему.

Своей почтительной и горячей любви къ императору Нелидова не скрывала, но смѣло исповѣдывала ее предъ всѣми, и предъ этой восходящей звѣздою робко отступали даже Адлербергъ и Клейнмихель, старавшіеся всячески угождать ей и даже не пытавшіеся отдалить отъ нея государя.

Княгиня Несвицкая знала и слышала объ этой новой пассіи государя и въ душѣ искренне радовалась ей, видя въ ней

*) См. «Историческій Вѣстникъ» 1910 г., книга 1-я.

прочную гарантію для себя отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ овладѣть ея любовью и вниманіемъ.

Ея личное увлеченіе Бетанкуромъ въ это время шло все прогрессируя, и если она еще держалась на извѣстномъ разстояніи отъ него, если не отдалась ему съ той беззавѣтной страстью, которая овладѣвала ею ежедневно все съ большей и большей силой, то единственно потому, что на двойственную роль жены одного и возлюбленной другого она по натурѣ была совершенно неспособна.

Мужа она не любила, женой ему не была, но жила съ нимъ подъ однимъ кровомъ и сочла бы себя непростительно виноватой предъ самой собой, измѣнивъ ему подъ его же кровомъ.

Она конечно давно ушла бы отъ мужа совсѣмъ, но ея личныя средства были значительно меньше средствъ Бетанкура, а между тѣмъ и разводъ съ мужемъ, безъ котораго она никогда не рѣшилась бы открыто жить съ Бетанкуромъ, потребовалъ бы значительныхъ денегъ, да и самъ князь не отпустилъ бы ся „даромъ". Онъ всегда и во всемъ начиналъ соблюдать умѣлый и разумный расчетъ.

Но давно извѣстно, что у влюбленныхъ есть свой особый геній-покровитель, и въ ту самую минуту, когда молодой княгинѣ почти не подъ силу становилась ея гордая борьба, судьба послала ей помощь и спасеніе въ лицѣ дальней родственницы ея матери; та умерла гдѣ-то въ Прибалтійскомъ краѣ, и послѣ нея княгиня явилась единственной законной наслѣдницей.

Старушка умерла внезапно, не оставивъ духовнаго завѣщанія, и Софья Карловна, оффиціально увѣдомленная о доставшемся ей крупномъ наслѣдствѣ, съ трудомъ могла даже припомнить имя этой неожиданной, невольной благодѣтельницы.

Состояніе старушки заключалось въ довольно большомъ имѣніи въ Остзейскомъ краѣ и въ наличномъ капиталѣ, хранившемся въ Государственномъ банкѣ.

Деньги были выданы княгинѣ тотчасъ, а на имѣніе немедленно явился покупатель, благодаря чему княгиня Софья Карловна, наканунѣ полученія неожиданнаго наслѣдства чуть не нуждавшаяся и считавшая каждый грошъ, разомъ сдѣлалась обладательницей крупнаго и солиднаго состоянія.

Князь со свойственнымъ ему легкомысліемъ смѣло и открыто выразилъ свою радость по поводу такого счастливаго обстоятельства и откликнулся согласіемъ на первое же слово жены о разводѣ, своимъ практическимъ умомъ тотчасъ же понявъ, что на его долю можетъ выпасть немалый кушъ.

— Ну, конечно, конечно!—торопливо шагая со своимъ длин-

пымъ чубукомъ по комнатѣ, говорилъ онъ, — давно пора было намъ обоимъ придти къ одному знаменателю!.. Любить меня вы не любите, да и я тоже поневолѣ отвыкъ отъ васъ, а между тѣмъ мѣшать другъ другу мы все-таки мѣшаемъ... и стѣсняемъ одинъ другого!

— Ну, вамъ на это пожаловаться нельзя!—улыбнулась княгиня.—Вы не особенно стѣсняетесь!

Несвицкій не понялъ ѣдкости этого замѣчанія и, пожимая своими отяжелѣвшими плечами, проговорилъ:

— Ну, все-таки!.. А теперь вотъ все устроится прекрасно. Вы переѣдете къ Бетанкуру или онъ къ вамъ, потому что сила-то теперь вся на вашей сторонѣ!.. C'est vous qui avez le sac *)!..

— Это для меня—послѣдній вопросъ. Я деньгамъ никакого значенія не придаю!..

— Напрасно, совершенно напрасно! Деньги—большая сила!.. Вотъ я напримѣръ. Развѣ такъ сложилась бы моя карьера, если бы маманъ была щедрѣе и давала мнѣ больше средствъ?.. У меня давно и вензеля были бы, и „флигель" изъ меня вышелъ бы всей гвардіи на славу!.. А теперь что я?.. Ну, да вы конечно поможете мнѣ?

При послѣднемъ словѣ Софья Карловна подняла на него удивленный взглядъ и спросила:

— Помогу? Какъ и чѣмъ именно?

— Какъ? Конечно деньгами! Вѣдь вы получили много?—не унимался князь, видимо давно готовясь къ этому разговору и порѣшивъ разомъ исчерпать весь заготовленный матеріалъ.

— Да, у меня денегъ много!—какъ-то растерянно произнесла Софья Карловна, совершенно теряясь предъ его заявленіями.

— Ну, вотъ видите!.. А у меня такъ ровно ничего нѣтъ, и нѣтъ никакой надежды получить хоть что либо отъ маманъ, такъ что, сколько мнѣ удастся получить отъ васъ, при томъ я и останусь!..

— А сколько именно вамъ нужно?—спросила княгиня.

— Да, чѣмъ больше, тѣмъ лучше!—расхохотался Несвицкій, и смѣло приступилъ къ выясненію суммы, не скупясь ни на доводы, ни на подсчеты, ни на просьбы.

Эта своеобразная бесѣда кончилась тѣмъ, что княгиня на словахъ обязалась выдать мужу довольно крупную сумму въ тотъ день, когда она получитъ на руки полный разводъ, дополненный его распиской въ томъ, что онъ навсегда отказы-

*) Вѣдь теперь-то мѣшокъ (денежный) у васъ?

вается отъ права подъ какимъ бы то ни было предлогомъ переступать порогъ ея дома.

— Видите, какая вы злая!—неловко пошутилъ онъ, но всѣ предварительныя бумаги подписалъ, вѣря женѣ на слово.

Разводъ шелъ быстро и успѣшно, и къ концу года княгиня, отъ которой всѣ прежніе знакомые мало-по-малу отходили и которая въ числѣ своихъ неизмѣнныхъ друзей еще сохранила лишь нѣкоторыхъ изъ товарищей мужа, переѣхала одна въ богатую квартиру, нанятую на Большой Морской въ домѣ Руадзе и обставленную съ необычайной роскошью.

И размѣръ квартиры, и аристократическій кварталъ, въ которомъ она помѣщалась, объяснялись тѣмъ, что она была не только выбрана Бетанкуромъ, но даже и нанята на его имя, на чемъ особенно сильно настаивала княгиня.

— Тебѣ не ловко будетъ жить у меня, какъ будто ты на мои деньги живешь!—краснѣя проговорила она.—Да вѣдь все равно не въ нынѣшнемъ, такъ въ будущемъ году мы сумѣемъ добиться того, чтобы насъ обвѣнчали!

Онъ недовѣрчиво покачалъ головой, а затѣмъ произнесъ:

— Государь не позволитъ!

— А ему что за дѣло? Чѣмъ же ему наше счастье можетъ помѣшать?..

— Есть вещи, которыхъ императоръ Николай Павловичъ ни забыть, ни простить не можетъ!

Софья Карловна весело разсмѣялась, а затѣмъ, крѣпко и страстно прижимаясь къ Бетанкуру, сказала:

— Оставь! Это—древняя исторія!

Жизнь, открывшаяся предъ Несвицкой, была сплошнымъ волшебнымъ сномъ. Она сама не могла повѣрить полнотѣ своего счастья, и, какъ строго раньше хранила въ душѣ священный огонь своей горячей, преданной, беззавѣтной страсти къ Бетанкуру, такъ же полно отдавалась ей теперь, еще преданнѣе и восторженнѣе любя его.

„Молодые“ — какъ шутливо всѣ называли Бетанкура и Несвицкую — рѣшили, проведя лѣто въ окрестностяхъ Петербурга, на зиму уѣхать за границу.

Однако послѣднее рѣшеніе сопряжено было съ формальностями и затрудненіями, о которыхъ въ настоящее время никто не имѣетъ понятія.

Въ то далекое время заграничные паспорта выдавались не иначе, какъ съ личнаго разрѣшенія самого государя, и вообще во многихъ отношеніяхъ являлись вещью почти недоступной.

Для полученія заграничнаго паспорта было необходимо особое прошеніе, которое и представлялось самому государю, и

только съ его личнаго разрѣшенія получали право заграничной поѣздки, и то не иначе, какъ со строго опредѣленнымъ срокомъ отсутствія изъ предѣловъ Россіи.

Государь зорко слѣдилъ за всѣми выражавшими желаніе уѣхать за границу, старался проникнуть въ цѣль подобныхъ поѣздокъ и не рѣдко дѣлалъ довольно оригинальныя отмѣтки на прошеніяхъ, представляемыхъ на личное его разрѣшеніе.

Такъ, всѣмъ памятенъ тотъ случай, когда сынъ одного изъ петербургскихъ богачей, Яковлевъ, только что окончившій курсъ въ университетѣ со степенью дѣйствительнаго студента, подать прошеніе о разрѣшеніи ему заграничной поѣздки и подписался: „Дѣйствительный студентъ Яковлевъ". Государь по прочтеніи этого прошенія и по наведеніи нѣкоторыхъ справокъ о личности просителя собственноручно написалъ наверху: „Дѣйствительно незачѣмъ".

На прошеніе, поданное княгиней Несвицкой, было дано немедленное разрѣшеніе, что же касается Бетанкура, то ему прямо было заявлено военнымъ министромъ, что о немъ даже докладъ состояться не можетъ, потому что не далѣе какъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ государь высказалъ положительное желаніе, чтобы лица, состоящія на военной службѣ, какъ можно рѣже и исключительно только въ случаяхъ серьезной болѣзни выѣзжали изъ предѣловъ Россіи. Императоръ находилъ такія отлучки несовмѣстимыми съ обязанностями службы, и спорить съ нимъ, и доказывать ему противное конечно никто не осмѣлился бы,—слишкомъ хорошо были знакомы всѣмъ неподатливый нравъ государя и его нелюбовь ко всякаго рода возраженіямъ и указаніямъ.

Само собою разумѣется, что и княгиня Софья Карловна при этихъ условіяхъ отказалась отъ всякой мысли о заграничной поѣздкѣ. Впрочемъ ей было не трудно сдѣлать это. Помимо невозможности даже подумать о разлукѣ съ горячо любимымъ „мужемъ", какъ она всегда называла Бетанкура, она въ это время почувствовала себя матерью, и это сознаніе наполнило ее новымъ, незнакомымъ ей восторгомъ.

Софья Карловна всегда горячо желала имѣть дѣтей и даже не разъ громко сознавалась, что если бы ея бракъ съ Несвицкимъ не былъ бездѣтенъ, то и съ нимъ она примирилась бы, и никогда не оставила бы отца своего ребенка.

Теперь она ожидала ребенка отъ горячо, беззавѣтно любимаго ею человѣка!.. Да это былъ рай на землѣ!.

Она долго не рѣшалась сообщить объ этомъ своему дорогому „мужу". Она боялась, что ошибается и рискуетъ такимъ образомъ нанести горькое разочарованіе и ему, и себѣ. Но, ко-

да послѣ совѣщанія съ опытнымъ медикомъ уже не осталось сомнѣнія въ счастливой дѣйствительности ея положенія, ее охватила такая глубокая, такая полная и невыразимая радость, что она, оставшись одна съ Бетанкуромъ и пряча свое красивое личико у него на груди, едва могла среди охватившаго ее волненія, повѣдать ему свою большую, могучую радость.

Онъ принялъ это извѣстіе безъ восторга. Напротивъ оно какъ будто даже испугало его въ первую минуту; но затѣмъ онъ крѣпко обнялъ Софью Карловну, просилъ беречься и на ея замѣчаніе, что онъ какъ будто не радъ своей роли отца, шутя отвѣтилъ, что это происходитъ оттого, что эта роль не изъ его репертуара и что онъ въ ней является дебютантомъ.

Княгиня весело разсмѣялась ему въ отвѣтъ и охотно простила ему то, что на минуту покоробило ее. Да и чего бы не простила она ему при той безумной любви, которую она питала къ нему, при новомъ залогѣ тѣсной, неразрывной связи, какимъ скрѣпила ихъ судьба?..

Выѣзды для княгини съ этой минуты совершенно прекратились. Она вся ушла въ новое охватившее ее чувство, въ новую отрадно открывшуюся предъ ней страницу жизни.

XV.

Черезъ два года.

Прошло два года.

На политическомъ горизонтѣ Россіи собирались грозныя тучи. Мятежная Польша, въ тиши своихъ фольварковъ, кипѣла и волновалась, какъ вулканъ, готовый къ огненному изверженію. Вѣсти оттуда шли все мрачнѣе и тревожнѣе, и по мѣрѣ того, какъ накипали злоба и месть въ сердцахъ непокорныхъ поляковъ, накипалъ и гнѣвъ императора Николая Павловича противъ мятежнаго народа.

Онъ ни на минуту не заблуждался относительно характерныхъ представителей гордаго и непокорнаго народа. Онъ глубоко сознавалъ, что можно убить, разорить и казнить на плахѣ всѣхъ поляковъ, но что ни духа польскаго, ни горячаго патріотизма Польши, ни ея преданности старымъ завѣтамъ и старымъ геральдическимъ гербамъ не побѣдитъ никакая въ мірѣ сила, не подавитъ никакая въ мірѣ власть... Оставаясь одинъ, императоръ глубоко задумывался; тревожныя заботы и смутныя опасенія навѣвали на него тяжелую безсонницу. Но онъ ни предъ кѣмъ не обнаруживалъ своей тревоги и даже съ горячо любимымъ братомъ Михаиломъ Павловичемъ не говорилъ вполнѣ откровенно.

Между державными братьями-друзьями какъ будто рознь какая-то чувствовалась, и, чѣмъ горячѣе въ душѣ попрежнему любилъ брата великій князь Михаилъ Павловичъ, тѣмъ явственнѣе вставали предъ нимъ его ошибки и заблужденія и тѣмъ меньше онъ прощалъ ему тотъ все возраставшій фаворъ, которымъ начинали не въ мѣру гордиться ненавистные великому князю фавориты.

Среди этого тревожнаго положенія для императора Николая Павловича явился небольшой свѣтлый лучъ въ видѣ рожденія у молодой фаворитки В. А. Нелидовой сына, названнаго Николаемъ. Конечно это очень выгодно отразилось на положеніи В. А. Нелидовой, которое утвердилось настолько, что съ ней стали уже считаться вполнѣ серьезные люди.

Это положеніе серьезно подтверждалось еще тѣмъ, что сама императрица, какъ было извѣстно, очень интересовалась и молодой матерью, и маленькимъ новорожденнымъ.

Въ это время подросталъ и маленькій сынъ княгини Несвицкой, счастье которой было такъ полно и такъ безмятежно, что она, по собственному ея сознанію, порою начинала бояться за себя.

— Я никогда не думала, чтобы человѣку могло быть ниспослано такое безмятежное счастье, какое выпало на мою долю! — говорила она, въ приступѣ нѣмого обожанія опускаясь на колѣна предъ Бетанкуромъ, котораго буквально боготворила.—И, какимъ бы несчастьемъ мнѣ ни пришлось современемъ искупить то лучезарное счастье, какимъ я пользуюсь въ настоящее время, я ни на что не въ правѣ буду роптать, и мое лучезарное прошлое всегда встанетъ въ моемъ сердцѣ и въ моей памяти живымъ отблескомъ, живымъ протестомъ противъ всякаго ропота на судьбу!..

На этомъ лучезарномъ небосклонѣ только однажды промелькнула легкая, почти незамѣтная тѣнь.

Ею оказался довольно крупный проигрышъ Бетанкура, положительно никогда не принимавшаго участія ни въ какой серьезной игрѣ и только однажды попавшаго въ ловко разставленныя сѣти, послѣ серьезной попойки среди мало знакомаго ему общества.

Проигравъ на первый разъ сравнительно не особенно крупную сумму, Бетанкуръ не остановился, какъ уговаривали его сдѣлать это, а все увеличивалъ и увеличивалъ куши до тѣхъ поръ, пока, проигравъ всѣ бывшія при немъ наличныя деньги, остался еще должнымъ нѣсколько тысячъ, которыхъ у него лично въ карманѣ не было.

Конечно онъ зналъ, что Софья Карловна ни на минуту не

остановится предъ тѣмъ, чтобы уплатить за него какой угодно долгъ, но, постоянно пользуясь ея средствами и ея деньгами, оплачивая и всѣ расходы по дому, и роскошную квартиру, нанятую на его имя, и безъ церемоніи прибѣгая къ ея кошельку для всѣхъ своихъ личныхъ расходовъ, онъ находилъ неудобнымъ еще своими карточными долгами обременять ея и такъ уже широкій бюджетъ.

Но дѣлать было нечего; карточный долгъ въ то время считался первымъ изъ всѣхъ остальныхъ долговъ, и Бетанкуру пришлось, скрѣпя сердце, сознаться предъ княгиней въ своемъ крупномъ и неосторожномъ проигрышѣ.

Она выслушала его внимательно, затѣмъ выбѣжала въ другую комнату, принесла съ собой объемистый и туго набитый портфель и, опустившись на колѣна предъ своимъ „мужемъ" и передавая ему портфель, взволнованнымъ голосомъ проговорила:

— Не ты виноватъ предо мной, мой дорогой, мой ненаглядный Александръ, а я предъ тобой кругомъ виновата, и не предъ однимъ тобой, а и предъ нашимъ ненагляднымъ Вовой! Я до сихъ поръ не догадалась передать въ твои руки то, что давнымъ-давно принадлежитъ тебѣ и нашему сыну,—тѣ деньги, на которыя я купила свое безумное счастье, свое безграничное счастье!.. Возьми ихъ!.. Онѣ всѣ тутъ, въ этомъ портфелѣ. Пересчитай ихъ и возьми себѣ!.. Все здѣсь твое, и я буду вдвое счастливѣе, когда буду сознавать, что я во всемъ отъ тебя завишу, и когда буду робко обращаться къ тебѣ съ просьбами вмѣсто тѣхъ распоряженій, которыми я такъ непростительно злоупотребляла, разыгрывая „хозяйку" въ нашемъ маленькомъ, созданномъ тобою раю!..

Глубоко тронутый такимъ безкорыстіемъ и такой преданностью, Бетанкуръ попробовалъ протестовать, но молодая красавица закрыла ему ротъ такими горячими поцѣлуями, была такъ искренно, такъ безконечно счастлива, что ему пришлось согласиться и отъ роли человѣка, кругомъ облагодѣтельствованнаго, перейти къ роли щедраго благодѣтеля.

Въ первое время эта новая и не совсѣмъ логичная постановка вопроса нѣсколько тяготила Александра Михайловича Бетанкура, затѣмъ онъ началъ понемногу привыкать къ ней, а къ концу года иногда уже удерживалъ княгиню отъ „неразумныхъ тратъ" и кое-когда даже отказывалъ ей въ расходахъ, по его мнѣнію, превышавшихъ „ихъ наличныя средства".

Софья Карловна всему подчинялась, всѣмъ восхищалась и, будучи вполнѣ довольна своимъ новымъ положеніемъ, пресерьезно „выпрашивала" у него подчасъ самыя скромныя суммы на удовле-

твореніе „фантазій", хотя и вполнѣ доступныхъ ей по средствамъ, но почему либо казавшихся ему неразумными.

Особенно часто встрѣчались между ними разногласія по поводу расходовъ на ребенка, котораго княгиня баловала безмѣрно и окружала самой изысканной роскошью, чему Александръ Михайловичъ вовсе не сочувствовалъ.

Для всякаго менѣе ослѣпленнаго, нежели была ослѣплена молодая мать, было бы совершенно ясно полное равнодушіе Бетанкура къ ребенку, но такое равнодушіе было бы предосудительно, а Софья Карловна видѣла въ любимомъ человѣкѣ только достоинства и осудить его ни за что въ мірѣ не могла и не умѣла.

Великаго князя Михаила Павловича, продолжавшаго молча и издали слѣдить за своей бывшей протеже, искренне огорчало то отчужденіе, среди котораго, сама того не замѣчая, жила молодая княгиня Софья Карловна. Безсильный ввести ее обратно въ общество, отъ котораго она добровольно отказалась, онъ упросилъ великую княгиню Елену Павловну принять ее въ число участницъ большого праздника съ живыми картинами, въ Михайловскомъ дворцѣ, устраивавшагося въ пользу вновь открытаго благотворительнаго учрежденія, которое императрица приняла подъ свое покровительство.

Сначала великая княгиня, сама всю жизнь извѣстная за женщину самыхъ строгихъ правилъ и очень строго относившаяся къ чужимъ ошибкамъ, отвѣтила своему августѣйшему супругу категорическимъ отказомъ зачислить въ группу приглашенныхъ особу, такъ сильно скомпрометтировавшую себя, какъ княгиня Несвицкая; но Михаилъ Павловичъ такъ убѣдительно просилъ и такъ краснорѣчиво доказывалъ, что тутъ рѣчь идетъ только о вопросѣ благотворенія и что при дворѣ найдется мало особъ, болѣе способныхъ украсить собой проектируемыя живыя картины, нежели княгиня Несвицкая, красота которой въ послѣдніе два года достигла апогея своего развитія, что великая княгиня согласилась, забывъ на время о заблужденіяхъ женщины, пригласить „плѣнительную картинку".

При дворѣ это приглашеніе произвело положительный переполохъ. Иные апплодировали рѣшимости великой княгини и ея августѣйшаго супруга поставить княгиню Несвицкую на одинъ уровень съ Нелидовой, которую приглашали всѣ и всюду; другіе возмущались, находя, что для людей, себя уважающихъ, будетъ обидно и унизительно видѣть своихъ женъ и дочерей, приравненныхъ къ какой-то скандальной „разводкѣ".

Сильнѣе всѣхъ противъ участія въ придворномъ празднествѣ возставала сама княгиня Софья Карловна, но Бетанкуръ такъ

энергично запротестовалъ противъ возможности отказа, что княгинѣ пришлось согласиться и поѣхать во дворецъ, гдѣ происходили предварительная конференція по поводу живыхъ картинъ и распредѣленіе ролей.

Великая княгиня встрѣтила молодую женщину сдержанно, но съ той царственной корректностью, которая составляла одно изъ главныхъ достоинствъ этой европейски образованной и исключительно умной женщины. Великій князь прямо-таки обрадовался, увидавъ свою прежнюю протежэ, а остальная часть публики съ обычнымъ тактомъ придворной среды не рѣшилась „смѣть свое сужденіе имѣть“ и любезно пошла навстрѣчу нѣсколько сконфуженной молодой красавицѣ.

На долю Софьи Карловны, по выбору самой великой княгини Елены Павловны, выпала въ живыхъ картинахъ роль „царицы Рейна“, и Бетанкуръ, равно довольный какъ этимъ назначеніемъ, такъ и самымъ приглашеніемъ, „разрѣшилъ“ княгинѣ самый широкій „кредитъ“ на костюмъ рейнской царицы.

Софья Карловна всегда была мастерицей одѣваться, и при дѣятельной помощи нѣсколькихъ умѣлыхъ модистокъ и портнихъ получился такой необычайный и по богатству, и по изысканному вкусу костюмъ, что, когда взвился занавѣсъ и предъ глазами очарованной публики предстала величественная, поистинѣ царственная фигура „царицы Рейна“, на высокой скалѣ, среди прибоя волнъ, вся задрапированная въ бѣлый, расшитый золотомъ хитонъ, съ распущенными волосами и золотымъ скипетромъ въ рукѣ,—весь залъ дрогнулъ отъ восторга и изумленія.

Картина была поставлена молодымъ, только что начинавшимъ тогда и впослѣдствіи знаменитымъ художникомъ Брюлловымъ и поражала смѣлостью и шириной замысла и стильной художественностью исполненія.

Государь, сидѣвшій въ срединѣ перваго ряда, подлѣ августѣйшей хозяйки праздника, первый подалъ сигналъ къ аплодисментамъ, и вслѣдъ за нимъ своды зала задрожали отъ взрыва всеобщаго восторга.

Всѣ предшествовавшія картины, равно какъ и всѣ тѣ, которыя слѣдовали за „Царицей Рейна“, пропали и стушевались отъ невыгоднаго сравненія. И когда, по единодушному требованію публики, занавѣсъ вновь былъ поднятъ и картина повторилась при торжественныхъ звукахъ нѣмецкаго гимна „Die Wacht am Rhein“, всегда осторожный и спокойный фаворитъ государя, сидѣвшій сзади него, вышелъ изъ своего обычнаго нодобострастнаго покоя и, слегка подавшись впередъ, восторженно произнесъ:

— Нѣтъ, такая красавица не повторится!

Государь обернулся на это восклицаніе и провелъ рукой по влажному лбу. Онъ тоже сознавалъ, что встрѣтить такую красавицу ему болѣе не удастся въ жизни. Все то, что онъ видалъ и встрѣчалъ раньше и позднѣе, были женщины, а это было видѣніе, мечта, художественное воплощеніе красоты.

Когда занавѣсъ упалъ и великая княгиня Елена Павловна встала, чтобы пройти за временно созданныя кулисы, государь испросилъ разрѣшеніе послѣдовать за нею; едва войдя на сцену, онъ прямо подошелъ къ стоявшей у боковой кулисы Софьѣ Карловнѣ и слегка дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Вы были обворожительны, княгиня!..

Она молча поклонилась.

— Мы съ вами давно не встрѣчались!—продолжалъ императоръ.

— Я нигдѣ не бываю, ваше величество!—сдержанно отвѣтила Софья Карловна, скорѣе встревоженная и недовольная, нежели польщенная такимъ исключительнымъ вниманіемъ.

— Вы такъ довольны своимъ семейнымъ счастьемъ?—слегка насмѣшливымъ тономъ произнесъ императоръ.

— О, да, ваше величество!—смѣло и открыто отвѣтила она.—Вы, ваше величество, выразились вполнѣ точно и справедливо. Мое семейное счастье такъ полно, такъ велико, что я ничего иного желать не могу и мечтать ни о чемъ иномъ не смѣю!

— И... въ прошломъ вы ни о чемъ не жалѣете?—прищуривая глаза, спросилъ императоръ.

— Мое прошлое было такъ безцвѣтно, такъ безрадостно, что не только жалѣть, но и вспоминать о немъ я не хочу!—прямо взглянувъ въ глаза императору, отвѣтила молодая женщина.

Онъ упорно выдержалъ этотъ смѣлый взглядъ. Ея рѣшительный тонъ почти покорялъ его.

Въ эту минуту раздался режиссерскій звонокъ, возвѣщавшій о началѣ третьяго и послѣдняго отдѣленія.

— Вы въ этомъ отдѣленіи не участвуете, княгиня?—освѣдомился государь.

— Только въ послѣднемъ номерѣ, ваше величество.

— Опять „Царицей Рейна"?..

— Да! великой княгинѣ угодно было, чтобы широкій голубой Рейнъ еще разъ прошелъ предъ глазами публики подъ звуки чуднаго новаго вальса, посвященнаго этой царственной рѣкѣ композиторомъ Лумбье.

— Я не прощаюсь съ вами, княгиня!—сказалъ императоръ, видя, что его присутствіе за кулисами задерживаетъ дальнѣй-

шій ходъ концерта,—я еще вернусь сюда по окончаніи этого волшебнаго концерта... сказать послѣднее „прости“ загадочной „Царицѣ Рейна“!..

Говоря это, онъ почтительно склонился предъ княгиней и осторожно поднесъ къ губамъ ея красивую руку.

Послѣднее отдѣленіе концерта превзошло все предыдущее, и, когда подъ упоительные звуки чуднаго вальса, въ послѣдній разъ взвился занавѣсъ и предъ очарованною публикой вновь показался чарующій образъ волшебной „Царицы Рейна“, восторгу присутствующихъ не было конца. Занавѣсъ поднимался и опускался четыре раза сряду, а къ подножію волшебной скалы все время лились томительные, страстные звуки чуднаго, упоительнаго вальса... Они словно разбудить хотѣли эти неподвижно стоявшія волны, словно надѣялись призвать къ жизни эту неподвижную красавицу, граціозно застывшую на холодной, какъ она, неподвижной мраморной скалѣ.

Занавѣсъ упалъ въ послѣдній разъ, и залъ съ минуту оставался безмолвнымъ, словно зачарованнымъ.. Всѣ замерли, охваченные непритворнымъ, почти благоговѣйнымъ восторгомъ. Только томительные, страстные звуки вальса попрежнему лились, отравой огневой страсти западая въ душу и будя въ ней и тревожную жажду счастья, и мучительную, безотчетную тоску о чемъ-то невозвратно ушедшемъ, навѣки утраченномъ.

Государь съ минуту молчалъ и вмѣстѣ съ нимъ молчалъ весь залъ. Но вотъ онъ вновь первый подалъ сигналъ къ восторженнымъ аплодисментамъ и, не дожидаясь на этотъ разъ ни примѣра, ни приглашенія великой княгини Елены Павловны, направился на сцену.

Княгиня Несвицкая уже ушла въ отведенную ей отдѣльную уборную, но еще не раздѣвалась, по распоряженію режиссера, ожидая новыхъ вызововъ государя и прочихъ почетныхъ гостей.

Проходя по узкому кулуару, образовавшемуся между сценой и уборной княгини Несвицкой, государь увидалъ между кулисами осторожно пробиравшагося Бетанкура, и по его лицу пробѣжала тѣнь.

Бетанкуръ, въ свою очередь увидавъ государя, быстро стушевался.

Императоръ понялъ, что тотъ испугался, и по его гордому и властному лицу скользнула улыбка. Онъ понялъ, что такой соперникъ ему не опасенъ, и, осторожно постучавъ, вошелъ въ уборную княгини Софьи Карловны.

Она вздрогнула при его появленіи. Она отчетливо слышала стукъ, но видимо ожидала вслѣдъ за этимъ стукомъ не появленія государя.

— Я не во-время?.. Вы кого нибудь другого ждали?—спросилъ онъ, прямо и смѣло аттакуя вопросомъ.

Софья Карловна отвѣтила молчаливымъ и почтительнымъ наклоненіемъ головы.

Это можно было въ одно и то же время принять и за привѣтствіе, и за подтвержденіе.

— Я пришелъ еще разъ благодарить васъ, княгиня, за доставленное всѣмъ намъ наслажденіе,—сказалъ государь, непритязательно опускаясь на простой деревянный стулъ предъ трюмо, на время перенесенномъ въ уборную для туалета княгини. — Я принесъ почтительный привѣтъ чарующей „Царицѣ Рейна" и пришелъ къ ней въ послѣдній разъ не тѣмъ грознымъ, властнымъ повелителемъ, какимъ я привыкъ входить всюду, а подвластнымъ ей, покореннымъ ею рабомъ!.. Я пришелъ сказать рѣшительное слово и выслушать послѣдній, рѣшительный отвѣтъ.

— Нужно ли это, ваше величество?—возразила Софья Карловна слегка дрогнувшимъ, но замѣтно нетерпѣливымъ голосомъ, причемъ, говоря это, слегка поблѣднѣла.

— Не перебивайте меня, княгиня!—остановилъ ее императоръ.—Дайте мнѣ договорить!.. Отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть и ваша... и моя судьба!.. Такъ, какъ говорю я сегодня съ вами, я еще никогда ни съ одной женщиной не говорилъ!.. Того впечатлѣнія, какое вы произвели на меня, еще ни одна женщина въ мірѣ никогда не производила на меня. Это—не властный капризъ царя, не знающаго преграды своимъ желаніямъ, не безумный, горячій порывъ юноши, не испытавшаго страсти, не упорная настойчивость упрямаго ухаживателя, вопреки всему расчитывающаго на успѣхъ!.. Это—нѣчто новое, стихійное, самому мнѣ непонятное, съ чѣмъ я безсиленъ бороться, что поработило меня всего!.. Это—роковое, незнакомое мнѣ до сихъ поръ чувство, въ которомъ столько же вражды и ненависти, сколько страстной, пылкой любви!.. Вы видите, я говорю съ вами прямо, я ничего не скрываю, ни за что не прячусь. Я никогда никому не подчинялъ своей непоколебимой воли, вамъ же я подчиняю ее. Я никогда ни предъ кѣмъ не гнулъ своей гордой головы,—предъ вами я стою со склоненной головою и жду вашего рѣшенія и вашего отвѣта!..

— Но чего же вы хотите отъ меня, ваше величество?

— Вашей любви, княгиня, ничего, кромѣ вашей любви!.. И, какой бы цѣною мнѣ ни пришлось купить эту любовь, я ни предъ чѣмъ не остановлюсь, ни надъ какою жертвой не задумаюсь и все отдамъ, кромѣ своей короны!

Княгиня Несвицкая при этихъ словахъ поднялась съ мѣста

и, гордо откидывая назадъ свою характерную головку, на которой еще блистала призрачная корона „Царицы Рейна“, твердымъ и властнымъ голосомъ проговорила:

— Ну, такъ я буду великодушнѣе васъ, государь, и прямо отвѣчу вамъ, что я ничѣмъ не пожертвую вамъ. Вы знаете, что я люблю другого, что моя судьба навсегда связана съ нимъ, что я—мать его ребенка. И вы сами отвернулись бы отъ меня, если бы я все это принесла въ жертву суетному и тщеславному желанію сдѣлаться фавориткой самодержавнаго монарха!.. Вы сами оттолкнули бы меня, государь, за такую недостойную измѣну всему, что есть въ жизни святого и заповѣднаго... А меня еще никогда никто не отталкивалъ!

— Со мною тоже еще никогда не случалось этого, ваше сіятельство!—отвѣтилъ императоръ измѣнившимся отъ гнѣва голосомъ,—и завѣряю васъ, что вамъ придется испытать именно то обидное чувство, отъ котораго вы считаете себя навсегда застрахованной. Вы убѣдитесь въ этомъ!—и, не дожидаясь ни отвѣта, ни возраженія, онъ вышелъ изъ уборной непокорной красавицы въ такомъ состояніи раздраженія, что дожидавшійся его въ кулуарѣ фаворитъ почти отскочилъ отъ него въ испугѣ и, слѣдуя за нимъ по данному знаку, чуть не молитву творилъ дорогой. Такой грозы, какъ та, которая была написана на выразительномъ и властномъ лицѣ разгнѣваннаго монарха, еще никогда не приходилось видѣть

XVI.

Пробужденіе льва.

Вернувшись изъ Михайловскаго дворца, императоръ Николай Павловичъ около получаса бесѣдовалъ наединѣ со своимъ ближайшимъ фаворитомъ, сверстникомъ и повѣреннымъ многихъ тайнъ его личной жизни, и тотъ вышелъ отъ государя озабоченный даннымъ ему порученіемъ, но видимо успокоенный относительно того гнѣва, который такъ напугалъ его при выходѣ изъ концертнаго зала.

По возвращеніи изъ концерта серьезно бесѣдовалъ съ Софьей Карловной и Бетанкуръ, отъ котораго тоже не скрылось гнѣвное настроеніе государя въ моментъ его отъѣзда изъ Михайловскаго дворца, и такъ какъ онъ уѣхалъ тотчасъ послѣ своего довольно продолжительнаго пребыванія въ уборной княгини Софьи Карловны, то всегда ловкій и пронырливый флигель-адъютантъ мучился сомнѣніемъ, не она ли чѣмъ нибудь прогнѣвила державнаго властелина. Онъ осторожно выспросилъ ее о сюжетѣ ея бесѣды съ государемъ, и она, принимая эти разспросы за признаки его ревности и желая успокоить его,

значительно смягчила подробности своего характернаго разговора съ императоромъ.

Бетанкуръ, внимательно слушавшій ее, подмѣтилъ нѣкоторую неискренность въ ея передачѣ и остановилъ ее нетерпѣливымъ замѣчаніемъ:

— Да ты, сдѣлай одолженіе, ничего не скрывай!.. Прямо и откровенно разсказывай мнѣ все! Ты лгать не умѣешь, и я по твоему тону слышу, что ты что-то скрываешь и чего-то не договариваешь.

— Я не хотѣла огорчать тебя, Александръ,—нѣжно, почти робко замѣтила Софья Карловна. — Ты могъ подумать... могъ заподозрить...

Онъ вспыхнулъ.

— Что такое? Что я могъ подумать и „заподозрить"? Въ какой еще глупости ты вздумаешь обвинять меня?

— Спасибо тебѣ за то, что ты такъ свято и такъ глубоко вѣришь мнѣ!—сказала княгиня, прижимаясь головой къ его плечу.

Бетанкуръ отстранилъ ее и, вставъ изъ-за чайнаго стола, началъ нервными шагами ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Софья Карловна съ удивленіемъ и почти съ испугомъ слѣдила за нимъ. Она видѣла и понимала, что онъ чѣмъ-то недоволенъ, и это непривычное для нея недовольство такъ сильно взволновало ее, что она рѣшилась разсказать Александру Михайловичу всю правду и подробно передала ему всю свою бесѣду съ государемъ.

По мѣрѣ того какъ она говорила, на лицѣ Бетанкура выражался все болѣе и болѣе отчетливый испугъ, а когда она умолкла, передавъ свой послѣдній отвѣтъ государю и тотъ внезапный порывистый жестъ, съ какимъ онъ вышелъ изъ ея уборной,—Бетанкуръ почти подбѣжалъ къ ней, и, въ упоръ остановившись предъ кресломъ, въ которомъ она сидѣла, громко крикнулъ:

— Да ты съума сошла?.. Скажи ты мнѣ на милость!.. Ты совсѣмъ съума сошла?

— Чего-жъ бы ты хотѣлъ?.. Чтобы я выслушала императора и... пожалуй даже приняла его предложенія?

— Во всякомъ случаѣ мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты мою голову подставляла подъ его гнѣвъ изъ-за твоей дикой фантазіи!

— Ты шутишь, Александръ? Что ты называешь моими „дикими фантазіями"?

— Всѣ тѣ дерзости, которыми ты отвѣтила на слова государя, и тонъ, которымъ ты позволила себѣ говорить съ нимъ

и котораго онъ до сегодня конечно никогда не слыхалъ и по всей вѣроятности никогда впредь не услышитъ!

Такъ рѣзко и грубо Александръ Михайловичъ еще никогда не говорилъ съ княгиней, и она сидѣла предъ нимъ, вся охваченная какимъ-то страннымъ, непонятнымъ чувствомъ. Предъ ней словно новый міръ открывался, у нея въ душѣ точно свѣтъ какой-то погасалъ.

— Что ты говоришь? Боже мой, что ты говоришь?—могла только выговорить она.

— Я говорю, что я ни за чьи въ мірѣ безумства не намѣренъ платить своей карьерой и что я не для того съ такимъ трудомъ добивался флигель-адъютантскихъ аксельбантовъ, чтобы поплатиться ими за твои театральныя выходки и старосвѣтскія гримасы!

Софья Карловна откинулась головой на спинку кресла, сложила на колѣнахъ свои красивыя руки и сидѣла неподвижно, какъ загипнотизированная. Ей казалось, что она видитъ страшный сонъ, и ей мучительно хотѣлось проснуться.

Бетанкуръ тоже упорно молчалъ, большими шагами мѣряя залъ вдоль и поперекъ.

— Что теперь будетъ?.. Что будетъ?—проговорилъ онъ наконецъ, останавливаясь предъ окномъ и горячимъ лбомъ прикладываясь къ холодному стеклу рамы.

Софья Карловна откликнулась на это восклицаніе, котораго положительно не понимала.

— Да объясни мнѣ пожалуйста, чего ты боишься? И причемъ тутъ ты? Вѣдь бесѣдовала съ государемъ я!

— А что-жъ тебя въ армію тѣмъ же чиномъ сослать можно? или отъ двора тебя отчислить?.. или въ солдаты наконецъ разжаловать?..

— Но я полагаю, что и съ тобой ничего подобнаго сдѣлать нельзя, разъ ты ни въ чемъ не провинился?..

— Ты „полагаешь"...—передразнилъ онъ ее. — Какое мнѣ дѣло до того, что ты „полагаешь" и чего ты „не полагаешь"? Я забочусь о томъ, что скажетъ и сдѣлаетъ государь, а не о томъ, что въ твою голову взбредетъ!..

Софья Карловна слушала и едва понимала. Такъ даже тривіальный и невоздержный князь Несвицкій только изрѣдка выражался. Она встала и молча направилась къ двери.

Бетанкуръ не остановилъ ея.

— Я пройду къ Вовѣ!—сказала княгиня, останавливаясь въ дверяхъ.

— И прекрасно сдѣлаешь!.. Не жди меня, ложись!.. У меня сегодня много занятій... Я долго засижусь въ кабинетѣ!

— Я могу придти тоже посидѣть съ тобой?—робко предложила она.

У него вырвался жестъ нетерпѣнія и онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Сдѣлай одолженіе, не безпокойся! Я не могу серьезно заниматься, когда мнѣ мѣшаютъ!

Софья Карловна промолчала. До сихъ поръ она никогда не „мѣшала" ему.

Александръ Михайловичъ дѣйствительно пришелъ въ спальню только часа полтора или два спустя. Княгиня, все время не спавшая и тревожно прислушивавшаяся къ его шагамъ въ кабинетѣ, притворилась спящей, но заснуть могла только подъ утро, будучи вся измучена непривычными впечатлѣніями, вынесенными изъ бесѣды съ Бетанкуромъ.

Когда она проснулась утромъ, его въ спальнѣ уже не было. Онъ пилъ чай въ большомъ залѣ, замѣнявшемъ столовую, по модѣ того времени, когда отдѣльныя столовыя имѣлись только при исключительно обширныхъ квартирахъ и при дворцахъ. Войдя въ залъ, Софья Карловна тотчасъ замѣтила тревожное выраженіе на его лицѣ и заботливо спросила:

— Что съ тобой, Александръ?

— Ничего особеннаго!.. Служебное приглашеніе во дворецъ получилъ, которое не обѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго!..

— Приглашеніе? Что это значитъ?

— Я ни на кофе, ни на бобахъ гадать не умѣю, а потому на твой вопросъ сейчасъ отвѣтить не могу!.. Вотъ вернусь, тогда посвящу тебя въ предметъ той бесѣды, для которой я приглашенъ.

— Но чего же ты можешь опасаться?

— Ахъ, Боже мой... Конечно ничего!.. Вѣроятно меня или въ чинъ произвести хотятъ, или аренду мнѣ предложатъ.

— Ты шутишь!..

— Что-жъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, что ли, аренды добиваться или прямо въ генералы проситься послѣ того, что случилось?..

— Но вѣдь ты за собой никакой особой вины не знаешь? Ты ничего не сдѣлалъ?..

— Я-то ничего!.. Зато другіе за меня постарались!..

— На что ты намекаешь? Вѣдь не я же могу служить предметомъ твоего вызова и возможной непріятности для тебя по службѣ?

— Не можешь, такъ и говорить не о чемъ! — рѣзко оборвалъ княгиню Бетанкуръ, вставая съ мѣста и направляясь въ кабинетъ.

— Ты, что же, ужъ собираешься?

— Разумѣется!.. Чего же ждать? Теперь скоро двѣнадцать;

пока я одѣнусь, пока до дворца доѣду... Не заставлять же меня дожидаться!.. Вѣдь я-то съума еще не сошелъ!

— Въ которомъ же часу ты вернешься?

— Ахъ, Боже мой, почемъ я знаю!—нетерпѣливо отвѣтилъ Александръ Михайловичъ, не оборачиваясь.

— Я потому спросила тебя, что Вова что-то безпокоенъ!.. Няня говоритъ, что еще вчера съ вечера у него былъ маленькій жаръ, и ночь онъ провелъ тревожно.

— Я-то тутъ причемъ?.. Я—не дѣтскій докторъ!.. Пошли за тѣмъ, кто обыкновенно лечитъ его; вѣдь у тебя манера вѣчно пичкать его микстурами.

— Но безъ тебя я не знаю, на комъ именно изъ докторовъ остановиться.

— Да хоть всѣхъ лейбъ-медиковъ разомъ созови, меня-то только въ покоѣ оставьте! — уже прямо крикнулъ Бетанкуръ, исчезая за дверью и оставляя Софью Карловну въ такомъ настроеніи, какое ей еще не приходилось испытывать съ той минуты, какъ она поселилась подъ одной кровлей съ горячо любимымъ человѣкомъ.

Уѣзжая Бетанкуръ даже не зашелъ къ дѣйствительно расхворавшемуся ребенку и, холодно поцѣловавъ княгиню, сказалъ, чтобы она не ждала его къ обѣду, потому что онъ вѣроятно проѣдетъ въ клубъ, гдѣ ему нужно повидаться кое съ кѣмъ изъ товарищей.

Она промолчала и прошла въ дѣтскую, гдѣ оставалась все время до обѣда. Но дождаться Александра Михайловича ей не удалось. Онъ угадалъ, сказавъ, что останется обѣдать въ клубѣ, и этотъ обѣдъ, противъ всякаго обыкновенія, затянулся до поздняго вечера.

Около десяти часовъ вечера Бетанкуръ прислалъ сказать, чтобы его не ждали раньше часа или двухъ часовъ ночи, вернулся же онъ только на зарѣ и прямо прошелъ въ кабинетъ, даже не заглянувъ въ спальню, гдѣ его ждала княгиня, охваченная двойной мучительной тревогой. Ее и его отсутствіе удивляло и пугало, и ребенокъ видимо расхварывался.

Рано утромъ, послѣ почти совершенно безсонной ночи, она вошла въ кабинетъ Бетанкура и застала его крѣпко уснувшимъ на диванѣ, совершенно одѣтымъ, съ распахнутымъ на груди мундиромъ и съ непривычнымъ выраженіемъ не то тревоги, не то глубокаго, не уснувшаго гнѣва на мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

Софья Карловна еще никогда не видала его такимъ, а потому рѣшилась разбудить его, чтобы разспросить, что съ нимъ случилось. Но она не успѣла сдѣлать это. Онъ самъ проснулся

и, увидавъ надъ собой ея заботливо склоненное лицо, быстро приподнялся и съ нескрываемой досадой произнесъ:

— Что еще за новости? Что за шпіонство? Я къ этому не привыкъ!..

— Намъ обоимъ приходится равно удивляться! — отвѣтила княгиня, на этотъ разъ твердо и спокойно. — Я тоже не привыкла ни къ такому позднему твоему возвращенію домой, ни къ такому тревожному сну, въ мундирѣ, на непокрытомъ диванѣ, съ гарусной подушкой подъ головой!.. Я не думала, чтобы ты когда нибудь могъ удовольствоваться такимъ ночлегомъ!

— Я самъ не помню, какъ и когда я вернулся!—не глядя на нее, отвѣтилъ Бетанкуръ.—Послѣ обѣда мы въ клубѣ сѣли играть. Игра затянулась... Затѣмъ устроился товарищескій ужинъ, а послѣ него опять играли до утра...

— И въ результатѣ вѣроятно проигрышъ?..

— Да, и къ сожалѣнію очень значительный!..

— Это—послѣдняя изъ бѣдъ!.. Денегъ у насъ хватитъ!..

— А о какихъ же иныхъ бѣдахъ идетъ рѣчь? — неловко спросилъ Александръ Михайловичъ, избѣгая встрѣтиться съ ней взоромъ.

— О твоемъ непостижимомъ отсутствіи въ теченіе цѣлаго дня, о твоемъ равнодушіи къ болѣзни ребенка, о здоровьѣ котораго ты даже не освѣдомился!..

— Ты не дала мнѣ времени сдѣлать это!.. Вѣроятно ничего серьезнаго нѣтъ, если у тебя достаетъ досуга на то, чтобы слѣдить за мной, какъ за мальчикомъ, котораго надо водить на помочахъ!..

Софья Карловна не могла и не хотѣла оправдываться; она предпочла перемѣнить разговоръ.

— Чѣмъ же окончилась твоя вчерашняя аудіенція?—спросила она.—Зачѣмъ вызывали тебя?

Бетанкуръ съ притворнымъ равнодушіемъ махнулъ рукой и нехотя отвѣтилъ:

— Служебныя дѣла!

— Вотъ видишь!.. А ты вообразилъ себѣ Богъ знаетъ что!.. И гнѣвъ государя сюда припуталъ, и всякіе ужасы!

— Никакихъ ужасовъ я не придумывалъ и попросилъ бы тебя не припутывать имени государя ко всему твоему вздору.

— А про Вову ты все-таки не спросишь?—укоризненно покачала головой Софья Карловна.

— Потому что убѣжденъ, что вся болѣзнь ребенка въ твоемъ воображеніи.

— Къ несчастью ты ошибаешься, и такъ какъ ты вѣро-

что сегодня пробудешь дома, то будешь имѣть случай самъ бесѣдовать съ докторомъ.

— Нѣтъ, сегодня я не могу обѣдать дома!..

— Какъ?.. Опять?

— Да, опять!..

— И вечеръ у тебя тоже занятъ будетъ?

— Да, вѣроятно и вечеръ!.. Если я не вернусь къ одиннадцати часамъ, то вели приготовить мнѣ постель въ кабинетѣ... Я не хочу будить тебя, тѣмъ болѣе, что ты говоришь, что Вова боленъ.

— Тѣмъ болѣе причинъ пройти въ спальню и провѣдать его въ дѣтской! Но я не настаиваю, — сама оборвала свою рѣчь княгиня.—Поступай, какъ хочешь и какъ знаешь. Я привыкла вѣрить въ то, что ты всегда поступаешь и честно, и умно!

Сказавъ это, она вышла изъ комнаты и уже не возвращалась до минуты отъѣзда Бетанкура.

Уѣзжая онъ зашелъ проститься съ нею и, не глядя на нее, какъ-то неловко произнесъ:

— Мнѣ нужны деньги!.. Придется размѣнять одинъ изъ ломбардныхъ билетовъ!.. Ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Я? Конечно нѣтъ!.. Ты знаешь, что я передала всѣ денежныя дѣла въ полное твое вѣдѣніе и никогда не вмѣшиваюсь въ нихъ.

— Но мы уже много прожили, и мой вчерашній проигрышъ... все это, вмѣстѣ взятое...

— Вѣроятно еще не довело насъ до полнаго разоренія?— улыбнулась Софья Карловна своей свѣтлой, чарующей улыбкой.—Но если бы и такъ, то это—послѣдняя изъ всѣхъ моихъ заботъ, ты знаешь это!.. Я люблю деньги только какъ средство, люблю ихъ за то, что онѣ сослужили мнѣ великую службу, а именно, помогли избавиться отъ ненавистнаго замужества и тѣсно связать свою судьбу съ твоей. А теперь, когда мы связаны вѣчной, неразрывной цѣпью, деньги являются только лишнимъ удобствомъ и никакой существенной роли ни въ моей, ни въ твоей жизни играть не могутъ!..

— Стало быть, ты разрѣшаешь мнѣ...

— Тебѣ не нужно никакого разрѣшенія!.. Деньги твои...

— Я выдамъ тебѣ вексель... Я не считалъ себя въ правѣ...

— Вотъ это—разговоръ уже обидный и ничѣмъ не вызванный мною!.. Вмѣсто того, чтобы озабочиваться денежными расчетами со мной, ты своимъ дорогимъ присутствіемъ подари меня и не оставляй насъ съ Вовой сиротливыми и одинокими на долгія ночи!..

Бетанкуръ выслушалъ ея какъ-то неловко, почти отворачи-

ваясь, чтобы не смотрѣть ей въ глаза, но въ теченіе цѣлаго дня опять домой не заглянулъ и, вернувшись на разсвѣтѣ, прямо прошелъ въ свой кабинетъ.

Эти два тревожные дня были какъ бы сигналомъ къ полному измѣненію отношеній между Софьей Карловной и Бетанкуромъ. Они красной нитью прошли чрезъ всю жизнь княгини, и не прошло и мѣсяца послѣ знаменитаго концерта въ Михайловскомъ дворцѣ, какъ она уже узнать не могла свое прежнее уютное гнѣздышко, полное свѣта и радости.

Болѣзнь, вынесенная ребенкомъ, оставила сильные и неизгладимые слѣды на всемъ его организмѣ, и, всегда веселый, цвѣтущій и улыбающійся, онъ теперь былъ блѣденъ, вялъ и то припадалъ ослабѣвшей головкой къ плечу матери и спалъ на ея рукахъ, то подолгу мучительно плакалъ, видимо страдая и будучи безсиленъ объяснить свои страданія.

Княгиня изнывала отъ горя и тревоги, но раздѣлить мучительное горе ей было не съ кѣмъ.

Бетанкуръ дома почти не бывалъ, постоянно отговариваясь дѣлами службы, по которой дѣйствительно получалъ безпрестанныя экстренныя порученія и назначенія. То его назначали состоять при путешествующемъ иностранномъ принцѣ, являвшемся къ русскому двору, то назначали не въ очередь на дежурство во дворецъ, то, будучи облеченъ особыми порученіями, онъ мчался изъ одной крѣпости въ другую, переѣзжая изъ Кронштадта въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ, а затѣмъ, едва показавшись дома, опять чуть не фельдъегеремъ летѣлъ въ Кронштадтъ.

Такая масса разнородныхъ назначеній и порученій совершенно сбивала съ толку непривычную къ нимъ княгиню и видимо не особенно радовала и самого Бетанкура. А между тѣмъ она совершенно отдалила его отъ дома и прежняго тѣснаго семейнаго кружка, и онъ мало-по-малу дѣлался гостемъ въ своемъ собственномъ домѣ.

Александръ Михайловичъ покорялся этому молча и безъ сопротивленія и даже въ тѣ рѣдкіе свободные промежутки, которые выпадали на его долю, часто проводилъ вечера въ клубѣ, причемъ принялъ за правило засиживаться въ немъ до утра.

Онъ съ каждымъ днемъ становился все пасмурнѣе и пасмурнѣе и смотрѣлъ все болѣе виновато, иногда подолгу останавливая свой взглядъ на княгинѣ и постепенно хирѣвшемъ ребенкѣ.

Такъ прошло около двухъ или трехъ мѣсяцевъ, и Софья Карловна, почти собравшаяся на дачу, была однажды смертельно испугана ночью такимъ внезапнымъ припадкомъ болѣзни ре-

бенка, что порѣшила, ничего не дожидаясь, увезти его на югъ за границу, куда въ одинъ голосъ направляли ее всѣ доктора, единодушно рѣшившіе, что въ невозможномъ петербургскомъ климатѣ ребенокъ не можетъ поправиться.

Она нетерпѣливо ожидала возвращенія вновь командированнаго куда-то Бетанкура, для того чтобы сообщить ему о своемъ рѣшеніи, и въ то же время упросить его какъ можно скорѣе взять отпускъ и догнать ихъ на пути. О томъ, чтобы онъ отпустилъ ее съ больнымъ ребенкомъ одну за границу, она ни одной минуты не думала и была поражена, услыхавъ отъ него по его возвращеніи изъ командировки, что ее онъ охотно отпускаетъ всюду, куда она считаетъ нужнымъ поѣхать для пользы ребенка, но что самъ онъ вынужденъ отказаться отъ возможности сопровождать ихъ, потому что объ отпускѣ въ данную минуту не только говорить, а даже думать невозможно.

Этотъ отвѣтъ засталъ Софью Карловну совершенно врасплохъ и буквально ошеломилъ ее.

— Какъ? Ты не поѣдешь съ нами?—внѣ себя отъ удивленія, почти отъ ужаса воскликнула она.—Но развѣ это возможно? Вѣдь ты слышишь, Вова серьезно боленъ!..

— Что же дѣлать? Богъ дастъ, поправится. Дѣтская болѣзнь—дѣло проходящее!..

— Но какъ же я одна...

— Ахъ, Боже мой!.. возьми бонну, компаньонку, доктора съ собой возьми до мѣста назначенія... Я денегъ дамъ тебѣ съ собой, сколько будетъ нужно.

Софья Карловна была чрезвычайно опечалена всѣмъ этимъ разговоромъ и уже начала подумывать о томъ, чтобы не отправляться въ поѣздку.

А между тѣмъ ребенку дѣлалось все хуже и хуже, и, по свидѣтельству цѣлаго консиліума докторовъ, скоро могъ наступить тотъ моментъ, когда и путешествіе могло стать для него невозможнымъ.

Княгиня совершенно потеряла голову. Предъ мыслью о возможности потерять ребенка все стушевывалось, все пропадало, и, наскоро собравшись и выправивъ нужныя бумаги, она поспѣшно выѣхала за границу, наскоро захвативъ съ собой только самое необходимое и поручивъ Бетанкуру выслать ей все остальное уже по мѣсту назначенія, по полученіи отъ нея подробнаго адреса.

Софья Карловна прощалась съ любимымъ человѣкомъ какъ во снѣ. Ей до послѣдней минуты не вѣрилось въ то, что онъ рѣшится отпустить ее одну съ больнымъ ребенкомъ, и съ как-

дымъ возвращеніемъ его домой она тревожно заглядывала ему въ глаза, надѣясь услыхать отъ него радостную вѣсть о томъ, что онъ измѣнилъ свое рѣшеніе, взялъ отпускъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нею.

Но дождаться этого ей не пришлось. Бетанкуръ даже наканунѣ отъѣзда не могъ провести съ ней вечеръ и вернулся только послѣ полуночи съ экстренной командировки.

— До конца домучали меня условія твоей службы!—вырвалось у Софьи Карловны, когда она, мучительно ожидавшая Бетанкура въ теченіе всего долгаго вечера, встрѣтила его на порогѣ зала.

Желѣзныхъ дорогъ внутри Россіи въ то время не было; до границы и почти по всей Германіи приходилось ѣхать въ экипажѣ, и путешествіе съ больнымъ ребенкомъ представляло собой столько почти непреодолимыхъ затрудненій, что какъ сама княгиня, такъ и Бетанкуръ съ самаго ранняго утра въ день отъѣзда были удручены заботами о томъ, чтобы маленькій больной былъ окруженъ въ теченіе сравнительно долгаго и мучительнаго путешествія возможнымъ комфортомъ.

Въ этотъ день Бетанкуръ съ утра оставался при Софьѣ Карловнѣ. Онъ рѣшительно объявилъ ей, что наотрѣзъ откажется отъ всякаго порученія, чтобы лично проводить ее, и исполнилъ свое слово. Онъ позавтракалъ вмѣстѣ съ княгиней, самъ уложилъ въ дорожную корзину все необходимое въ пути, привезъ ей размѣненныя на золото деньги, необходимыя на путевыя издержки, съ ея согласія порѣшивъ, что общую крупную сумму онъ переведетъ ей уже прямо по мѣсту жительства за границей, и, окончательно прощаясь съ ней и обнимая ее въ послѣдній разъ на порогѣ квартиры, такъ порывисто и такъ горько зарыдалъ, что княгиня инстинктивно испугалась этого порыва.

— Саша?.. голубчикъ... дорогой!.. Что съ тобой?.. Какое предчувствіе томитъ твою душу?.. Скажи мнѣ правду... всю правду!.. Мнѣ смутно кажется, что отъ меня скрываютъ что-то, что мнѣ грозитъ какое-то страшное несчастіе!..

При этихъ словахъ Бетанкуръ моментально опомнился отъ своего порыва; овладѣвъ собой, онъ выпустилъ Софью Карловну изъ своихъ объятій и проговорилъ голосомъ, которому старался придать выраженіе полнаго спокойствія:

— Перестань, моя дорогая!.. Полно!.. Не волнуйся!.. Что можетъ грозить тебѣ?.. Ты займешься здоровьемъ Вовы, спасешь его отъ опасности, выходишь его и вернешься сюда вмѣстѣ съ нимъ.. Мы будемъ переписываться... Время пройдетъ незамѣтно!..

— А тебя, стало быть, я уже никакъ не могу ждать туда... къ себѣ?—заглядывая ему въ глаза, спросила Софья Карловна.

Ей упорно хотѣлось самое себя обмануть напрасной надеждой; не хотѣлось вѣрить въ то горе, которое она скорѣе чувствовала, нежели сознавала.

Въ дормезъ княгиню положили почти безъ памяти, и Бетанкуръ, провожавшій ее до заставы, самъ въ послѣднюю минуту едва могъ оторваться отъ экипажа, уносившаго все, чѣмъ онъ жилъ въ послѣдніе годы своей уравновѣшенной, спокойной, счастливой жизни. Домой онъ вернулся только на минуту. Ему трудно было видѣть эту разомъ опустѣвшую квартиру, этотъ словно вымершій домъ, еще такъ недавно полный счастья, движенія и радости!

Наскоро переодѣвшись въ парадную форму, онъ прямо отправился во дворецъ и былъ немедленно принятъ фаворитомъ государя, всрѣтившимъ его вопросомъ:

— Что? покончили? Ну, и отлично!.. Государь будетъ доволенъ, а вы конечно сознаете, что священная обязанность каждаго изъ насъ по силѣ и возможности способствовать къ успокоенію его величества!.. Такъ труденъ крестъ, посланный ему судьбою, такъ тяжела покоящаяся на его вѣнчанной главѣ шапка Мономаха!—закончилъ онъ литературной цитатой свою іезуитски вкрадчивую рѣчь.

Бетанкуръ не отвѣтилъ ни слова. Въ его смущенной душѣ укоромъ вставали воспоминанія о только что покинутой имъ, беззавѣтно преданной, молодой красавицѣ, отдавшей ему всю жизнь и горько рыдавшей на его груди въ послѣднюю минуту разлуки.

Онъ молча почтительно откланялся, вышелъ изъ дворца и проѣхалъ сначала въ клубъ, гдѣ, несмотря на ранній часъ, выпилъ залпомъ чуть не цѣлую бутылку шампанскаго, а затѣмъ въ офицерское собраніе, гдѣ, засѣвъ за карты, почти безсознательно проигралъ крупную сумму денегъ.

Онъ чувствовалъ приступъ мучительной тоски. Ему за карточнымъ столомъ, съ бокаломъ въ рукахъ смутно казалось, что онъ по живомъ человѣкѣ тризну правитъ!..

XVII.

Безпросвѣтное горе.

Болѣзнь маленькаго Вовы затянулась, а вмѣстѣ съ нею затянулось и обязательное присутствіе княгини за границей. Она не отходила отъ маленькаго больного, посвящала ему все

свое время, отдавала ему всѣ свои силы, но почти сознавала всю безполезность этой мучительной жертвы.

Доктора, слѣдившіе за болѣзнью медленно угасавшаго маленькаго страдальца, почти не скрывали отъ нея всей безнадежности положенія. Продлить медленно уходившую жизнь было возможно, спасти ее было нельзя!

Къ горю княгини прибавлялось еще то, что письма отъ Бетанкура приходили все рѣже и рѣже, дѣлались съ каждымъ разомъ все короче, безсодержательнѣе и холоднѣе и что въ то же время отъ нихъ какъ-то смутно все болѣе и болѣе вѣяло радостью и праздникомъ жизни, какъ будто съ ея отъѣздомъ изъ Россіи на ловкаго карьериста потокомъ хлынули всевозможныя блага и удачи *).

Александръ Михайловичъ сообщалъ ей, что его служебныя дѣла идутъ блестяще, что на послѣднихъ балахъ онъ имѣлъ гордость и счастье танцовать съ пріѣзжавшей въ Петербургъ нидерландской королевой, сестрой государя. Онъ писалъ, что въ фаворитѣ государя нашелъ себѣ дѣятельнаго и усерднаго покровителя, многимъ уже обязанъ ему и возлагаетъ на него широкія надежды въ будущемъ. Между прочимъ онъ сообщилъ и о томъ, что фаворъ молоденькой фрейлины Нелидовой все прогрессируетъ, что съ ней уже считаются высшіе сановники и почетныя лица высочайшаго двора, и при этихъ сообщеніяхъ въ его словахъ проскальзывало выраженіе серьезнаго одобренія по адресу ловкой и умѣлой фаворитки. Но, сообщая обо всемъ этомъ, онъ ловко обходилъ свои личныя отношенія къ Софьѣ Карловнѣ, такъ что каждое письмо приносило ей новое разочарованіе.

Леченіе больного ребенка требовало огромныхъ денегъ, и такъ какъ княгиня, вообще не умѣвшая расчитывать и экономить ни въ чемъ, на эти издержки не жалѣла уже положительно ничего, то и денегъ выходила масса; въ отвѣтъ на ея постоянныя требованія о высылкѣ новыхъ переводовъ иногда проскальзывали уже легкое неудовольствіе благоразумнаго Бетанкура и его совѣты умѣрить расходы и не бросать денегъ на вѣтеръ.

Подобныя замѣчанія нѣсколько удивляли княгиню, но она не находила нужнымъ возражать на нихъ, такъ какъ при всякомъ возраженіи ей пришлось бы напомнить ему, что деньги принадлежатъ ей и что если кому нибудь слѣдуетъ тратить ихъ съ оглядкою и осторожностью, то во всякомъ случаѣ не ей. На подобное напоминаніе Софья Карловна по своей натурѣ

*) «Историческій Вѣстникъ» 1910 г., книга 1-я.

была неспособна и не рѣшилась бы сдѣлать его даже по адресу менѣе близкаго и дорогого ей человѣка, нежели былъ Бетанкуръ; въ свои личныя отношенія къ нему она менѣе всего хотѣла впутывать денежные расчеты и сильнѣе всего остерегалась каждаго неделикатнаго и неосторожнаго намека.

Уже болѣе полугода прожила княгиня съ больнымъ ребенкомъ то въ Швейцаріи, то на югѣ Франціи и въ виду надвигавшагося зимняго сезона уже собиралась переѣхать въ Ниццу, какъ вдругъ въ одинъ изъ своихъ рѣдкихъ выѣздовъ, всегда сопряженныхъ съ исполненіемъ какихъ нибудь докторскихъ требованій или предписаній, ей пришлось столкнуться съ однимъ изъ бывшихъ товарищей своего мужа, молодымъ графомъ Тандреномъ. Онъ пріѣхалъ во Францію вслѣдствіе смертельной болѣзни матери и, только что похоронивъ ее, собирался возвратиться обратно въ Россію, когда случайно встрѣтился съ княгиней Софьей Карловной.

Княгиня не узнала Тандрена въ штатскомъ платьѣ, но онъ тотчасъ же узналъ ее и очень обрадовался ей. О ней всѣ въ преображенскомъ полку сохранили самое сердечное воспоминаніе, и княгиня была прямо тронута той искренней радостью, какую обнаружилъ Тандренъ при встрѣчѣ съ нею.

Онъ забросалъ ее вопросами и, не дослушавъ ея отвѣтовъ, самъ принялся торопливо разсказывать ей всѣ новости Петербурга и двора. Онъ сообщилъ ей о нѣсколькихъ затѣвавшихся въ высшемъ свѣтѣ свадьбахъ, пожаловался вскользь на слишкомъ сильное вліяніе, какое забираютъ Клейнмихель и Бенкендорфъ, упомянулъ о новой скандальной исторіи одного прожигателя сердецъ, не безъ зависти передалъ нѣсколько интимныхъ подробностей объ удачахъ легендарнаго красавца Монго Столыпина и вскользь коснулся той силы, какую начинала забирать при дворѣ молодая Нелидова.

Софья Карловна слушала его разсѣянно; все, что онъ сообщалъ ей, очень мало интересовало ее. Она просто была рада видѣть его давно знакомое ей, жизнерадостное лицо, слышать давно знакомый ей голосъ, внимать давно не слышанной ею русской рѣчи, но при всемъ этомъ ей не могло не броситься въ глаза, что въ своемъ долгомъ, довольно безсвязномъ, но очень обстоятельномъ разговорѣ Тандренъ ни раза не коснулся того, что ее дѣйствительно и глубоко интересовало, ни раза съ его языка не сорвалось имя Бетанкура.

Княгиня поняла это, какъ утонченную деликатность молодого гвардейца, и, будучи въ душѣ благодарна ему, все-таки втайнѣ не могла не пожалѣть немного, что ей не удастся

ничего узнать объ Александрѣ Михайловичѣ изъ прямого источника.

Узнавъ о болѣзни маленькаго сына княгини, Тандренъ самымъ душевнымъ образомъ отнесся къ ея горю и принялся сообщать ей адреса всевозможныхъ докторовъ, съ которыми ему пришлось познакомиться въ послѣднее время. Онъ непритворно и искренне жалѣлъ молодую женщину, и она не могла не сознавать этого въ душѣ; это сожалѣніе въ одно и то же время и радовало, и слегка оскорбляло ее.

Коснувшись отпуска, полученнаго Тандреномъ, Софья Карловна какъ бы мимоходомъ коснулась вопроса о томъ, насколько продолжаютъ быть трудны заграничные отпуски, и была почти обрадована, когда Тандренъ подтвердилъ ей, что лицъ, состоящихъ на военной службѣ, за границу почти не выпускаютъ и что въ этомъ пунктѣ совершенно сходятся и государь, и великій князь Михаилъ Павловичъ, мнѣнія которыхъ въ послѣднее время все рѣже и рѣже согласовались.

При упоминаніи о великомъ князѣ Софья Карловна оживилась и, узнавъ, что великая княгиня Елена Павловна недавно подарила супруга новой великой княжной, съ улыбкой воскликнула:

— Опять дочь?.. Бѣдный великій князь!.. Ему такъ хочется имѣть сына!..

Имя Бетанкура какъ-то почти мелькомъ было произнесено по поводу разсказа о какомъ-то недавнемъ блестящемъ собраніи при дворѣ, и княгиня поняла изъ словъ жизнерадостнаго разсказчика, что ея дорогому „мужу" везетъ и по службѣ, и въ обществѣ.

Прощаясь съ графомъ, Софья Карловна рѣшилась прямо заговорить о томъ, что болѣе всего интересовало ее.

— Скажите, графъ, вы видаете Бетанкура?—спросила она, не глядя на своего собесѣдника.

— О, да, очень часто!—какъ будто слегка заминаясь, отвѣтилъ Тандренъ.—Онъ въ большой милости при дворѣ и его, какъ у насъ по службѣ говорится, „за уши тянутъ".

— Да? Въ чемъ же это выражается?

— Во всемъ княгиня, положительно во всемъ! Теперь всюду выдвигаютъ Александра Михайловича, ему даютъ самыя видныя порученія, его прикомандировываютъ ко всѣмъ наѣзжающимъ герцогамъ и принцамъ, которые снуютъ вдоль по нашей матушкѣ Россіи, увозятъ наши деньги и смѣются надъ нами какъ надъ дураками! Впрочемъ Бетанкуру и тутъ везетъ, и каждый изъ этихъ кочующихъ принцевъ непремѣнно снабжаетъ его какимъ нибудь ни имъ, ни ему ненужнымъ орденомъ.

Больше всего изъ „флигелей" везетъ Бетанкуру и Чернышеву, и когда они, сердечные, являются при всѣхъ своихъ фантастическихъ регаліяхъ, такъ у нихъ всякій разъ на груди какъ въ ясную зимнюю ночь вызвѣздитъ!..

Тандренъ пошутилъ, но тотчасъ умолкъ, сознавъ, что его шутка неумѣстна и неудачна.

Онъ помолчалъ съ минуту и затѣмъ, какъ будто на что-то рѣшившись, сказалъ, крѣпко, по-братски пожимая руку Софьи Карловны:

— Простите меня, княгиня, не сочтите меня ни дерзкимъ, ни навязчиво смѣлымъ!.. Вы не первый день меня знаете... вы помните меня моложе... Я всегда, какъ вамъ извѣстно, былъ откровененъ и прямъ... даже до забвенія приличій! Мнѣ и доставалось за это... но я обязанъ этому дружбой многихъ изъ знакомыхъ и товарищей. Иные видятъ въ моей смѣлой прямотѣ доказательство моей честности, другіе меня за нее прямо дуракомъ называютъ!.. Я не спорю ни съ тѣмъ, ни съ другимъ... Но я желалъ бы, чтобы вы поняли меня такъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, и чтобы вы повѣрили мнѣ!..

— Я вѣрю вамъ!—упавшимъ голосомъ, съ разстановкой произнесла Софья Карловна.—Вы хотите сказать мнѣ что нибудь?.. Вы что нибудь знаете?

— Прямо и опредѣленно я ничего не знаю, княгиня, и ничего въ частности не могу передать вамъ, но въ общемъ позвольте дать вамъ дружескій, братскій совѣтъ! Забудьте то, что осталось тамъ, въ нашей холодной и не особенно симпатичной Россіи! Поставьте крестъ на томъ, что умерло, и начните новую жизнь!.. Вы молоды, хороши, умны, богаты! Судьба дала вамъ все, что можетъ дать женщинѣ... Не старайтесь брать у жизни то, что она дать вамъ не въ силахъ, и не растрачивайте своихъ душевныхъ сокровищъ на то, что не стоитъ ихъ!.. Повѣрьте мнѣ, на долю каждаго судьбаприберегаетъ свою долю счастья, на днѣ каждой рѣки есть своя златоносная жилка!.. Стоитъ только найти ее... Вы ошиблись въ выборѣ разъ, ошиблись другой... Смѣло идите дальше, и— вѣрьте мнѣ!—до своего счастья вы дойдете!

— Что значатъ ваши слова? Что вы хотите сказать этимъ?

— Не спрашивайте меня, княгиня! Мнѣ нечего сказать вамъ. Фактовъ у меня въ рукахъ нѣтъ никакихъ, но зато подозрѣній... масса! Простите мнѣ рѣзкость моихъ словъ! не осудите меня строго!.. Но я, положа руку на сердце, долженъ сказать вамъ, что флигель-адъютанта Бетанкура я не люблю, какъ не любятъ его многіе изъ тѣхъ, кто знаетъ его и понялъ по-настоящему! Вы спросите меня, что онъ сдѣлалъ?..

Ничего, княгиня, ничего такого, на что я могъ бы прямо и подробно указать вамъ, но зато онъ въ состоянiи сдѣлать все, что ему покажется нужнымъ и выгоднымъ! Мы, преображенцы, помнимъ и любимъ васъ, и, по старой памяти, гордимся вами! И мы, собравшись недавно тѣснымъ товарищескимъ кружкомъ, подробно остановились на всемъ, что произошло и происходитъ до сихъ поръ при дворѣ по вашему адресу!

— При дворѣ?.. По моему адресу? Да кому же до меня дѣло при дворѣ?—воскликнула Софья Карловна.—Я ни о комъ ничего не знаю, и меня навѣрное всѣ давно забыли!..

— Къ несчастью нѣтъ, княгиня!.. Есть люди, которые не находятъ возможнымъ забыть васъ!..

— Я понимаю васъ, графъ. Но Бетанкуръ... онъ тутъ причемъ? Онъ безсиленъ былъ защитить меня... Да я и не нуждаюсь въ защитѣ, мнѣ ничто серьезно не угрожало и ни на что я пожаловаться не могу!..

— Кто говоритъ о защитѣ, княгиня? Защиты отъ такихъ людей, какъ Бетанкуръ, ни ждать, ни требовать нельзя!.. Кто требовалъ и ждалъ защиты отъ Iуды? Конечно никто. Онъ былъ бы правъ и безупреченъ, если бы не предалъ и не продалъ Того, Кто былъ его Учителемъ и Благодѣтелемъ!.. Но онъ не могъ не п р е д а т ь, потому что родился предателемъ, и не могъ не п р о д а т ь, потому что сребренники цѣнилъ выше всего остального... Поймите смыслъ моихъ словъ, княгиня, и простите мнѣ ихъ смѣлость!.. Не ждите Бетанкура сюда! А ищите его тамъ, въ Россiи, когда вы вернетесь туда, и если что нибудь, принадлежащее вамъ, отдано и довѣрено ему, то исправьте эту довѣрчивую ошибку!..

Княгиня Софья Карловна выслушала Тандрена молча и, дружески простившись съ нимъ, вернулась домой, вся охваченная горькимъ сомнѣнiемъ и тяжелымъ предчувствiемъ какой-то надвигавшейся бури. Она хотѣла наединѣ сама съ собой провѣрить все происшедшее, провѣрить только что слышанныя отъ Тандрена слова, но сдѣлать это не успѣла.

Болѣзнь маленькаго Вовы внезапно приняла угрожающiй характеръ, и поспѣшно созванные доктора уже не могли не только спасти, но даже сколько нибудь продлить угасавшую жизнь. Черезъ недѣлю послѣ вѣщаго разговора молодого Тандрена обезумѣвшая отъ горя княгиня Софья Карловна, вся блѣдная, съ широко открытыми и совершенно сухими глазами, стояла у миніатюрнаго гробика маленькаго Вовы, съ загадочной мертвой улыбкой осунувшагося личика выглядывавшаго изъ-за окутывавшихъ его яркихъ цвѣтовъ.

Всѣ послѣднiе дни, съ тѣхъ поръ какъ было произнесено

послѣднее рѣшающее слово медицинскаго ареопага, княгиня, ни на минуту не раздѣваясь, ни на минуту не засыпая, сидѣла у постели сына и, не сводя съ него взора, ловила на дорогомъ лицѣ послѣдніе проблески угасавшей жизни. Она ни о чемъ не думала, ничего не сознавала... Она вся ушла въ свое могучее, безпросвѣтное горе!

Большихъ страданій ребенокъ предъ смертью не испытывалъ. Онъ тихо угасалъ, какъ гаснетъ лампада, въ которой выгорѣло все масло.

Княгиня была готова къ страшной потерѣ; окружавшіе больного доктора давно зорко слѣдили за ней и заботливо готовили ее къ роковому концу, но все-таки, когда послѣдняя искра угасла и молчаніе смерти замѣнило тихій и мучительный плачъ больного ребенка, Софья Карловна вздрогнула, мучительно вскрикнула и, опустившись на колѣна предъ кроваткой сына, тихо замерла, какъ будто во что-то вслушиваясь, какъ будто выжидая какого-то послѣдняго, рѣшительнаго слова.

Въ теченіе послѣднихъ дней княгиня ежедневно писала въ Россію (телеграфнаго сообщенія въ то время еще не было), чуть не ежедневно требовала новыхъ и новыхъ присылокъ денегъ, и хотя ея требованія постоянно исполнялись съ неуклонной аккуратностью и къ мѣстному банкиру была разомъ переведена крупная сумма,—но этимъ почти ограничивалась вся забота Бетанкура о близкихъ и дорогихъ ему существахъ. Ни тревожныхъ вопросовъ, ни мучительныхъ просьбъ спасти ребенка, ни проявленій глубокой тревоги и глубокаго, понятнаго горя,—ничего этого не было въ короткихъ и лаконическихъ письмахъ ловкаго карьериста. Въ каждомъ словѣ проглядывалъ жестокій эгоизмъ, каждая фраза дышала эгоистической заботой о своихъ личныхъ интересахъ, и въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ, полученномъ княгиней уже у смертнаго одра сына, Бетанкуръ выразилъ даже серьезное порицаніе по ея адресу за нерасчетливо-крупныя траты.

„Такъ жить нельзя!—написалъ онъ. — Нельзя такъ неразумно тратить капиталъ! Вѣдь мы не процентами живемъ, а капиталъ тратимъ, и такимъ путемъ можно совсѣмъ разориться. Такихъ тратъ, какія ты тамъ затѣваешь, не выдержитъ и государственное казначейство!“.

Княгиня ничего не отвѣтила на эти непонятные ей выговоры; ей только смутно припомнились недавнія слова Тандрена о „принадлежащемъ ей“, и изъ ея груди вырвался лишній глубокій вздохъ.

Своихъ тратъ она все-таки не умѣрила, и погребеніе маленькаго „князя“, какъ всѣ кругомъ называли ребенка, было

совершено съ роскошью, поставившей втупикъ даже привычныхъ къ русскимъ тратамъ иностранцевъ. Денегъ княгиня вовсе не считала, цвѣты на гробикъ привозились чуть не возами, русское духовенство было вызвано изъ далекой резиденціи посольства, и на всѣхъ, такъ или иначе приближавшихся къ миніатюрному гробику, словно дождь золотой лился.

Вернувшись съ погребенія въ свой опустѣвшій красивый домикъ, княгиня, уйдя въ свое горе, не обдумала и не расчитала, что наличныхъ денегъ у нея почти не остается, и была очень удивлена, когда при какомъ-то требованіи по хозяйству увидѣла, что она очутилась съ пустымъ кошелькомъ въ рукахъ.

Она одновременно послала и къ банкиру, который не отказался снабдить ее временно нужною суммой денегъ, и написала Бетанкуру, сообщивъ ему рокотое извѣстіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выразивъ о немедленной высылкѣ денегъ.

Такое требованіе послѣ незадолго предъ тѣмъ высланной крупной суммы произвело на Бетанкура почти ошеломляющее дѣйствіе и совершенно отодвинуло на второй планъ то горе, какое должно было бы вызвать въ немъ извѣстіе о кончинѣ сына. Онъ не посмѣлъ отказать въ высылкѣ денегъ, но не сумѣлъ также притвориться и огорченнымъ, и все его отвѣтное письмо было полно выговоровъ и укоровъ за непомѣрныя траты и предупрежденій, что дальше такъ дѣло идти не можетъ и что онъ скоро дойдетъ до полнаго разоренія.

Софья Карловна поспѣшила получить деньги и .. оставила письмо почти безъ вниманія. Она начинала прозрѣвать, ясно и отчетливо понимать весь складъ характера такъ горячо любимаго ею человѣка, и завѣса съ мучительною болью спадала съ ея глазъ.

Но время шло, и надо было думать о возвращеніи въ Россію. Тоска одиночества слишкомъ сильно хватала Софью Карловну за душу, слишкомъ мучительно отдавалась въ ея сердцѣ, и ей минутами казалось, что не въ нѣдрахъ чужой земли, а глубинѣ ея измученнаго сердца была вырыта могила ея дорогого, обожаемаго малютки-сына.

Она написала Бетанкуру, что собирается вернуться въ Петербургъ, получила въ отвѣтъ длинное посланіе и, прочитавъ его, буквально окаменѣла.

Александръ Михайловичъ написалъ ей, что не сочувствуетъ идеѣ ея возвращенія, предложилъ ей пожить еще нѣкоторое время за границей, умѣривъ конечно свои непомѣрныя траты, посовѣтовалъ отдохнуть отъ пережитаго горя и... при этомъ какъ бы между словъ сообщалъ ей о томъ, что уже давно

передалъ ту квартиру, на которой они жили вмѣстѣ, и что пригласить ее въ свое тѣсное, на холостую ногу устроенное помѣщеніе онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Княгиня прочитала разъ это странное и непонятное для нея посланіе, прочитала его второй разъ и остановилась, вся охваченная чувствомъ не горя, не отчаянія, а глубокаго, невыразимаго удивленія.

Онъ „не можетъ пригласить ее“? Что же это такое? Стало быть, она стала уже совершенно чужой ему? Или ея мѣсто занято? Или другая замѣнила ее и въ его домѣ, и въ его черствомъ, холодномъ сердцѣ?

Княгиня провела безсонную ночь, въ теченіе которой какъ будто снова пережила всю свою недолгую, но полную тревоги жизнь, а затѣмъ, принявъ смѣлое и быстрое рѣшеніе, на другой же день утромъ простилась съ дорогой могилкой и вечеромъ выѣхала въ Россію.

Бетанкура она о своемъ пріѣздѣ не предупредила... Все равно ужъ было! Цѣпь была порвана, свѣтъ погасъ! Оставалось только подвести тяжелые житейскіе итоги.

XVIII.

Игра судьбы.

Въ Петербургъ княгиня пріѣхала вся разбитая и недавно перенесеннымъ горемъ, и дальнимъ путешествіемъ и въѣхала прямо въ незадолго предъ тѣмъ открытую „Серапинскую гостиницу“, гдѣ и заняла четыре номера подрядъ, образовавъ изъ нихъ вполнѣ комфортабельную квартиру.

Княгиня пріѣхала предъ вечеромъ, и на другой же день, рано утромъ, коротенькой записочкой увѣдомила Бетанкура о своемъ прибытіи. Она даже не звала его, она хотѣла предоставить ему полную свободу дѣйствій. Она пріѣхала измученная, больная, но закаленная и готовая идти навстрѣчу всякой тяжелой неожиданности, грудью встрѣтить всякую новую бѣду!

Софья Карловна претерпѣла такъ много, что, казалось, ничто не могло поразить ее изстрадавшееся сердце... „такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“...

На Бетанкура ея записка произвела ошеломляющее дѣйствіе.

Ни къ чему онъ не былъ такъ мало готовъ, какъ къ встрѣчѣ съ Софьей Карловной, и ничто не могло такъ сильно удивить и испугать его, какъ перспектива этой неожиданной встрѣчи.

Записка княгини застала его еще въ постели. Онъ тотчасъ же всталъ и, на словахъ отвѣтивъ посланному, что сей

часъ пріѣдетъ, дѣйствительно тотчасъ же сталъ торопливо одѣваться.

Княгиня ждала его почти спокойно. Ею овладѣло почти то же мертвенное спокойствіе, съ какимъ она незадолго предъ тѣмъ стояла у гроба только что отошедшаго въ вѣчность сына. Она чувствовала, что что-то окончено, ушло, что съ чѣмъ-то и съ кѣмъ-то надо прощаться, и это предстоявшее ей прощанье злымъ призракомъ, ужасомъ зіяющей могилы вставало предъ нею!

Ждать Софьѣ Карловнѣ пришлось довольно долго, и, несмотря на то, что вернувшійся посланный доложилъ княгинѣ, что баринъ сейчасъ же вслѣдъ за нимъ самъ будетъ, прошло болѣе часа, прежде чѣмъ лакей гостиницы, осторожно постучавъ въ дверь, подалъ Софьѣ Карловнѣ визитную карточку Бетанкура.

Этотъ полуоффиціальный тонъ, эта визитная карточка, поданная тамъ, гдѣ она была въ правѣ ждать страстнаго порыва и горячихъ объятій, холодомъ охватили Софью Карловну; она чувствовала себя въ положеніи человѣка, которому прочитанъ его смертный приговоръ.

— Просите!—могла только сказать она, и, когда дверь отворилась и на темномъ фонѣ портьеры показалась такъ хорошо знакомая ей, дорогая фигура Александра Михайловича, ее какъ ножомъ по сердцу ударило. Она могла только встать съ мѣста и, не сдѣлавъ ни одного шага ему навстрѣчу, тихо проговорить:—здравствуйте!..

Она даже „здравствуй" сказать не рѣшилась этому совсѣмъ ей чужому человѣку, который такъ виновато, такъ растерянно стоялъ на порогѣ комнаты.

„Ты" говорятъ людямъ близкимъ, дорогимъ, а Бетанкуръ былъ совсѣмъ чужимъ ей!

Александръ Михайловичъ превозмогъ свое волненіе и подошелъ къ княгинѣ. Она молча протянула ему руку; онъ поднесъ къ губамъ эту дорогую, знакомую ему, красивую руку... и только! ни обнять, ни поцѣловать близкую ему женщину онъ не рѣшился. Онъ не рѣшился даже спросить у матери своего умершаго ребенка о причинѣ и подробностяхъ его сиротливой кончины. Имъ овладѣла какая-то непонятная робость. Такъ несмѣло, такъ труслиьо онъ еще никогда въ жизни ни къ кому не подходилъ.

Софья Карловна осторожно освободила свою руку изъ его дрожавшихъ рукъ и тихо сказала:

— Садитесь!

Бетанкуръ опустился на близстоявшій стулъ.

Прошла минута тяжелаго, ничѣмъ не нарушаемаго молчанія. Александръ Михайловичъ заговорилъ первый, и заговорилъ прямо о дѣлѣ. Онъ чувствовалъ и понималъ, что ни о чемъ иномъ между ними не могло быть рѣчи.

— Я не ждалъ вашего скораго пріѣзда,—не глядя на нее, сказалъ онъ,—и вслѣдствіе этого не могъ приготовить подробный отчетъ въ оставленныхъ мнѣ вами деньгахъ!

— Да развѣ я требовала отъ васъ отчета?—твердо и спокойно спросила она.

— Я не говорю этого, но все-таки... чужія деньги—святая и отвѣтственная вещь.

— Я передала эти деньги не „чужому", а близкому и родному мнѣ человѣку. Вы знаете, что я не придавала имъ значенія даже тогда, когда покупала на нихъ счастье и покой дорогихъ мнѣ существъ!.. Стану ли я говорить о нихъ теперь, когда я, совершенно одинокая, стою на краю двухъ глубокихъ могилъ?

— Двухъ могилъ?—удивился Бетанкуръ.

— Да! Вѣдь вы для меня тоже умерли и, несмотря на то, что я въявь бесѣдую съ вами, вы отъ меня дальше, нежели мой бѣдный Вова, что лежитъ тамъ, далеко, въ чужой землѣ, на берегу чужого моря!.. Но оставимъ въ покоѣ могилы и перейдемъ къ разговору о живыхъ. Скажите пожалуйста, вы... не женаты?

— Что за вопросъ? Вы знаете, что нѣтъ! — пожимая плечами, отвѣтилъ Бетанкуръ.

— И не собираетесь жениться?

— Никогда и ни на комъ! Въ этомъ я даю вамъ мое честное слово!..

— Напрасно!.. Я не повѣрю ему!.. Вы живете одни или съ товарищемъ?

— Нѣтъ, я временно поселился съ Остенъ-Сакеномъ, братомъ бывшаго адъютанта великаго князя.

— Почему „бывшаго"?—спросила Софья Карловна, — развѣ онъ не служитъ болѣе?

— Нѣтъ, онъ вышелъ въ отставку.

— Почему же вы такъ стѣснили себя помѣщеніемъ? Вѣдь у васъ должны быть деньги?

Бетанкуръ видимо сконфузился и тихо произнесъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что представлю вамъ подробный отчетъ обо всемъ, что было истрачено вами и мною въ теченіе этого времени! Вы много и часто требовали, я тоже... имѣлъ неосторожность много тратить и—главное—довольно много проигрывать!

— Вы не поняли меня!.. Мнѣ никакого отчета, равно какъ никакихъ денегъ не нужно отъ васъ. Если у васъ есть что нибудь, принадлежащее мнѣ, въ чемъ вы не имѣете особенно настоятельной надобности, то я укажу вамъ лицо, которому вы можете вручить все это. Что касается меня, то мнѣ не до того... Да я, быть можетъ, и не останусь въ Петербургѣ. Я еще ничего окончательно не рѣшила, но жизнь въ этой холодной столицѣ, въ этомъ холодномъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни людей, ни жалости, ни чести, въ этомъ городѣ, гдѣ все таксируется и все продается,—мнѣ не подъ силу!..

Александръ Михайловичъ молча сидѣлъ, потупивъ взоръ и неловко перебирая въ рукахъ пышный султанъ своей форменной каски.

Софья Карловна подняла голову и прямо, въ упоръ взглянула на него, причемъ произнесла:

— Мы съ вами видимся вѣроятно въ послѣдній разъ, Александръ Михайловичъ! Мы разстанемся навсегда, но, прежде чѣмъ навѣки проститься съ вами, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ. Вы согласны?

Онъ отвѣтилъ молчаливымъ наклоненіемъ головы.

— Прежде чѣмъ формулировать свой вопросъ я обращусь къ вамъ съ послѣдней и убѣдительною просьбой. Во имя всего прошлаго, во имя тѣхъ минутъ полнаго счастья, какія я знала подлѣ васъ, и тѣхъ, какія я могла дать вамъ; во имя той горячей, безпредѣльной любви, какою я любила васъ; во имя всей моей загубленной жизни и холодной, сиротливой могилки нашего сына,—дайте мнѣ слово, что вы отвѣтите совершенно прямо и откровенно!

— Я даю вамъ это слово, княгиня!—твердо отвѣтилъ Бетанкуръ.

— Благодарю васъ! Я въ свою очередь даю вамъ слово, что все, что вы скажете мнѣ, навсегда останется тайной между нами.

— Я слушаю васъ, княгиня!..

— Скажите мнѣ, Александръ Михайловичъ, но — умоляю васъ!—прямо и откровенно скажите: эта неожиданная для меня разлука, ваше равнодушіе... ваша измѣна... то равнодушіе, съ какимъ вы встрѣтили вѣсть о кончинѣ вашего ребенка,—все это было продиктовано вамъ? Вы не по своему личному побужденію слѣдовали, когда разбивали всю мою жизнь, втаптывали въ грязь и мое самолюбіе, и мое сердце?

— Мнѣ трудно отвѣтить вамъ на это, княгиня!.. Да, если вы хотите, то я не совсѣмъ самостоятельно дѣйствовалъ и мно-

гимъ готовъ былъ бы пожертвовать для того, чтобы сбросить со своихъ плечъ эту роль.

— Многимъ... но не всѣмъ?

— Да, не всѣмъ!—твердо и прямо отвѣтилъ Бетанкуръ.

— Своимъ служебнымъ положенiемъ и дорогими вамъ аксельбантами напримѣръ вы не пожертвовали бы?—иронически спросила княгиня.

— Нѣтъ, княгиня, ими я не пожертвовалъ бы!—поднимая голову и въ упоръ взглядывая на Софью Карловну, произнесъ Бетанкуръ.

— И... за то, чтобы вы разбили чужую жизнь и чужое сердце, вамъ дорого было заплачено? — дрогнувшимъ голосомъ спросила Софья Карловна.—Сколько сребрениковъ было уплачено вамъ?

— Я не понимаю васъ, княгиня!..

— Ахъ, Боже мой!.. Чего тутъ не понять? Это еще отъ Іуды-предателя ведется; вѣдь имъ была оцѣнена и продана драгоцѣннѣйшая жизнь!..

— Это—ужъ оскорбленiе, княгиня Софья Карловна, а оскорбленiя я даже отъ васъ выносить не стану! Когда позволите вы мнѣ доставить вамъ отчетъ и остатокъ принадлежащихъ денегъ?

— Мнѣ лично доставлять ничего не нужно. Это было бы равно трудно для насъ обоихъ!..

— Я только что хотѣлъ просить васъ объ этомъ и искренне признателенъ вамъ за то, что вы пришли навстрѣчу моему желанiю!—съ легкимъ поклономъ, подымаясь, произнесъ Александръ Михайловичъ.

Княгиня тоже встала съ мѣста, какъ бы подчеркивая этимъ, что считаетъ разговоръ совершенно оконченнымъ, и произнесла:

— Я пришлю вамъ адресъ того лица, которому вы можете передать все то, что пожелаете передать мнѣ!.. Но прошу васъ совершенно не стѣсняться, и если деньги особенно нужны вамъ...

— Мнѣ чужое не нужно, княгиня; до этого я еще не упалъ...

— Одной ступенькой ниже, одной выше—это уже въ счетъ не идетъ!—съ оттѣнкомъ легкаго презрѣнiя произнесла Софья Карловна.

Бетанкуръ почтительно поклонился и вышелъ изъ комнаты.

Даже простымъ рукопожатiемъ не обмѣнялись эти два человѣка, еще такъ недавно близкiе и дорогiе другъ другу и теперь навсегда разъединенные.

Въ тотъ же вечеръ княгиня Софья Карловна послала разы-

скать стараго управляющаго своей матери и, спустя недѣлю, получила отъ него врученные ему Бетанкуромъ отчеты, а съ ними незначительную часть того крупнаго капитала, который она такъ довѣрчиво отдала въ его руки. Отчеты она тотчасъ же, не читая, подписала и приказала немедленно отослать къ Александру Михайловичу, деньги же, даже не пересчитавъ ихъ, отправила въ опекунскій совѣтъ.

Ихъ было сравнительно мало. На проценты съ такого скромнаго капитала жить было нельзя, а потому предстояло проживать капиталъ. Но княгиня не останавливалась предъ этимъ и не задумывалась ни надъ чѣмъ. Она и вообще была непрактична, а въ данную минуту, будучи всецѣло поглощена всѣми обрушившимися на нее ударами судьбы, меньше, нежели когда нибудь, была способна остановиться предъ матеріальными расчетами. Кромѣ того въ ней заговорила и гордость оскорбленной женщины, и ей не только не хотѣлось сократить свои расходы, но напротивъ она желала блеснуть своей роскошью и ослѣпить ею своего невѣрнаго поклонника.

Софья Карловна наняла дорогую квартиру въ центрѣ города, обставила ее съ самой прихотливой роскошью, завела дорогихъ лошадей и цѣнные экипажи, и на все это, пріобрѣтенное безъ расчета, безъ малѣйшаго признака разумной экономіи, потребовалась такая крупная затрата денегъ, что даже неопытный, но честный управляющій, помнившій княгиню еще ребенкомъ, рѣшился предупредить и остановить ее.

Но къ числу недостатковъ Софьи Карловны принадлежало образцовое упрямство, и остановить ее было совершенно невозможно.

Обширнаго круга знакомства она себѣ не составила, но прежніе товарищи мужа охотно навѣщали ее, и вокругъ нея мало-по-малу собрался тѣсный кружокъ искренне и безкорыстно преданныхъ ей друзей, причемъ нѣкоторые изъ нихъ пробовали останавливать Софью Карловну отъ слишкомъ широкаго прожиганія жизни.

Ей случалось и безсонныя ночи проводить въ кругу молодежи, и крупные куши она разъ или два пробовала ставить на карту, но сквозь всю эту напускную удаль громко звучала и сквозила такая мучительная, такая нечеловѣческая тоска, что вчужѣ страшно за нее становилось.

Вѣсти о серьезномъ измѣненіи въ ея образѣ жизни достигли до слуха великаго князя Михаила Павловича, и онъ попробовалъ, по старой памяти, подѣйствовать на княгиню и остановить ее.

Но было уже поздно. И силы были растрачены, и почти все состояніе было прожито!

Съ Бетанкуромъ Софья Карловна почти никогда не встрѣчалась, но до нея косвенно доходили слухи о его служебныхъ удачахъ: онъ быстро подвигался въ чинахъ, къ нему открыто благоволилъ государь, и для княгини уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что большей частью своихъ удачъ онъ обязанъ былъ ей и той неблагодарности, съ какою онъ отвѣтилъ на ея горячую и преданную любовь.

И въ ея душѣ все росло тяжкое чувство оскорбленія, и все глубже и мучительнѣе въ ея сердцѣ ныла рана оскорбленнаго самолюбія и поруганія отвергнутой любви.

Такъ прошло четыре года, которые княгиня провела въ Петербургѣ среди шумной, подчасъ не строго разборчивой суеты и среди такой безпросвѣтной душевной муки и такого полнаго душевнаго одиночества, что она сама боялась признаться себѣ въ нихъ.

Въ началѣ пятаго года, собравъ послѣднія крохи своего состоянія, Софья Карловна поѣхала за границу провѣдать могилку сына и, проживъ тамъ полтора года, вернулась въ Россію, уже вконецъ разоренная. Къ тому же бурныя тревоги послѣднихъ лѣтъ расшатали ея силы, нанесли ущербъ ея красотѣ, и въ исхудавшей, прозрачно блѣдной, хотя все еще граціозной Софьѣ Карловнѣ, въ густой черной косѣ которой уже блестѣли мѣстами серебряныя нити, никто не узналъ бы той легендарной красавицы, предъ которой въ удивленіи останавливался весь Петербургъ и предъ царственной красотой которой покорно склонилась на одну минуту даже голова гордаго и властнаго императора.

Возвращеніе княгини на родину застало Бетанкура въ полномъ блескѣ возмужавшей красоты и удачно сложившейся служебной карьеры, и слухъ о его крупныхъ удачахъ и выпадавшемъ на его долю неизмѣнномъ счастьѣ тяжелымъ гнетомъ ложился на ея душу.

Не то, чтобы она завидовала ему; нѣтъ, чувство зависти было далеко отъ нея, но въ ея наболѣвшей душѣ ропотомъ непосильнаго горя вставало сознаніе несправедливости судьбы, такъ щедро награждавшей одного и такъ неумолимо, такъ незаслуженно преслѣдовавшей другого.

Этотъ ропотъ умалялъ въ душѣ Софьи Карловны вѣру, а у нея въ ея разбитомъ сердцѣ только одна вѣра и оставалась нетронутой.

Въ этотъ послѣдній свой пріѣздъ княгиня никому не дала

знать о своемъ возвращеніи, никого не вызвала къ себѣ и, поселившись въ скромной и сравнительно тѣсной квартиркѣ, на пустынной и отдаленной въ то время Таврической улицѣ, вся цѣликомъ ушла въ свое уже почти старческое, безпросвѣтное, тяжелое горе.

Единственными ея выѣздами были поѣздки на кладбище Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ лежала ея мать и гдѣ, прижавшись измученною головой къ родной могилѣ, она могла, никѣмъ незамѣченная, выплакать свою мучительную тоску.

Въ одну изъ такихъ экскурсій княгиня простудилась и, вылежавъ около двухъ мѣсяцевъ, очнулась отъ болѣзни, вся ослабѣвшая и вконецъ разоренная. Немногія крохи, оставшіяся отъ прежняго большого состоянія, были истрачены во время болѣзни, все неистраченное было расхищено наемными руками, на которыхъ все время оставалась одинокая больная, и въ первый день полнаго выздоровленія и полнаго сознанія княгиня поняла, что у нея ничего нѣтъ.

Обратиться было не къ кому, занять не у кого. Продавать послѣднюю скромную обстановку княгинѣ не хотѣлось; да что могла и умѣла сдѣлать она одна, безъ посторонней помощи и поддержки? Ей даже на то, чтобы продать вещи, нужны были и дружеская поддержка, и дружеское содѣйствіе. А она была совершенно одна!..

Въ минуту полнаго упадка силъ и полнаго одиночества княгиня вспомнила о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, всегда исключительно милостиво относившемся къ ней.

Она, всю свою жизнь гордая и независимая, никогда ни къ кому не обращалась ни съ какою просьбой, и если ужъ ей суждено было пройти черезъ такое оскорбительное чувство и пережить такую тяжкую минуту, то къ великому князю Михаилу Павловичу ей было легче обратиться, нежели къ кому бы то ни было другому.

Но Софья Карловна отстала отъ всѣхъ и отъ всего. Она не знала, въ какіе часы и гдѣ принимаетъ великій князь Михаилъ Павловичъ, и для того, чтобы получить ей нужныя свѣдѣнія, черезъ силу доѣхала до Михайловскаго дворца.

Тутъ она узнала, что великій князь лежитъ въ Варшавѣ настолько сильно больной, что въ городѣ уже совершаются молебствія о его выздоровленіи и что страшно встревоженный государь самъ собирается поѣхать къ нему въ Варшаву.

Стало быть, и съ этой стороны надежда измѣнила, и отсюда ждать помощи было нельзя!..

А положеніе становилось все труднѣе и труднѣе, и нужда уже почти стучалась въ дверь Софьи Карловны.

Въ это время въ одной изъ столичныхъ церквей — кромѣ церкви она никуда не выходила—княгиня встрѣтилась съ Тандреномъ, всегда отличавшимся особеннымъ богомольемъ и усердно посѣщавшимъ церковь.

Тандренъ былъ уже въ мундирѣ флигель-адъютанта. Онъ съ трудомъ узналъ княгиню Софью Карловну, но, узнавъ, очень обрадовался ей и съ такимъ участіемъ освѣдомился о ея дѣлахъ, что она едва могла удержаться отъ слезъ и тутъ же, въ короткихъ словахъ, повѣдала ему все свое глубокое и разнородное горе. Онъ подтвердилъ ей извѣстіе о серьезной болѣзни великаго князя Михаила Павловича и посовѣтовалъ ей черезъ комиссію прошеній обратиться лично къ самому государю.

— Къ нему всѣ обращаются этимъ путемъ! — сказалъ графъ,—и государь почти никому не отказываетъ.

— Но мнѣ онъ, можетъ быть, откажетъ? — несмѣло возразила княгиня.

— Полноте!.. И не думайте объ этомъ!.. Мало ли что прежде было?.. Да то, что было, именно и даетъ вамъ полное право расчитывать на милостивую поддержку государя. Послушайте меня, княгиня, напишите сами прошеніе, или—точнѣе—даже не прошеніе, а простое письмо на его имя, и сами отнесите и передайте это письмо главноуправляющему комиссіей прошеній, князю Голицыну.

Княгиня послушала совѣта Тандрена и въ первый пріемный день лично отправилась въ комиссію прошеній.

Князь Голицынъ тотчасъ же принялъ ее, и хотя лично онъ и не помнилъ ея, но и ея строго приличный видъ, и ея громкое имя, и тѣ остатки несомнѣнной красоты, которые еще неизгладимымъ слѣдомъ лежали на всей особѣ княгини Несвицкой,—все это расположило князя въ ея пользу, и онъ, прощаясь съ ней, сказалъ, что въ первую же данную ему аудіенцію доложитъ государю ея просьбу и заранѣе можетъ увѣрить ее, что отказа она не получитъ.

Княгиня ушла отъ него почти успокоенная и спустя недѣлю, навѣдавшись въ канцелярію, узнала, что наканунѣ этого дня былъ докладъ у государя.

Дежурный чиновникъ посовѣтовалъ ей на слѣдующій день лично повидаться съ княземъ Голицынымъ, и на слѣдующее утро Софья Карловна, полная надежды, была уже въ пріемной князя.

Она была принята тотчасъ же, но съ перваго же слова, обращеннаго къ ней княземъ, ясно увидала, что ничего утѣшительнаго онъ сообщить ей не можетъ.

Князь встрѣтилъ ее еще почтительнѣе и предупредительнѣе, нежели въ первый разъ, и, слегка заминаясь, передалъ ей, что ея просьба отклонена.

— Я такъ и думала!—покорно произнесла княгиня, вставая съ мѣста.

— А я напротивъ рѣшительно не ожидалъ этого!—сказалъ Голицынъ и, жестомъ приглашая княгиню вновь занять мѣсто въ креслѣ, сказалъ:—простите меня, княгиня, но я—человѣкъ прямой и откровенный... Это знаютъ всѣ тѣ, кто часто видитъ меня, это знаетъ и самъ государь. Я даже въ угоду ему не солгу и не слукавлю. Скажите мнѣ, чѣмъ и когда вы могли настолько сильно прогнѣвать государя? Васъ удивляетъ мой вопросъ?.. Но я былъ еще больше удивленъ всѣмъ тѣмъ, что случилось, и считаю себя въ правѣ передать вамъ это подробно, тѣмъ болѣе что государь и не потребовалъ моего молчанія.

— Я слушаю васъ, князь!—произнесла Софья Карловна такимъ тономъ, изъ котораго Голицыну стало совершенно ясно, что онъ не удивитъ ея никакимъ сообщеніемъ.

Онъ молча наклонилъ голову и началъ тѣмъ прямымъ и откровеннымъ тономъ, который заслужилъ Голицыну почетное имя Баярда:

— Я, какъ обѣщалъ вамъ, лично отвезъ во дворецъ ваше прошеніе при первой же данной мнѣ аудіенціи и, доложивъ государю нѣсколько текущихъ безотлагательныхъ дѣлъ, добавилъ, что имѣю повергнуть на его благоусмотрѣніе очень симпатичную просьбу. „Въ чемъ дѣло?"—спросилъ государь. Я отвѣтилъ ему, что привезъ просьбу, лично мнѣ доставленную самой просительницей, почтенной и очень симпатичной дамой, принадлежащей къ высшему обществу и носящей громкій и почетный титулъ. „О чемъ же она проситъ?"—освѣдомился государь. Я передалъ ему вкратцѣ суть вашего дѣла, сказалъ ему, что вы случайно понесли довольно серьезныя матеріальныя потери и рѣшились обратиться къ его милосердію, чтобы выйти изъ непривычнаго для васъ тяжкаго положенія. „О, да!.. да!.. Конечно!—отвѣтилъ государь.—Мои дворяне—опора и гордость моего престола, и я никогда не отвѣчу отказомъ на просьбу лица, принадлежащаго къ почетному дворянскому сословію!.. Сколько она желаетъ получить?". Я отвѣтилъ, что вы не позволили себѣ назначить какую либо цифру, но что ваша нужда велика и настоятельна. „Къ сожалѣнію моя личная шкатулка опустошена!—улыбнулся государь, — и очень щедрымъ я быть не могу, но во всякомъ случаѣ все возможное я сдѣлаю!.. Назначь на первый разъ этой просительницѣ пятьсот рублей единовременно, а тамъ дальше видно будетъ! Ну, а теперь я пройду,

къ женѣ, а ты тутъ пока приготовь мнѣ къ подписи всѣ нужныя бумаги!". Такъ я и сдѣлалъ, и, пока государь кушалъ чай на половинѣ императрицы, я заготовилъ къ подписи всѣ бумаги, и въ томъ числѣ распоряженіе о выдачѣ вамъ назначеннаго императоромъ единовременнаго пособія. Вернувшись государь подписалъ двѣ бумаги, лежавшія поверхъ вашего прошенія, затѣмъ подписалъ и вашу бумагу и, уже подписавши ее, бросилъ на нее разсѣянный взглядъ. Вдругъ его лицо омрачилось, въ глазахъ мелькнулъ хорошо извѣстный всѣмъ намъ недобрый огонекъ, и онъ, положивъ руку на только что подписанную бумагу, громко спросилъ: „Кто эта просительница?.. Княгиня Несвицкая?". Я отвѣтилъ утвердительно. „Кто былъ ея мужъ?" — продолжалъ свои разспросы государь. Я отвѣтилъ, что не знаю. „А кто она урожденная?.. Лешернъ?"—произнесъ государь, особенно громко и грозно. Я отвѣтилъ утвердительно, такъ какъ вы въ разговорѣ съ мной упомянули о своемъ славномъ и доблестномъ отцѣ. Я думалъ подвигнуть его этимъ на оказаніе вамъ усиленной милости, и каково же было мое удивленіе, когда государь, едва выслушавъ мой отвѣтъ, быстрымъ движеніемъ схватилъ со стола бумагу и, громко воскликнувъ *): „Этой... Никогда... и ничего!"—разорвалъ бумагу въ клочки. Возражать я конечно ничего не смѣлъ, но не могъ скрыть свое удивленіе. Это видимо прогнѣвало императора. Онъ молча подалъ мнѣ руку и коротко сказалъ: „Ступай!". Вотъ вамъ, княгиня, точный и подробный отчетъ моей неудачной миссіи! Разберитесь въ этомъ, если можете, и не поставьте мнѣ въ вину моей неудачи! Быть можетъ, современемъ, въ болѣе счастливую и удачную минуту, я и смогу быть вамъ полезнымъ?

— Нѣтъ, князь, благодарю васъ! — дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила княгиня Софья Карловна.—Больше я никогда не обезпокою васъ!.. Я вижу, что у государя очень хорошая память и что... есть такія вины, которыхъ онъ не прощаетъ!

Она вышла изъ кабинета своей прежней, ровной и величественной походкой.

Князь почтительно проводилъ ее и вернувшись крѣпко задумался.

XIX.

У гроба императора.

Прошли года.

Надъ смущенной и потрясенной Россіей нависли грозовыя тучи. Севастополь погибалъ среди геройской борьбы, удивляв-

*) «Историческій Вѣстникъ» 1910 г.

шей весь міръ. Вся Россія ополчалась навстрѣчу предательскому вражьему союзу.

Императоръ Николай Павловичъ стоялъ на порогѣ смерти и молча переживалъ въ душѣ всю свою жизнь, задумываясь надъ незавиднымъ положеніемъ Россіи.

Наслѣдникъ престола, безсильный утѣшить державнаго отца, съ трепетомъ помышлялъ о той минутѣ, когда ему придется взять въ руки бразды правленія.

Весь Петербургъ жилъ только извѣстіями съ юга, и неустанно мчавшихся курьеровъ чуть не на дорогѣ останавливали, чтобы узнать отъ нихъ содержаніе тѣхъ депесеній, какія они везли.

Все отошло на второй планъ и въ обществѣ, и при дворѣ, и всѣ концерты и собранія были замѣнены тѣсными дамскими кружками, участницы которыхъ были заняты исключительно шитьемъ бѣлья для госпиталей и заготовкой корпіи для раненыхъ.

Во всѣхъ церквахъ служили то молебны, за которыми усердно молились семьи ушедшихъ на войну защитниковъ отечества, то панихиды, при которыхъ неутѣшно рыдали осиротѣвшія семьи героевъ, свою жизнь отдавшихъ за спасеніе родины.

Молились всѣ, безъ различія званія и состоянія. Всѣхъ объединяла одна мысль, одна забота, одна могучая горячая молитва—о спасеніи погибающей родины.

Эта горячая молитва проникала во всѣ углы столицы, начиная отъ пышныхъ дворцовъ и вплоть до квартиръ бѣдняковъ, личное горе которыхъ стушевывалось и исчезало предъ всеобщимъ тяжкимъ бѣдствіемъ и всеобщимъ страданіемъ Русской земли.

Газетные листки, нарасхватъ раскупавшіеся на всѣхъ улицахъ столицы, заносились и въ отдаленные уголки пышнаго города, и тамъ прочитывались съ еще большимъ интересомъ и съ большимъ усердіемъ, нежели въ пышныхъ палатахъ. Тамъ, на окраинахъ этого холоднаго города, чувствуютъ больнѣе всякое горе, какъ личное, такъ и общее. Всякія переживанія тамъ проходятъ острѣе. А тяжелое народное бѣдствіе замѣтнѣе отзывается на низахъ, чѣмъ на верхахъ; въ пышныхъ палатахъ въ минуты народнаго траура отмѣняютъ балы, а въ убогихъ хижинахъ льютъ слезы.

Но вотъ въ одинъ изъ хмурыхъ зимнихъ дней, кромѣ обычныхъ газетныхъ номеровъ, на улицахъ столицы появились отдѣльные маленькіе листки, сообщавшіе тревожные бюллетени о состояніи здоровья государя, простудившагося на смотру и съ тѣхъ поръ все сильнѣе и сильнѣе разнемогавшагося.

Одинъ изъ такихъ листковъ былъ принесенъ домой владѣльцевъ крошечной квартирки подъ Смольнымъ монастыремъ, гдѣ кромѣ хозяина, служившаго наборщикомъ въ одной изъ столичныхъ типографій, проживала еще въ боковой, отдававшейся въ наемъ, комнаткѣ бѣдная полуслѣпая старушка, нѣкогда принадлежавшая къ столичному „большому свѣту", а теперь ютившаяся въ крошечной каморкѣ, всѣми забытая, совершенно одинокая, но безропотно переносившая свою горькую невзгоду и никогда не обременявшая никого даже малѣйшею просьбой.

Она жила на скудную пенсію, выхлопотанную ей черезъ посредство одного изъ старыхъ друзей у великой княгини Елены Павловны, смутно припомнившей, что этой старушкѣ во дни ея далекой молодости покровительствовалъ ея покойный супругъ, великій князь Михаилъ Павловичъ.

Княгиня Софья Карловна Несвицкая—такъ звали полуслѣпую старушку,—несмотря на свою бѣдность, умѣла высоко держать знамя своего дворянскаго имени и своего княжескаго титула и пользовалась у своихъ хозяевъ полнымъ уваженіемъ. Когда она изрѣдка выходила въ церковь, ее почтительно водила туда старшая дочь хозяевъ, бѣлокурая Марфуша, любимица княгини, которая хорошо знала ее по голосу, такъ какъ разсмотрѣть ея лицо она уже не могла.

Горячія неустанныя слезы, набѣгавшія въ теченіе многихъ лѣтъ, выжгли ея глаза. Въ нихъ погасъ свѣтъ, какъ погасъ онъ и въ ея утомленной душѣ, и въ ея вконецъ разбитомъ сердцѣ.

Хозяева, съ цѣлью занять свою старую жилицу, приносили ей номера доставаемыхъ ими газетъ; Марфуша читала ей захватывающія новости съ театра войны, и старая княгиня, утомленная своимъ неустаннымъ горемъ, умѣла понимать чужія страданія и горячо сочувствовать имъ.

Въ тотъ день, когда появился первый бюллетень, извѣщавшій о болѣзни государя, Марфуша и его принесла къ своей „старой барынѣ", какъ называла она княгиню, и, увидавъ, какъ глубоко заинтересовало княгиню извѣстіе о болѣзни императора, стала ежедневно доставлять ей эти бюллетени, которые ея отецъ приносилъ съ собой изъ типографіи.

Едва отецъ возвращался домой, Марфуша вытаскивала очередный бюллетень изъ его кармана и съ самымъ озабоченнымъ видомъ направлялась въ комнату жилицы. Тамъ при тускломъ свѣтѣ убогой лампы она приступала къ торжественно-печальному чтенію бюллетеней.

Софья Карловна съ лихорадочнымъ интересомъ выслушивала

ихъ и затѣмъ, оставшись одна, опускалась на колѣна и горячо молилась за государя. Она давно забыла свое далекое, молодое горе, простила все, что было, и теперь, узнавъ, что императоръ Николай Павловичъ готовится предстать на тотъ великій судъ, предъ которымъ ничтожны всѣ суды людскіе, горячо молилась за его гордую и непреклонную душу.

Бюллетени становились все тревожнѣе и тревожнѣе, и сама внезапность болѣзни не обѣщала впереди ничего утѣшительнаго.

Государь всегда пользовался такимъ могучимъ здоровьемъ, его мощная фигура такъ мало гармонировала съ мыслью о болѣзни, что въ душѣ всякаго вдумчиваго человѣка поневолѣ возникала тревога за исходъ этого непривычнаго для него недуга.

Бюллетень, принесенный наборщикомъ поздно вечеромъ, былъ особенно тревоженъ. Утромъ Марфуша принесла новый, еще тревожнѣе и безнадежнѣе, и княгиня, прослушавъ его и оставшись одна, съ особенно тяжелымъ чувствомъ опустилась на колѣна.

Вдругъ съ колокольни сосѣдней церкви раздался унылый и протяжный благовѣстъ. Ему отвѣтилъ ударъ колокола съ другой церкви.

Издали донесся такой же печальный, томительный, глухой ударъ колокола, и вскорѣ унылый перезвонъ, раздавшійся одновременно во всѣхъ церквахъ столицы, возвѣстилъ жителямъ Петербурга, что государя не стало.

Улицы столицы дрогнули и мгновенно наполнились какимъ-то тревожнымъ гуломъ.

Всѣ куда-то спѣшили, всѣ бѣжали и по дорогѣ внезапно останавливались, вступая между собой въ тревожную, полную волненія бесѣду.

Къ Зимнему дворцу бѣжали толпы народа. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы смерть дѣйствительно скосила императора Николая Павловича, этотъ могучій, непреклонный дубъ, чтобы его мощный, властный голосъ навѣки умолкъ, чтобы этотъ властный царь, не знавшій препятствій своей державной волѣ, лежалъ безгласнымъ и бездыханнымъ.

И странно, и страшно было повѣрить этому! Зарождались страшныя сомнѣнія; молва росла и къ вечеру того же дня по городу уже циркулировали тревожные слухи о томъ, что кончина государя была не совсѣмъ случайна, что не одна непреложная Божья воля намѣтила роковой моментъ, но что въ избраніи и назначеніи этого момента участвовала и людская воля.

Говорили о какихъ-то порошкахъ, данныхъ государю по ре-

цепту, прописанному лейбъ-медикомъ Мандтомъ, и народъ, чутко прислушиваясь къ этимъ тревожнымъ слухамъ, уже гудѣлъ, грозно выжидая появленія Мандта и его сотоварища, лейбъ-медика Кареля, тоже лечившаго государя предъ его неожиданной и быстро наступившей кончиной. Обоимъ угрожала серьезная опасность.

До скромнаго уголка, въ которомъ доживала свой вѣкъ старая княгиня Несвицкая, эти грозные и тревожные слухи не доходили. Софья Карловна набожно молилась за усопшаго императора.

Оффиціально, черезъ герольдовъ было объявлено о перевезеніи тѣла государя въ Петропавловскую крѣпость и о часахъ, назначенныхъ въ крѣпостномъ соборѣ для поклоненія праху усопшаго императора.

Прошло нѣсколько дней.

Софья Карловна болѣзненно оживилась и сказала своимъ хозяевамъ, что она тоже посѣтитъ крѣпостной соборъ, чтобы проститься съ прахомъ государя.

Вѣрная Марфуша тотчасъ же вызвалась сопровождать ее, вопреки волѣ отца и матери, которые боялись отпустить ее въ тѣсноту вмѣстѣ съ полуслѣпой старушкой.

— Затолкаютъ васъ, матушка ваше сіятельство,—заботливо отговаривала хозяйка, поддерживаемая мужемъ.—Вѣдь тѣснота тамъ, гляди, такая будетъ, что и здоровымъ-то не пробраться!.. Куда уже вамъ съ Марфуткой? Старый да малый... Васъ и вовсе задавятъ!..

— Ужъ вы, маменька, чего только не скажете!—недовольнымъ голосомъ возразила огорченная Марфуша.—Небось тамъ и полиція, и начальство! За порядкомъ-то тамъ есть кому наблюдать!

— Не безпокойтесь! — поддержала свою обычную спутницу старая княгиня.—Меня пропустятъ!..

Она такъ властно произнесла эти слова, что хозяева тотчасъ сдались на нихъ, въ раздумьѣ только какъ бы нерѣшительно проговоривъ:

— Ну, коли такъ, конечно! Что-жъ, съ Богомъ! Идите себѣ!

Софья Карловна разумно пережидала, чтобы въ первые дни схлынула толпа, и только наканунѣ дня, назначеннаго для погребенія государя, сказала Марфушѣ, чтобы она къ вечеру собиралась.

Деньги на извозчика княгиня съэкономила на своемъ скудномъ столѣ, и поздно вечеромъ, въ тѣ часы, которые были отведены для простого народа, „старый и малый“, какъ называли

княгиню и Марфушу въ скромной квартиркѣ наборщика, одѣвшись въ черное, отправились въ Петропавловскую крѣпость.

Крѣпостныя ворота были широко отворены, и въ нихъ, соблюдая строгій порядокъ, впускали всѣхъ желавшихъ поклониться праху государя и проститься съ нимъ.

Княгиня со своей спутницей стали въ хвостѣ и, постепенно подвигаясь вмѣстѣ съ этимъ извивавшимся хвостомъ, наконецъ достигли паперти собора и черезъ настежь открытыя двери вступили въ храмъ.

Вся церковь была залита огнями. У гроба въ парадныхъ мундирахъ дежурили высшіе чины двора, въ головахъ и у ногъ державнаго покойника стояли кавалергарды въ полныхъ парадныхъ мундирахъ съ опущенными внизъ палашами. По церкви, покрывая тихій, сдерживаемый гулъ толпы, уныло звучалъ голосъ протоіерея, читавшаго евангеліе. Взадъ и впередъ по храму, осторожно ступая, почти неслышными шагами скользили чины придворной и городской полиціи, равняя линіи народа и наблюдая за порядкомъ. У ступеней высокаго катафалка, держа послѣдній почетный караулъ, стояли старики-лейбъ-гренадеры, а вдоль складокъ царской мантіи, съ гроба опускавшейся до самаго амвона, были разставлены въ строгомъ порядкѣ младшіе чины двора.

У Марфуши глаза разбѣжались отъ всего этого величія и всей этой роскоши.

Княгиня же Софья Карловна ничего не видала и съ трудомъ могла различить только красныя ступени возвышенія и блескъ тяжелаго парчеваго гроба.

Увидавъ въ толпѣ полуслѣпую старушку, которую подъ руку вела молоденькая дѣвушка, и опасаясь, чтобы, поднимаясь на ступени катафалка, старушка не споткнулась и не произвела какого нибудь безпорядка, одинъ изъ чиновъ дворцовой полиціи подошелъ и, обращаясь къ Марфинькѣ, учтиво, но довольно настоятельно замѣтилъ:

— Вы бы старушку-то въ сторонкѣ оставили!.. Неудобно ей будетъ... Тѣсно тутъ... народа много... Да и вѣдь она все равно ничего не увидитъ!..

— Нѣтъ, я имѣю право пройти и пройду!—отстраняя растерявшуюся Марфиньку, проговорила Софья Карловна такимъ властнымъ голосомъ, что полицейскій агентъ моментально отступилъ, чтобы дать ей дорогу. — Кто вы? — тѣмъ же тономъ спросила княгиня.—Васъ я явственно не вижу!..

Въ конецъ озадаченный полицейскій почтительно объяснилъ, какое мѣсто онъ занимаетъ въ штатѣ дворцовой полиціи.

— Кто на дежурствѣ при гробѣ?—продолжала княгиня свои властные и гордые разспросы.

Полицейскій назвалъ ей нѣсколько именъ и закончилъ перечень словами:

— По правую сторону, въ головахъ, стоятъ: камергеръ Вонлярлярскій и генералъ-адъютантъ Бетанкуръ.

При имени послѣдняго княгиня слегка вздрогнула.

— Когда смѣнится дежурство?—спросила она.

— Черезъ пять минутъ!—попрежнему, почти раболѣпно отрапортовалъ полицейскій.

— Отведите мою спутницу въ сторону!—повелительно сказала Софья Карловна,—и дайте ей покойное мѣсто!.. Я стану вмѣстѣ съ нею, а когда смѣнится дежурство, то подойдите къ дежурному генералъ-адъютанту, и скажите ему, что княгиня Несвицкая желаетъ проститься съ государемъ и проситъ пропустить ее къ гробу!.. Прибавьте къ свѣдѣнію его высокопревосходительства, что княгиня почти совершенно слѣпа и что безъ особаго содѣйствія окружающихъ ей будетъ трудно подняться и подойти ко гробу!

Оторопѣвшая Марфинька растерянно смотрѣла на все, что совершалось предъ ней, и слегка трусила. Она не узнавала своей „старой барыни“ и въ то же время проникалась никогда до тѣхъ поръ не испытаннымъ уваженіемъ къ ней.

Софья Карловна вся какъ будто преобразилась. Въ ней не осталось и тѣни прежней робости и смиренія. Ея туалетъ, болѣе нежели скромный, носилъ печать чего-то особеннаго, неотразимо барскаго.

Полицейскій помѣстилъ ихъ въ амбразурѣ между двумя колоннами и самъ остановился неподалеку, смутно сознавая, что онъ охраняетъ какую-то непонятную ему власть и силу. На него сильно воздѣйствовалъ тонъ этой старой женщины, столь скромно одѣтой и въ то же время столь властно говорившей.

Княгиня, опустившись на любезно поданный ей стулъ, совершенно въ сторонѣ отъ дефилировавшей въ строгомъ порядкѣ толпы, напрягала всѣ силы своего полуугасшаго зрѣнія, чтобы разглядѣть впереди высокій катафалкъ съ возвышавшимся на немъ большимъ и массивнымъ гробомъ. Но явственно разглядѣть она ничего не могла. Она скорѣе угадывала, нежели видѣла, и грозный профиль потемнѣвшаго лица государя, и строгія линіи высокаго лба съ зачесанными сбоку сѣдѣющими волосами, и надъ этимъ царственнымъ лбомъ яркіе блики высокой короны, окруженной постепенно спускавшимися со ступенекъ безчисленными бархатными подушками съ орденами.

Предъ потухшимъ взоромъ Софьи Карловны смутно вставалъ

увѣнчанный короной балдахинъ со спускавшимися съ четырехъ угловъ огромными горностаевыми мантіями и высокіе, обтянутые чернымъ крепомъ, подсвѣчники со множествомъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей.

Лицъ, окружающихъ гробъ, она разглядѣть не могла и терпѣливо ждала, чтобы кратковременное, каждыя двадцать минутъ смѣнявшееся, дежурство окончилось, ни на минуту не сомнѣвалсь, что Бетанкуръ тотчасъ же откликнется на ея почти повелительный призывъ и пойметъ, что она, болѣе нежели кто-нибудь, имѣетъ право близко подойти къ гробу почившаго государя.

Софья Карловна не ошиблась. Послушный ея волѣ полицейскій тотчасъ же послѣ смѣны дежурства подошелъ къ генералъ-адъютанту Бетанкуру и, почтительно изогнувшись, тихо доложилъ ему что-то.

Бетанкуръ вздрогнулъ, растерянно подался впередъ и, оправивъ ордена и аксельбанты на груди, направился къ главному церемоніймейстеру, издали наблюдавшему за порядкомъ приближенія къ гробу публики, поочередно впускаемой въ храмъ для поклоненія праху государя.

Тотъ внимательно выслушалъ его и вмѣстѣ съ нимъ направился вслѣдъ за указавшимъ имъ путь полицейскимъ, въ тотъ уголъ храма, гдѣ, опустивъ на грудь сѣдую голову, сидѣла худая и блѣдная старушка со сложенными на колѣнахъ, исхудавшими руками, съ чернымъ капоромъ на совершенно сѣдыхъ волосахъ.

Княгиня скорѣе угадала, нежели увидала ихъ приближеніе, и полнымъ достоинства жестомъ высоко подняла свою какъ будто разомъ преобразившуюся и помолодѣвшую голову.

— Вы—княгиня Несвицкая?—почтительно нагибаясь къ ней, спросилъ церемоніймейстеръ, въ то время какъ Бетанкуръ молча смотрѣлъ на нее пристальнымъ, полнымъ удивленія, почти ужаса взглядомъ.

Онъ никогда не узналъ бы въ этой бѣдной, слѣпой старушкѣ той царственной красавицы, у ногъ которой онъ нѣкогда склонялся съ такимъ благоговѣйнымъ обожаніемъ и предъ которой, въ порывѣ могучей страсти, склонилась даже державная голова гордаго властелина, въ ту минуту лежавшаго въ гробу, окруженнаго всѣмъ блескомъ покинутаго имъ суетнаго міра и покорно ожидавшаго великаго Божьяго суда!..

— Да, я — княгиня Софья Карловна Несвицкая, рожденная Лешернъ! — явственно и совершенно спокойно отвѣтила „бѣдная старушка“.

— Потрудитесь слѣдовать за мной!—произнесъ церемоніймей-

стеръ.—Я самъ проведу васъ къ гробу государя. Вамъ угодно, чтобы ваша спутница слѣдовала за вами?

— Да, я привыкла, чтобы она вела меня. Я одна идти не могу: я плохо вижу.

Церемонiймейстеръ почтительно склонилъ голову.

— Возьмите подъ руку княгиню и слѣдуйте за мной!—обратился онъ къ Марфинькѣ.

Та двинулась впередъ ни жива, ни мертва. Она шла, какъ во снѣ, и если бы не рука слѣпой „старой барыни", которую она вела съ обычной осторожностью, она способна была бы бросить все и убѣжать изъ собора.

Бетанкуръ шелъ сзади, заботливо отстраняя надвигавшуюся толпу, и такимъ образомъ княгинѣ Софьѣ Карловнѣ приходилось подвигаться къ гробу императора Николая Павловича съ тѣмъ же почетомъ, которымъ она пользовалась когда-то.

Ровнымъ и спокойнымъ шагомъ, поддерживаемая подъ руку церемонiймейстеромъ, у самаго гроба смѣнившимъ оторопѣвшую и вконецъ растерявшуюся Марфиньку, княгиня поднялась на высокiя ступени катафалка, благоговѣйно перекрестилась и блѣдными губами прижалась къ потемнѣвшей рукѣ государя. Затѣмъ, поднявъ голову, она смѣлымъ движенiемъ откинула рукавъ своей бѣдной суконной шубки и широкимъ крестомъ трижды осѣнила голову императора.

Всѣ присутствующiе пристально взглянули на нее, но ни поддерживавшiй ее церемонiймейстеръ, ни непосредственно слѣдовавшiй за нею Бетанкуръ не удивились и не поразились смѣлостью этого посмертнаго благословенiя бѣдной полуслѣпой старушки у гроба могущественнаго и гордаго императора! Оба они знали, какiе земные счеты связывали ихъ, оба они поняли, что значило это благословенiе.

Церемонiймейстеръ былъ родной дядя графа Тандрена, и отъ племянника былъ подробно знакомъ съ эпизодомъ, нѣкогда разыгравшимся между княгиней Несвицкой и императоромъ Николаемъ Павловичемъ. У Бетанкура этотъ эпизодъ тоже глубоко сохранился въ памяти.

Спустившись со ступенекъ и поблагодаривъ своего обязательнаго спутника, княгиня остановилась и, оглядывая все вокругъ своимъ туманнымъ, померкшимъ взглядомъ, тихо проговорила:

— Теперь вы, генералъ Бетанкуръ, проведите меня до моего прежняго мѣста,—сказала Софья Карловна, послѣ того какъ при помощи того же обязательнаго церемонiймейстера спустилась со ступенекъ катафалка.—Я и съ вами хочу проститься!

Отстранивъ на этотъ разъ сама руку Марфиньки, княгиня ощупью оперлась на руку блестящаго генералъ-адъютанта и прошла съ нимъ сквозь почтительно разступавшуюся предъ ними толпу.

Дойдя до ожидавшаго ее стула, Софья Карловна не опустилась на него, а оперлась о него рукой и, повертывая голову въ сторону Бетанкура, тихо, но внятно проговорила:

— Я простилась съ государемъ и въ своемъ посмертномъ благословеніи все простила ему!.. Миръ его праху и да будетъ ему легка земля!.. Но, вы... вы.. вы на мою горячую, преданную любовь отвѣтили измѣной, бросили меня, прельстившись блестящимъ положеніемъ и карьерой, испугавшись гнѣва монарха за мою любовь къ вамъ.. Государь не видалъ меня такою, какою я стала, больною, нищею, полуслѣпою!.. Вы видите меня такою, и въ этомъ—ваше наказаніе!.. Какъ вы ни черствы, какъ ни холодны, какъ ни глубоко ушли въ тину вашего мнимаго „большого свѣта", но настоящая минута не изгладится изъ вашей памяти, и въ вашъ смертный часъ я предстану предъ вами такою, какой вы видите меня теперь, съ потухшими глазами и поникшей, сѣдою головой!..

— Но, княгиня... я готовъ!..—началъ Бетанкуръ.

Софья Карловна властнымъ жестомъ остановила его

— На что вы готовы? На помощь мнѣ?—гордо поднимая голову, спросила она.—Да развѣ вы думаете, развѣ можете хоть одну минуту остановиться на мысли, что я приму отъ васъ какую нибудь помощь? Плохо же вы помните меня!.. Отдать я могла все, щедро, беззавѣтно, глупо отдать, но я никогда не взяла ничего чужого, и вы, генералъ Бетанкуръ, послѣдній, у кого бы я согласилась взять что нибудь!

„Но довольно укоровъ, довольно горькихъ воспоминаній о томъ, что было и что никогда не можетъ вернуться!.. Не для того, чтобы укорять, пришла я сюда. Я пришла со словомъ мира и прощенія, и сама судьба устроила такъ, что этому слову моего прощенія открылось еще болѣе широкое и могучее примѣненіе!.. Собираясь сюда, я не думала встрѣтить васъ здѣсь. Богу угодно было устроить эту встрѣчу для того, чтобы я ушла отсюда, примиренная со всѣмъ и со всѣми и совершенно готовая стать на строгій судъ, за которымъ уже нѣтъ ни прощенія, ни покаянія! Ему угодно было погасить въ моей истрадавшейся душѣ послѣднюю искру гнѣва и мести и показать мнѣ у подножія этого царскаго гроба, какъ ничтожно все земное!..

„Я пришла проститься и примириться съ усопшимъ императоромъ и, покорная Промыслу, прощаюсь и примиряюсь съ вами!

Намъ больше никогда не придется встрѣтиться въ жизни, судьба никогда не столкнетъ насъ вмѣстѣ. Жить мнѣ осталось недолго... очень ужъ я устала... Не больно мнѣ, не тяжело, не трудно; я просто устала, и мнѣ хочется отдохнуть! Этотъ отдыхъ близокъ. Я жду его съ покорностью и любовью!.. Вѣчный, непробудный сонъ—это такое счастье, такое благо! Къ нему надо подойти съ чистой душой, къ нему надо приготовиться. И въ преддверіи этого отраднаго вѣчнаго сна я хочу очистить свою душу отъ всякаго тяжелаго чувства, отъ всякаго тяжкаго впечатлѣнія.

„Отъ жизни я давно отошла, у меня съ ней уже давно нѣтъ ничего общаго, и моимъ единственнымъ тяжелымъ чувствомъ было воспоминаніе о васъ, генералъ Бетанкуръ, воспоминаніе о моей загубленной, преданной и проданной жизни! Богъ судилъ утишить въ моей душѣ это послѣднее суетное страданіе, осадокъ пережитаго горя, и я покорно преклоняюсь предъ Его святою волей! Я прощаю вамъ, генералъ Бетанкуръ, и свою разбитую жизнь, и свое поруганное сердце, и тѣ потоки горькихъ слезъ, отъ которыхъ я ослѣпла! Я сниму съ вашей души всю тяжесть отвѣта за прошлое и благословляю васъ на всю остающуюся вамъ жизнь!.. Пусть не знаете вы ни нужды, ни униженія, ни горя; пусть вамъ улыбнется жизнь свѣтлой улыбкой семейнаго счастья, и пусть въ неизбѣжную для всѣхъ минуту кончины васъ не коснется ни одинъ запоздалый укоръ совѣсти!

„Прощайте! Проводите меня до выходной двери! Меня съ моей неопытной спутницей затолкаютъ въ толпѣ“.

Бетанкуръ, слушавшій Софью Карловну весь блѣдный и взволнованный, почтительно подалъ ей руку и, низко склонивъ голову, молча и почтительно прикоснулся къ ея блѣдной высохшей рукѣ. Она не видала его лица, но почувствовала, какъ на руку ей капнула горячая слеза.

Онъ молча довелъ княгиню до дверей собора среди почтительно разступавшейся предъ нимъ толпы, а на порогѣ храма въ послѣдній разъ почтительно поклонился Софьѣ Карловнѣ и бережно передалъ ее слѣдовавшей за ними молодой дѣвушкѣ.

На паперти старушка остановилась и, почувствовавъ струю свѣжаго воздуха, вздохнула полной грудью. Ей было тяжело среди этой многочисленной толпы, среди всего этого невидимаго, но глубоко ощущаемаго ею блеска.

Въ это время въ храмѣ началась общая панихида. Марфинька остановилась вмѣстѣ съ нею и, нагнувшись къ ней, тихо и осторожно спросила:

— Что же это такое, ваше сіятельство? Значитъ, всѣ эти большіе господа и любятъ, и помнятъ васъ?

— Никто не любитъ, дитя мое!—грустно улыбнулась княгиня,—а помнятъ многіе!..

— Вы, стало быть, и сами прежде такія же важныя, какъ и они, были?

— Была когда-то, но это все давно прошло! — вздохнула княгиня,—безслѣдно, невозвратимо прошло!

— И ничего отъ этого не осталось?—съ недоумѣніемъ, почти съ испугомъ переспросила наивная дѣвочка.

Изъ храма въ это время донеслось стройное, душу надрывающее пѣніе.

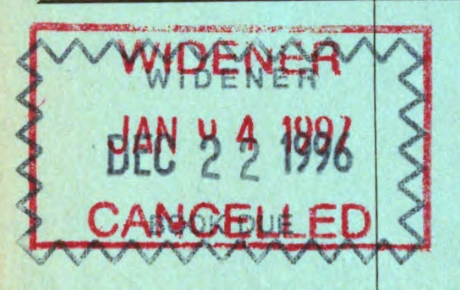
„Вѣчная память",—рыдалъ хоръ среди благоговѣйнаго, мертваго молчанія тысячной толпы.

Софья Карловна набожно перекрестилась и съ грустной, покорной улыбкой отвѣтила:

— Вотъ только это и осталось, дитя мое... то, о чемъ святая церковь у гроба покойниковъ постоянно молится... „Вѣчная память".

КОНЕЦЪ.

3 2044 044 498 020

WIDENER
WIDENER
JAN 04 1997
DEC 22 1996
CANCELLED

